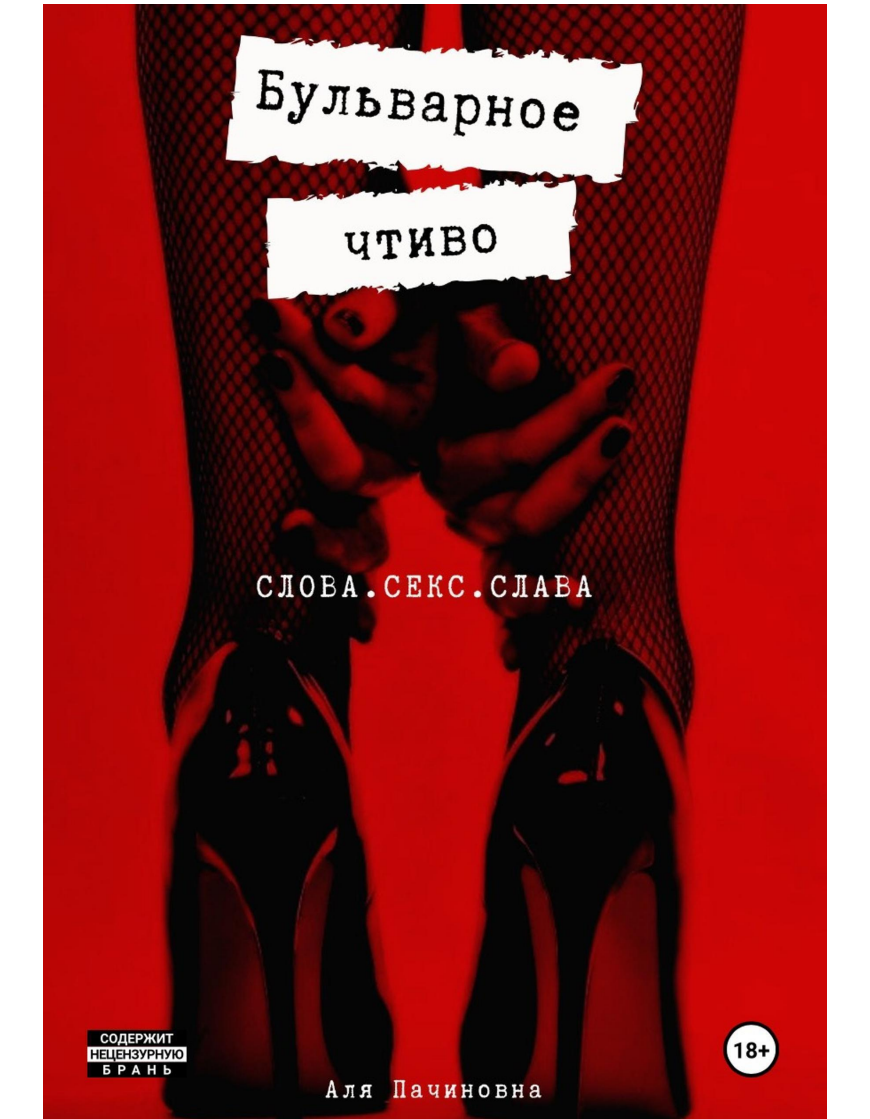

Бульварное

ЧТИВО

СЛОВА.СЕКС.СЛАВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Аля Пачиновна

18+

Аля Пачиновна

Бульварное чтение

<https://litres.ru/74294524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чем живёт обычная, среднестатистическая русская баба «хорошо за тридцать»?

Дом, работа, семья — если повезло. Если нет — то же самое, только вместо семьи винишко, сериальчики и бульварное чтение.

И, конечно, мужики. Козлы, уроды — называйте как хотите. Суть одна: она скачет через них, с завидным упорством приземляясь на одни и те же грабли.

Слава Гагарина - именно такая: обычная среднестатистическая баба. Ей 38, она живет как все, не ждёт приключений, не ищет трансформации, не планирует становиться частью чьей-то игры - её вполне устраивают тихие вечера дома с книжкой, пока одна неожиданная встреча с таинственной Марией не затягивает её в сценарий, достойный голливудского «кина» с Энн Хэттауэй.

Мария, до боли похожая на хозяйку элитного эскорт-агентства, делает Славе предложение, от которого та не в силах отказаться: встретиться за деньги с загадочным меценатом - «мессиром» Александром, который ежегодно посещает Москву в канун Первоя.

Содержание

Глава 1. Никогда не разговаривайте с незнакомками и не садитесь к ним в машину	5
Глава 2. Копирайтер влажных фантазий	14
Глава 3. «Могу сразу с минета начать...»	32
Глава 4. «No name — no game?»	41
Глава 5. Почём марафон про прокачке точки «G»?	54
Глава 6. Как выиграть в лотерею и не проебать ориентацию	65
Глава 7. Дьявол носит «Cartier»	73
Глава 8. Есть ли предел у совершенства?	88
Глава 9. Cunt power	98
Глава 10. Аукцион, который моя мама не одобрила бы	115
Глава 11. Женский день	127
Глава 12. Приманка для скептиков с критическим мышлением	135
Глава 13. Вербовка эскортниц в сексотки	151
Глава 14. Отсутствие опыта не всегда компенсируется богатым воображением	167
Глава 15. «Задний вход в нирвану»	178
Глава 16. Рынок шкур или элитный бутик?	195
Глава 17. Свет мой, зеркальце...	208

Глава 18. Fake it till you make it	223
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Бульварное чтиво

Глава 1. Никогда не разговаривайте с незнакомками и не садитесь к ним в машину

(Четверг, 6 марта, Москва, Альтернативная Российская Реальность, такая реальная, что приходится сомневаться в ее альтернативности...)

Чем живёт обычная, среднестатистическая русская баба “хорошо за тридцать”? Дом, работа, семья — если повезло. Если нет — то же самое, только вместо семьи — винишко, сериальчики и бульварное чтиво. И, конечно, козлы, через которых она скачет, регулярно приземляясь на одни и те же грабли.

В перерывах между мудаками она может родить или построить карьеру. Но разница в нюансах не меняет общей картины: плюс-минус ухоженная, модно одетая (в “Зару”) с фейковой «Шанелью» она идёт по жизни, мечтая. Потому что в этом жестоком мире бабе без мечты никак.

Здравствуйте. Я — Слава. Слава Гагарина. У меня был прикольно-ебанутый дед, который назвал меня так, потому что я родилась в День космонавтики, а мой папа, по ужасному стечению обстоятельств, оказался однофамильцем леген-

дарного Юрия. Старик, помимо своеобразного юмора, отличался любовью к краткости. Ни тебе Ярослава, ни Святослава, ни хотя бы Мирослава. Просто Слава. И точка. Шутки про мои паспортные данные можно выпускать отдельным альманахом. Ну, давай умник, выдай! «Вот бы поиметь Славу Гагарина»? Да ты что! Оригинально! Садись, пять. Когда на меня сально пялится очередной юморист, я жалею, что не Клава. У неё, может быть, получалось бы конвертировать взгляды в профит. А у меня — фейспалм. Так я и существую — среднестатистическая, в «Заре», с фейковой «Шанелью», скачущая через козлов в перерывах между сериалами и вишнишком.

Я бегу по столичной слякоти, потому что одними сериалами и вином сыт не будешь. Мечтай — не мечтай, а рассчитывать в этой жизни нашей бабе можно только на себя.

— Твою же... м... а-а-а...!

Так и знала. Новое пальто. Если бы не пульсирующее похмелье в висках, я бы выла вслед уроду на четырёх колёсах, из-под которых меня оросило мартовской жижей.

Ненавижу март.

Ненавижу грязь.

Ненавижу!

Теперь я стою, как оплётанная, на пешеходном переходе, в луже, испорченным утром в испорченном пальто. А у меня собеседование. Я опаздываю. И что теперь? Слава Гагарина хоть и не сдаётся, но песок во рту — весомый повод

развернуться и позорно поплестись домой. Чёрт. Ну почему всё всегда так... несправедливо?

— Эй!

Поднимаю голову. Тот, кто меня окатил, остановился. Дал задний ход. Чуть не наехал на ногу.

— Правильно, давай добей меня, урод! — бурчу в чёрное стекло внедорожника.

— Сильно пострадала? — ласковый голос доносится вместе с тёплым облаком духов. — Прости, пожалуйста.

Смотрю, а это не урод. А вполне симпатичная девушка.

— Садись, подброшу. Тебе куда?

Сглатываю песок и неприличные слова, называю адрес. Будто не своими руками хватаюсь за ручку. Был бы за рулём мужик — пошёл бы лесом. Я же не Клава какая. Только обычно все встречающиеся на моем пути мужики или тряпки или животные. Первые на таких тачках не ездят. Вторые никогда не извиняются.

Сажусь. Тепло. Ароматно. Кожа сидения греет мою непутевую задницу.

Девушка отъезжает от обочины и ловко вливается в поток.

— Там, кстати, зебра была, — отмираю, украдкой разглядывая хозяйку авто. «Насосала», тут же проносится в голове, но я обрываю внутреннего суфлёра, отворачиваюсь к окну. Надо бить себя по затылку всякий раз, как возникает желание навешивать ярлыки. Но, извините, дорогие мои, с такими губами вряд ли она руководит каким-то серьёзным пред-

приятием. Максимум держит за яйца какого-нибудь папика. И нет, я не завидую. Я работник интеллектуального труда и должна быть выше оценочных суждений.

— Ой не душни, я знаю, я просто на массаж опаздываю, — отмахивается рыжая и бросает беглый взгляд на мое кремовое пальто, которое ещё утром мне так нравилось. — Ничего, купишь новое. Лучше этого. От Армани, или Диор.

— Всенепременно, — фыркаю, рефлекторно прижимая к себе свою «Шанель» с Садового.

— И сумочку такую же. Только настоящую, — добавляет она.

В иной ситуации я б что-нибудь съязвила. Но эта дамочка совершенно обезоружила меня. Сижу и обтекаю, хоть и за редким исключением не по своей вине.

— Держи, — она протягивает салфетку, сверкнув каратами. Наверняка не паль. И браслетик. И серёжки. Мама дорогая, я таких девиц только в Инстаграме¹ видела. Даже слов не нахожу — просто утираюсь молча.

— Не сердись, — утешает она. — Я ж не специально. Меня, кстати, Маша зовут.

— Слава, — бурчу, приводя себя в порядок.

— КПСС? — подмигивает стерва и хихикает. Шутка выдаёт возраст. Ну и глаза. Приглядываюсь — так и есть. Она лет на десять старше, чем я думала. Ей слегка за сорок,

¹ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

но выглядит безупречно. Ухоженная, как выставочный экспонат достижений современной косметологии. Перламутрово-рыжие волосы гладким шёлком рассыпались по плечам, обтянутом чёрной кожей косухи. Явно дизайнерская вещь. Вообще, она вся как из модного журнала.

— Гагарина, — машинально отвечаю я.

Рыжая поворачивается, удивлённо изгибает бровь. Лоб подколот, но мимика живая. А это очень дорого.

— Прикалываешься? — она улыбается, а я не могу понять — это виниры или это свои зубы такие идеальные? Интересно, как этим женщинам хватает духа исполнять чужие фантазии за дорогие подарки. Потому что, я, сколько бы не поступало мне подобных предложений, ни разу не нашла в себе силы побороть страх и брезгливость. Может, зря? Сейчас бы тоже в такой тачке каталась.

— Это дед прикалывался, когда имя мне придумывал, а я — серьёзно, — проговариваю я самым дружелюбным тоном, на который способна женщина в испорченном пальто и с похмелья.

— Слушай, ну с такими паспортными данными у тебя должно быть светлое будущее. Помнишь: как там про корабль было? Как назовешь — так и поплывёт...

— Ну, вот я и плыву, — улыбаюсь, разглядывая грязные разводы на кашемире. — Потому что фамилия моя с космосом никак не связана.

— А чем занимаешься, Слава Гагарина, по жизни?

— Работу ищу, — пожимаю плечами. — Кто-то же должен работать.

— Фи, мон шер, — морщится рыжая. — Терпеть не могу это слово. «Работа». Какое-то оно грубое, как ругательство. Согласна?

Она выдувает розовый пузырь из жвачки и смачно вытягивает его обратно. По глазам вижу — образ. Театр. Она со мной играет? Или это флирт? Это странно, потому что я, мягко говоря, не её целевая аудитория. Картье я ей не куплю за интим. У меня нет для этого никаких ресурсов.

Но рыжая, ловко лавируя в потоке машин, бросает на меня заинтересованные взгляды, слишком часто, чтобы я решила, что мне это кажется. Собственно, я тоже откровенно пялюсь, изучая детали. Ну хоть бы один изъяз найти! Неужели, бывают люди, которым не нужны фильтры?

— Да, неприятное слово, — соглашаюсь. — А ты чем занимаешься?

— Инвестирую, — улыбается она.

— В крипту, наверное? — я тоже растягиваю губы.

— В искусство.

— Прикольно, — киваю и, прежде чем прикусить себе язык, говорю: — Интересно, и сколько сейчас стоит Шагал, если считать в минетах?

Да, не сдержалась! Мой речевой аппарат мне часто не принадлежит и выдает то, что может задеть чувства каких-нибудь верующих или служить поводом для начала ядерного

конфликта. Но рыжая даже глазом не ведёт. Вряд ли прикидывается, скорее, очень хорошо контролирует мимику, либо это просто ботокс...

— Слушай, это же вроде Пожарский? — она переводит взгляд в окно.

Машина притормаживает. Мы приехали. Смотрю на потрёпанный айфон. Даже не опоздала и есть целых десять минут в запасе. Но покидать нагретое место страшно лень. За дверью дорогого авто промозглый март и очередное опостылевшее собеседование, а здесь тепло, уютно, вкусно пахнет и звучит джаз.

— Да, спасибо. Это он, — киваю.

На самом деле, благодарить мне не хочется, да и не за что. Это ведь по её вине я сейчас испорчу о себе первое впечатление потенциально нового начальства и коллектива. Встречают же, как известно, по одежке. Но надо отдать должное, эта фифа от Диор не бросила меня на дороге замызганную, как это сделал бы почти любой мужик на такой же вот тачке.

— Извини... — она забавно морщит носик. — Я бы поболтала ещё с тобой, но очень спешу. Вот, держи.

Она лезет в бардачок и достаёт... какие-то сиреневые бумажки. Фокусируюсь — три купюры по пятьсот евро. Щедро. Ладони зудят так, что приходится сжать их в кулаки. Смотрю и не могу отвести глаз. Красивые, сука, со звездочками.

— Компенсация, — объясняет. — За испорченное пальто.

Да понятно, что не за красивые глаза. Просто так такими деньжищами разве разбрасываются? Кое-как отрываю взгляд от иностранных ассигнаций, смотрю в карие глаза искусительницы. А она ими откровенно смеётся. Мол, ртом можно по-разному зарабатывать, детка.

— Спасибо. Не стоит. Оно мне и так не очень нравилось...
— мямлю я, краснея. Чувствую как над верхней губой выступает влага.

— То есть? Не берёшь? — уточняет моя визави и усмехается.

Вот очень хочется сказать, что я догадываюсь каким трудом ей достаются эти деньги, поэтому просто не могу их взять и пусть она их лучше потратит на молоко за вредную работу. Но кусаю себе язык и отрицательно мотаю головой.

— Ну, как хочешь, — пожимает плечами, слегка выпятив нижнюю губу. — Я два раза не предлагаю.

И убирает их обратно в бардачок.

Облизываю сухие губы. Берусь холодными пальцами за ручку двери, поднимаю воротник. До боли в лицевых мышцах пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица человека, уверенного в своих действиях. Уже спускаю одну ногу в лужу на асфальте, как рыжая говорит:

— Постой!

Я замираю. У девушки в изящной руке какая-то брошюрка или купон какой-то. Хватаю на автомате, чтобы хоть чем-то гештальт прикрыть, и выхожу из машины.

— Это пригласительный, — поясняет она в открытое окно, трогаясь. — Приходи в пятницу на одно интересное мероприятие. Тебе понравится.

Успеваю отскочить в сторону, прежде чем волной из под колёс захлебнутся мои модные ботинки от «Доктор Мартенс». Смотрю на билетик — на чёрном глянце золотом вытеснены несколько строк:

«Маша Фаберже — твой гид в сладкую жизнь наслаждений. Вечеринка только для девочек. Дресс-код: чёрное, каблуки и никаких мужчин».

Глава 2. Копирайтер влажных фантазий

Моё первое произведение называлось «Сказка». В детском саду я вызвалась написать сценарий к кукольному спектаклю. Изложила сюжет на пяти промокашках. По сюжету у царя было три дочки. Но женихов у них не было потому что не было приданого. Тогда Царь совершил благородный отцовский поступок: пожертвовал своими тремя органами, чтобы обеспечить дочерям достойное будущее. Какими именно органами — не спрашивайте. В четыре года я с анатомией была не особенно близка.

Дочери выскочили замуж, разъехались по своим сказочным мужьям, а царь-инвалид остался доживать в одиночестве. Сценарий утвердили. Начали репетировать. Но спектаклю не суждено было состояться. После недолгого совещания родителей и педагогического состава постановку признали не «сказкой», а драмой 18+.

Потом я пыталась перейти в стихотворную форму. Помню, была поэма о женщине, которая влетела в окно к мужику и покорила его своей ебанутостью. Шедевр, увы, утерян.

Было ещё штук пять-семь стихов. В том числе про кельтскую девочку с ножичком — вдохновилась в семнадцать эскизом из альбома татуировок: примитивный контур, девоч-

ка с острым лезвием и подпись про «кровь и любовь».

В какой-то момент я решила принять участие в конкурсе юных поэтов среди студентов филфака. Принесла свои стихи преподавателям. Вечером позвонила сама деканша. Торжественно озвучила своё «видение» моих произведений. То есть, версию, в которой драматизм аккуратно вырезан и отредактирован «под приличия».

От конкурса я отказалась.

Потом был период писем женихам.

На фоне моих творений Волочкова с посланием к Сергею — отдыхает. Татьяна Ларина — тоже. Сейчас бы хоть одним глазком взглянуть на тот феерический бред начинающего копирайтера.

А началось всё раньше — с Игорька из параллельного класса. Я влюбилась в его глаза..., не помню, какого цвета. Ходила, вздыхала. Сердце билось часто-часто. А он, тварь, не замечал. Однажды я решила передать ему эмодзи. Ну, тогда, в 90-х, мы не знали, что это так называется — и пользовались подручными средствами. Я вырезала у журнальной модели глаза и наклеила их на бумажку. Позвала его друга в форточку. Скинула конверт. Коварно пользуясь тем, что я этому другу очень нравилась, попросила его передать Игорьку не вскрывая!

Ну, и что вы думаете? Игорёк до сих пор не в курсе того пламенного взгляда, который я ему тогда от всей души подарила. Этот му... нехороший человек — его друг, не пожелал

чтобы наши сердца соединились. Я даже драться, помню с ним пыталась, злилась очень. А Игорёк своего друга от меня защищал. Вот так.

С тех пор мне всё время попадают или те, за которыми надо ухаживать самой, или те, чьи ухаживания мне не нужны. И, разумеется, я стабильно выбираю первый вариант — или его вычурные вариации.

Сейчас у меня мораторий на отношения. Прихожу в себя после очередного избалованного красавчика, у которого утро начинается не с секса, а со сторис и патчей под глаза. Он ещё занял у меня сотню на стартап и, в итоге, свалил на зимовку к пальмам.

Алка, моя подруга по диагнозу, утешает себя тем, что один и тот же мужик очень быстро надоедает в постели. Поэтому мы в вечном поиске. Так, по крайней мере, она прочитала у какой-то инфлюэнсерки с феминистским уклоном. Я лишний раз стараюсь ей не напоминать, чем именно зарабатываю. Что это я — Слава Гагарина — пишу все эти мудро-женские тексты, внедряю в сознание таким же как мы — курицам — эту розовую муть про «писечку в ресурсе». Враньё космического масштаба. Но себя не обманешь. Я как сапожник без сапог. Как психолог, которому нужен психолог. У меня профдеформация. Я не верю голожопым философам, для которых пишу контент.

Всё тлен. И чтобы это как-то прожить, я ныряю в сказки для взрослых девочек. Да, каюсь. Почитываю бульварные

романчики. Стыжусь, как монашка смертного греха. Потому что я ж — не курица. Я, вообще-то, Пелевина читаю...

— Здравсьте, — мяукаю охраннику на ресепшене. — Офис чотыреста чотыре. Мне на двенадцать.

— Паспорт или водительское, — просит упитанный юноша, не отрываясь от кроссворда.

Конечно, он тут босс. Ну ща, подожди, милый...

Протягиваю документ. Парень находит знакомые буквы, складывает их в слова — и поднимает на меня веки.

— Всё в порядке, офицер? — подмигиваю, когда он заканчивает осмотр.

Не найдя в моем деловом стиле никаких веских поводов для обыска, чиркает что-то в журнале и возвращает мне ксиву.

— Могу идти?

— Прямо по курсу лифт. Четвёртый этаж.

— Спасибо, — ставлю закорючку напротив накарябанного «С. Гагарина».

Поехали!

На выходе из лифта врезаюсь взглядом в гигантский баннер — стилизованную под лого порно-сайта, в чёрно-жёлтых тонах надпись LITHUB. Притормаживаю. Оглядываюсь. Четвёртый этаж, всё верно.

Первая часть названия организации намекает, что я по адресу. Но вот вторая... Явные аллюзии на кино для взрослых заставляют ещё раз свериться с координатами в телефоне.

Ничего не понимаю. Может, ребята просто не в курсе, что есть и другие цветовые сочетания, не возбуждающие у современных и свободных девушек неприличных ассоциаций.

Ладно, других вариантов всё равно нет. По ходу разберёмся.

Толкаю единственную дверь на этаже.

Помещение делового назначения — что-то среднее между университетской аудиторией и отделом бухгалтерии. В общем — типичный офис. Иду коридором между двух рядов рабочих мест, отделённых стеклянными перегородками. В каждом по рабочему столу с макбуком, крутое кресло и диванчик. Когда я изучала вакансию криэйт-автора, я думала, что это то, что надо, чтобы не быть привязанной к офису и свободно распоряжаться своим рабочим графиком. Терпеть не могу вылезать из пижамки до полудня. И сейчас все больше кажется, что я что-то недопоняла.

— Привет. А где здесь Яблочко найти, — интересуюсь у девушки из крайней ячейки.

Шатенка в полосатой, пчелиного окраса черно-желтой водолазке прекращает стучать по клавиатуре и отлипает от экрана, близоруко прищуривается на меня. Интересно, это у них корпоративные цвета, что ли, или так случайно совпало?

— Вот его кабинет, — кивает она носом в следующую стеклянную дверь и возвращается к строчкам в открытом текст-редакторе.

Ок. Два раза стучу и заглядываю.

— Здравствуйте. Я по поводу работы, — невольно морщусь, потому что, внезапно, последнее слово вызывает неприязнь. И правда, противное, как ругательство, произнесённое не к месту.

— Заходи, — доносится из-за высокой спинки кожаного кресла.

У меня дёргается правая бровь. Она меня всегда выдаёт, когда я конфюзд. Вот такая лёгкость в обращении к незнакомому человеку — это то, что всегда меня восхищало и злило одновременно. Я не люблю когда мне тыкают какие-то типы, которых я впервые вижу. Ты кто такой, вообще!?

Но я захожу. Я так в кунсткамеру ходила. Знала, что глупо специально на проспиртованных уродов смотреть, когда они и так повсюду, но всё равно пошла, потому что любопытно.

— Ты у нас... — обладатель фамилии Яблочко и гладкой лысины поворачивается вместе с креслом, ныряет взглядом в бумажку. — Гагарина. Слава.

— Ну, пока ещё не у вас, — улыбаюсь. — Я так сразу не могу. Сначала нужно получше вас узнать.

Лысый поднимает голову и строчит по мне оценивающим взглядом. Моё чёрное платье-футляр не офисной длины его, похоже, не впечатлило. А вот на ногах в чёрных колготках взгляд задерживается.

Даю ему пару секунд.

— Как к вам обращаться?

— Просто Сергей, — отвечает, всё так же сверля. — Мож-

но на «ты». У нас здесь всё просто, без церемоний. Корпоративная анархия в разумных пределах. Ты же в курсе, что это такое?

— В теории...

— Тогда прошу, — он кивает на пару кресел рядом.

Я плавно опускаюсь в то, что ближе ко мне и подальше от его маленьких прожорливых глазок. Знаю, какое впечатление произвожу на таких «боссов» и это одна из причин, по которой я не задерживаюсь в офисах больше трёх месяцев.

— Имя и фамилия не подойдут. Нерентабельно. Тебе псевд нужен, — размышляет он вслух, не отводя взгляда от колготок.

— Что нужен?

— Псевдоним. С такой фамилией только неформат писать. А кому он сдался?

— В смысле?

Лысый завершает визуальный променад по моим колготкам и снова сверившись с бумажкой, смотрит прямо и уже не так масляно.

— Ты знаешь, чем мы занимаемся? Девчонки тебе рассказали?

— Нет. Экскурсию никто не проводил. Но, насколько поняла, вам нужен автор оригинального контента. И, если я правильно уловила аллюзию в стиле логотипа — контента для взрослых?

Он вздыхает. Откидывается на спинку кресла. Ещё секунд

десять изучает меня сквозь щёлочки мясистых век.

— Для целевой аудитории, — ухмыляется лысый и кивает.

Очень интересно... — устраиваюсь поудобнее.

Я уже знаю, что работать на этого типа не буду, но с удовольствием послушаю про его литхаб. Предчувствую веселый вечерок с Алкой за бутылкой мартини.

Удивительно неприятный тип, этот Яблочко. Форма его головы больше напоминает грушу: кожа сползает с яйцеобразного черепа в гладкие, лоснящиеся щёки и мелкий подбородок с ямочкой. Тонкие губы растягиваются в подобие улыбки, делая лицо ещё шире. Если убрать из фамилии уменьшительно-ласкательный суффикс, получится идеальное определение его физиономии. Ну и ябло. И человек, кстати, с ударением на последний слог. Хотя смысл сохраняется и с суффиксом.

— Ты порно смотришь? — спрашивает Яблочко с тем видом, будто ответ он уже знает.

А я в том возрасте, когда даже такие бестактные вопросы на интервью уже не удивляют. Дудь, вон, вообще у всех это спрашивает. Возможно, этот вопрос уже ввели в обязательную программу процедуры приёма на работу, как тест на изворотливость. Тут как ни ответь — будет «спорно», если вы понимаете что-то в двойных смыслах... Естественно, смотрю. Иногда. И Яблочко смотрит. И все — нет-нет, да смотрят или смотрели. Отрицать это бесполезно. Но и подтверждать

я это не хочу. Эта баба на Порше не случайно меня обрызгала. Надо было разворачиваться и идти домой. Не сидела бы сейчас здесь в очень неловком положении, из которого не выйдешь, хлопнув дверью.

Язык тяжелеет. Мозг, после вчерашней Алкиной текилы, тоже буксует. Но собираюсь и максимально ровным голосом произношу:

— Ну, я не поклонница. Но иногда... лучше уж лысый из Бразерс, чем... — и с выражением смотрю прямо на блестящую макушку Сергея.

— И как? — он понимает намёк, но делает вид, что нет. Щёки розовеют. — Справляется Бразерс со своей функцией?

— Прекрасно, Сергей. По-прежнему никак культурно не обогащает...

Он замолкает. Видимо, переваривает. Я мысленно глажу себя по голове: Алке расскажу обязательно. Пусть порадует-ся за подругу — быструю и дерзкую.

Наконец, он пододвигается ближе к столу:

— Ну, вот представь себе порно с захватывающим сюжетом: любовной линией, мордобоем, интригами...

— То есть? — на ум приходит «Триста шестьдесят пять дней» — этот ужас я осилила только из-за красавчика итальянца в главной роли. И то, это, скорее, эротика, а не порно. Что там ещё? Пятьдесят оттенков? Фильм откровенная халтура. Книжку я прочитала ещё в пиратском переводе, в ко-

тором Кристиана звали Эдвардом. И фанфик, конечно, был куда порнографичнее, а моё воображение и так всегда выигрывало у кинематографа. Вообще, почему я думаю об этом на собеседовании?

— Да не напрягайся, — отмахивается Яблочко и сам откидывается на спинку кресла. — Кино и цирк являются важнейшими из искусств, пока народ безграмотен. Мы работаем для читающих людей. Мы создаём для них драг-контент каждый день. Истории, в которые они уходят от проблем абсолютно без вреда для здоровья.

Вау. Если это то, о чем я думаю, то дяденька или специально меня дезориентировал или он плохо понимает разницу между порно и женскими романами.

Оглядываюсь. Через прозрачную стену вижу, как чадит в поте лица обычный офисный планктон. Так и не скажешь, что это штаб Вудмана. Значит, всё таки это к кино не относится? Скорее, к литературе. Как, собственно, и следует из названия «LITHUB».

— То есть... я правильно понимаю, «Властелин моего сердца», «Страсть моей души» и «Испепеляющий лёд» — это вы издаёте?

Он тянется к панели на столе, не отрывая от меня взгляда. Жмёт кнопку.

— Лен, сколько у тебя сейчас активных подписок?

— На два псевда — пять, — деловито отвечает женский голос.

— Названия по последним продажам?

— Эм... «Девочка, я о тебе мечтаю», «Наследник для жестокого», «Должница миллионера», «Хочу невесту брата»...

— Спасибо, — прерывает он и нажимает отбой.

— Как видишь, всё гораздо прозаичнее.

Он смотрит на меня пристально.

— Берём любой кинк... Надеюсь, перевод не нужен?

Яблочко подмигивает, я киваю. Знаю. «Кинк» — это вроде триггера, сигнала, возбуждающего элемента. Такие вещи используют в заголовках, визуалках, сторис, чтобы давить на болевые точки и вызывать реакцию. Чаще всего за такими кинками скрывается банальщина или пустышка, но чего скрывать, и я несколько раз кликала.

— И, — продолжает он, — зашифровываем в названии этот кинк, вписываем его в сюжет. Конфликт персонажей, характеры и события — всё строится вокруг основного триггера. Обновление каждый день, всегда в прайм-тайм, поэтому аудитория подсаживается на историю, как на сериал. И донатит, донатит, донатит.

Яблочко замолкает, расплываясь в кресле и чуть покачиваясь, даёт мне время переварить информацию. Мерзкий тип, конечно. Чтобы работать под его руководством, нужно где-то брать мотивацию. А мотивировать на это меня могут только деньги. И, пожалуй, любопытство.

— Простите, — спрашиваю, — а какой кинк зашифрован в названии «Наследник для жестокого»?

Лысый сворачивает улыбку и минуты две разглядывает меня, как потерянную кем-то стодолларовую купюру: и надо бы поднять, но наклоняться самому уже не по статусу.

Вполне догадываюсь, почему Яблочко резко увял. Чувствует фрукт, что я не рвусь в его подчиненные. И это, когда он уже, кажется, принял решение дать мне шанс заслужить место в его прайде. Нормально, я привыкла. Обычная парадигма почти всех моих отношений. Особенно с начальством. Особенно, если оно с яйцами.

Поэтому, чаще всего, я в поиске. Алка говорит — это всё потому, что по содержанию я не соответствую обложке и даже не пытаюсь. Мужики видят привлекательную брюнетку из глянца для успешных мужчин. Начинают листать. А там рубрика «Личность» — из издания для сильных и независимых женщин. Подруга считает это основной моей проблемой. Я считаю — это защита от посягательств.

Всё-таки, оправдывать ожидания очарованных обложкой — это большой труд, требующий полного погружения и самоотдачи. Целая работа. Слово, которое звучит, как ругательство.

Хлопаю ресницами, как бы намекаю Сергею, что пауза подзатянулась. Видимо, мне удалось поставить его в тупик этим вопросом. На лоснящемся «ябле» отражается процесс перебора вариантов ответа. И судя по напряжённому сопению, у босса проблемы. Может, надо было всё-таки сначала размером гонорара поинтересоваться? И вообще, служебны-

ми обязанностями в этом литхабе...

Яблочко, наконец, оживает. Сквозь ухмылку выдыхает воздух из лёгких и переходит... на «вы».

— А вы... Слава, если не ошибаюсь... копирайтер инфлюэнсеров?

— Если в резюме так написано, то да, — киваю.

— Модная профессия. Денежная, — хмыкает Яблочко и лыбится.

— Да не такая уж и денежная, Сергей. Раз я у вас.

— Ну, пока ещё не у нас...

Мило. Интересно, как он мне шпильку за лысого из «Бразерс» вернёт?

В воздухе снова повисает пауза. Эта перестрелка взглядами уже не флирт, а социальное обязательство. Как вынужденный диалог с пикапером в баре, которого ещё не за что отшить, но очень хочется. Уверенность в собственной неотразимости у таких, как Яблочко, обратно пропорциональна размеру достоинства. И ты это знаешь, и подыгрываешь. Чтобы не обидеть.

— Это только потому, что я ещё не решила, нужен ли мне этот опыт.

Пока Яблочко пытается сложить лицевые мышцы в хладнокровно-приветливую улыбку, я перевожу дыхание чрезвычайно довольная собой. Хотя, чего скрывать, я такая перцовая только с теми, кто мне... отрицательно интересен. Почему-то, с высокими, кареглазыми брюнетами так не получа-

ется.

— Так вот и я о том. Об опыте. Ты, как опытный копирайтер скажи, о чём мечтают лояльные подписчицы твоих клиенток?

— Эм... — пожимаю плечами, — в какой-то конкретный момент или вообще? Потому, что у женщин, обычно, это разные мечты. Утром они могут хотеть стакан кураре, а вечером новые туфли. Но если обобщить, каждая мечтает хоть на день оказаться на месте инстадивы², макнуть круассан в капучино на парижском балконе, а не залипать в ленту по дороге на работу.

— Вот! — возбуждённо тычет пальцем в воздух Яблочко. — А теперь представь, что вместо ленты, они читают, как миллиардер влюбляется в серую мышь. Или как отец за долги отдаёт дочь кредитору.

— Читала. Такая дичь. Там у мужика ещё шрам на поллица был, и он хромал.

Яблочко одобрительно кивает и довольный развитием диалога откидывается на спинку кресла.

— Неважно. Детали. Декорации и костюмы могут быть любыми. А по сути... целевой аудитории заходят только две, максимум три темы.

Он растопыривает ладонь, загибает пальцы:

— Случайная беременность от альфы. И невинная для чу-

² Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

довища. Завуалированные в сказках про Золушек и Красавиц кинки, давящие на первичные инстинкты и желание превратить в капитал то, что каждой бабе дано природой. В топе лыра авторы, которые умеют вертеть эти кинки во всех вариациях. Вот с кадрами вечный дефицит. И многие быстро выдыхаются.

Он снова внимательно смотрит на меня, будто ищет ниточку, за которую можно дёрнуть. Проверяет на профпригодность.

Я не знаю, что такое «лыр», но догадываюсь, что это, скорее всего, жанр той самой порнопрозы, реклама которой постоянно всплывает у меня в ленте. Версия кажется мне логичной и я киваю, изображая понимание.

А сама почти в шоке.

Одна блогерка назвала это «бабл-гам для вагины». Идеальное определение. Чтобы жевать такое голова не нужна. На обложках беременная принцесса и турецкий мачо с тату. Либо просто бедная, но гордая, и он — горячий, злой и весь в шрамах. Меня такие истории не заводят. Но бывают вечера, когда я вдруг обнаруживаю себя на двадцатой странице какого-нибудь «Повелителя её сердца» под бокальчик белого. В самый раз, когда мозг уже основательно вытрахан на работе.

Художественная ценность этих опусов — как у фанфиков восьмиклассниц. И каждый раз встаёт два вопроса: кто это пишет? И кому это всерьёз заходит?

Все это мелькает в сознании пока я изучаю кисть Яблочка. У него руки, которые я называю «сразу нет». Феминистки, возможно, не помощь отвергают, а именно ладонь, если она такая, как у этого Сергея: широкая с короткими пальцами и плоскими ногтями. Наверняка, еще и влажная. И вот из-под этой ладони, под руководством Яблочко, ежедневно льётся нуга, которую я, плююсь, но... заглатываю.

Это ж надо было, встав сегодня не в самом благостном расположении духа и организма, хлебнув по дороге сюда столичной лужи, осознать, в итоге, что я уже довольно продолжительное время являюсь целевой аудиторией этой редакции! И как я туда попала, интересно? По возрасту? Или из-за паблика «Литературный оргазм»? Вот так, одна случайная подписка, один неосторожный лайк и теперь у меня в ленте: «Муж сестры меня хочет», «Подчиняйся, будешь моей», и «Невинная для тирана».

Меня прямо подбрасывает и я оборачиваюсь ещё раз, чтобы глянуть за стекло на помещение с рядами рабочих мест. У мониторов сосредоточенные, совершенно непроницаемые для эмоций лица, больше похожие на лица обычных сотрудников отдела какой-нибудь статистики, занятых скучными отчетами. Совсем не скажешь, что эти люди находятся в процессе более творческом, чем сведение дебета с кредитом. А я была уверена, что всё это пишут уставшие училки литературы. На досуге, в качестве сублимации, переписывая фантазии и ошибки молодости в сказку. А тут — целая редакция.

За одним из ближайших мониторов сидит чувак — типичный айтишник: очки, свитерок, острый кадык на тонкой шее, сидящий пушок на макушке. Наверняка ещё и картавит... Представить, что этот «новосельцев» является автором сюжета «Малышки для большого босса» мне, разумеется не хватит фантазии.

— И что... это вот так, коллективно, создаются шедевры современной литературы?

— Зря иронизируешь, — Яблочко снова откидывается на спинку кресла и довольно причмокивает, — спрос что? Спрос рождает предложение. К сожалению, правда сейчас такая, что многие всё чаще выбирают платить за сказку.

Вау. А Яблочко-то не дурак, что впрочем не добавляет ему привлекательности, а даже наоборот, делает ещё неприятнее.

— И число их растёт пропорционально инфляции и дефициту положительных эмоций. Голодная аудитория проглатывает и просит ещё. И если она просит именно «Наследника для Жестокого», а не географа-алкоголика с глобусом, мы ей это даём. Хочет невольницу для магната, пожалуйста. — Яблочко приближается к монитору, щёлкает кнопками мышки. — По статистике, именно такие истории чаще всего в топе продаж. Таргетологи проверяли: больше половины читателей — женщины 35–50 лет. В разводе, с детьми, с материальными трудностями и претензиями к себе.

Он делает паузу и опять смотрит на меня. Почему-то от

этого взгляда становится особенно неприятно, как бывает, когда какой-нибудь тип пытается на глаз определить твой возраст и размер груди. Да, поняла я намёк, не старайся. Это мне за лысого из Бразерс. Будем считать в этом раунде — ничья.

— Аппроксимация... — тихо резюмирую я.

— Я не психолог и в этих терминах не силен. Я смотрю на цифры. И вижу, что, чем бы это не являлось с моральной точки зрения, продукт нравится потребителю и он охотно меняет небольшие деньги на такое же удовольствие. Каждый день. Двадцать четыре на семь. Цепляющая завязка. Пять — десять тысяч знаков с пробелами на выпуск. Выход каждый день. Или через день. И топовый автор имеет в среднем сотку с подписки за неделю. Если несколько псевдов, то в разы больше. Плюс донаты. Иногда больше месячного гоно-рара.

Я гуманитарий, но круглые цифры умножаю хорошо.

— Так и где подписать договор? — спрашиваю с хорошо отрепетированной иронией.

Яблочко расцветает и довольно щерится. Видимо, мы подошли к главному.

— Опиши вкус огурца... так, чтобы я его захотел...

Глава 3. «Могу сразу с минета начать...»

(Четверг, 6 марта, вечер)

— Почему не члена?

— Вот и я чуть не ляпнула.

— И?

— Это, видимо, тест. Вступительный экзамен. Я сначала хотела пошутить — мол, почему такой нелогичный выбор продукта для их эродакции... и чуть не выпалила твой вопрос. Но по его лицу поняла: тип серьёзен. Пришлось срочно переформулировать.

Мы с Алкой сидим у меня на кухне в компании лучшего друга необременённых браком девушек — Мартини. Но даже этот сиропный градус меня не расслабляет. День выдался чересчур насыщенным и мой организм категорически отторгает избыток впечатлений.

— Мне кажется, я чисто физически уже не вывожу такую активность. Сегодня калорий потеряла больше, чем за четыре месяца диеты, — вздыхаю. Ночь, похоже, будет беспокойной. Жаль, нельзя перемотать на утро и просто не выходить из дома.

— Ага. Раньше в клубах до утра скакала, а потом в офис на каблуках. Сейчас каждый украденный у сна час отража-

ется в зеркале.

— Тогда ты меня понимаешь.

— Понимаю. Тебе мужик нужен, Славка. Пока у тебя не занят рот, ты страдаешь от собственного языка.

— Вот именно поэтому у меня и нет мужика. Язык у меня живёт отдельно от мозга и в постоянной конфронтации с внутренним голосом. Скажи, кто меня за него тянул, когда я это Яблочко сморозила?

Алка вздыхает. Точно так же, как почти двадцать лет назад, когда я в одиннадцатом классе на весь урок ляпнула, что «баранина» — это на базаре, а у нашей одноклассницы фамилия — Барнина. БАР-НИ-НА. А не баранина. Алкины отчаянные пинки под партой не спасли я лишилась выпускного. Но приобрела подругу.

Сегодня она, как обычно, наслаждается моим талантом языком прокладывать путь в жопу. Кивает, слушает, глаза блестят, но не от Мартини, а от того, что я снова облажалась.

— В общем, слово за слово — и я подписалась на эту авантюру. Больше даже ради эксперимента.

Алка всё понимает, но делает вид, что не замечает, как я прячу стыд. Конечно, когда Гагарина встречается в историю, это всегда обогащает досуг Барниной.

— Да не расстраивайся ты, подруга, — чавкает она оливкой. — Ты ж пишешь посты инстатёлкам³ про алмазную ик-

³ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ру, которую в жизни не пробовала. Думаю, с огурцом ты точно справишься.

— Да... но, — кусаю губу, стараясь не выдать смущение. — На вопрос «почему именно огурец» Яблочко ответил: писать вкусно о том, что доступно всем — сложно. Если автор справляется с огурцом, значит, и клубничку потянет. А значит принесёт Яблочку много много денежек.

— Вот! — Алка щёлкает пальцами. — Я подозревала, что эротические романы пишут такие же старые девы, как моя тётка. Она их тоннами читает. На эти деньги давно могла бы махнуть в Турцию и закрутить роман с местным аборигеном. Но нет — от книжного Луиса Альберто она знает, чего ждать. А от сюрпризов живого Хабиби никто не боится...

Посмеяться бы сейчас. Но мешает крючок, который я сегодня заглотила. Яблочко доказал, что он не только не дурак, но ещё и тонкий манипулятор. И, конечно, Слава Гагарина повелась на упрямое желание доказать этому типу, что отсутствие опыта не всегда компенсируется хорошо развитой фантазией. Это талант, а он либо есть, либо нет.

Я пять лет пишу про страны, где побывали все, кроме меня. Про экзотические блюда, которые «обязательно стоит попробовать», но мне пока не светят. Про косметику, которая мне не по карману, машины, на которых катаются мои клиентки по Патрикам, и рестораны, в которые меня никогда не звали. Про удачное замужество, хотя сама я даже рядом не стояла. Про то как худеть на сладкой жизни и пускать алмаз-

ную пыль в глаза, когда мой максимум — это сахарная пудра на кексах. И за эти пять лет ни один человек не заподозрил фальшивку. Неужто я про член во рту не напишу столь же сочно, как могу написать про акебию и так же правдоподобно, как про огурец?! Даже не смотря на то, что огурец в моем меню бывает гораздо чаще члена...

— Писать про овощи, доступные Яблочку, мне неинтересно, — гордо сообщаю Алке.

«Да-да, конечно», — кивает она. А у меня нервно дёргается глаз.

Славе Гагариной снова удалось побить свой рекорд — ввязаться в историю, с которой уже не соскочить. Характер не позволит.

— И я ему так и сказала, — хмыкаю, закидывая в рот оливку. — Я не последний хрен без соли доедаю, чтобы рекламировать огурцы.

— Да... — поддакивает Алка и берёт себе ещё одну.

— Могу сразу с минета начать.

Подруга выплёвывает оливку и заливается хохотом. Я жду, пока она выдохнется, и продолжаю с каменным лицом:

— Тут он меня и поймал. «Давай, говорит, Гагарина, покажи класс». Короче, у меня две недели. Если впечатляю — он берёт меня в команду. Без всяких тестовых трёхсот тысяч знаков, сразу даёт мне виджи, подписку и девяносто процентов роялти.

Алка тут же трезвеет:

— А если нет?

— Иду с ним на ужин.

Подруга выдыхает с облегчением:

— И что ты так напрягаешься? Сходишь, поешь устриц, наконец-то. Не ты же платишь, — делает паузу, заглядывает мне в глаза. — Или ты?

— Барнина, — встаю, ставлю чайник. — Скажи, что тебя привлекает в мужчине с первого взгляда?

— Чистая обувь, — отвечает не раздумывая.

— А меня — руки. Если могу представить их на своей груди — значит, да. Если нет — максимум рукопожатие. А у Яблочка ещё и лицо не айс. Смотреть два часа, как он ест? Нет уж. Я бы лучше заплатила, лишь бы не идти.

Сажусь обратно, поднимаю бокал. Алка тянется к своему.

— Поэтому ты всё время с альфонсами, а я — с женатыми, — философски замечает она.

Мы обе вздыхаем, чокаемся и выпиваем остатки мартини.

— Дело в том, — говорю, — что это мы с тобой воспринимаем ужин с аутсайдером как проблему. А Яблочко — как утешительный приз. Понимаешь? Он окажет честь. Будет весь вечер упражняться на мне в искусстве жёсткого флирта. А в финале мне ещё придётся изобретать, как вежливо отказаться от гуманитарной помощи в виде этого лысого в моей постели.

— А забить?

Забить. Конечно, я думала об этом. Сунуть голову в пе-

сок, сказать себе: ничего не было, мне всё приснилось, я в домике. Я не знаю никакого Яблочко. Всё. Но, блин... мне же не шестнадцать.

— Ты знаешь, — говорю я, — в Марокко есть такие заклинатели змей. Сидят на базарах, дудят в морды своим кобрам. С утра до вечера. Жарит солнце, песок в глазах, змеи могут укусить, доход — никакой. Но они всё равно сидят и дудят. Потому что больше ничего не хотят. Вот и я. Заклинаю змей. Сочиняю для их инстаграмов⁴ глубокомысленные эссе. Перевожу пьяные откровения божественных персонажей в путь к успешному успеху. Полгода расшифровывала пьяные аудио одной известной балерины. Потом ещё полгода переписывала её «красоту и величие» в пафосную оду шпагату. Я по объёму текста скоро догоню Донцову. И всё это — инкогнито. Какого чёрта никто не знает Славу Гагаринову?

— Я же тебе сколько раз говорила, — вздыхает Алка. — Надо работать на своё имя.

— Да знаю я! Просто... я хочу попробовать другое. Новый формат. Я же ничего не умею делать лучше, чем сочинять сказки. Но в этот раз нужно угадать кинк Яблочка. И попасть в точку.

— Кинк? Это как?

— Сексуальный триггер. То, что вызывает всплеск. Тайное желание, которое особенно заводит.

⁴ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

— М-м... — Алка подпирает щёку, мечтательно закатывает глаза. — Меня бутики в ЦУМе заводят. Это что значит?

— Что ты шопоголик.

— Ага. Точнее, шопомазохист. Я ж купить в них ничего не могу. Только смотреть и страдать, — она зевает и смотрит на айфон. — Ладно, давай закругляй, мне бежать.

— Короче, — говорю, — помимо того, что мне нужно попасть в кинк, я ещё должна подать всё так, чтобы он захотел меня в команду больше, чем захотел использовать мой талант... иначе.

— Спасибо, Гагарина, — говорит Алка, вставая из-за стола. — Как всегда, сделала мой вечер. Буду ждать продолжения. Лёгкого пера!

Барнина живёт через два дома, но в тёмное время суток всегда уезжает от меня на такси. Прощаемся мы заранее — иначе рискуем протрещать на пороге ещё пару часов. Алка идёт в прихожую, тянется за курткой, и вдруг рука её замирает:

— Что это у тебя? — спрашивает, когда до машины остаётся пара минут.

— Где? — оборачиваюсь и смотрю туда, куда она кивает.

— Эта бумажка на комод. Откуда?

Я тоже удивляюсь. Забыла ведь совсем.

— А, это та тёлка, которая меня грязью окатила утром, дала. Типа пригласительный.

О трёх сиреневых купюрах, от которых я гордо отказалась,

я, конечно, не скажу. Не хочу, чтобы Алка себе лицо разбила фейспалмами. Протягиваю ей бумажку. Она берёт — и глаза её загораются.

— Ты знаешь, кто это? — спрашивает, указывая на подпись.

— Ну, эта рыжая меня и обрызгала.

— Это же Маша Фаберже! Ты что, серьёзно её не знаешь?

— В первый раз сегодня увидела.

— У нас в офисе девки не знают, какому дьяволу душу продать, чтобы попасть на её лекцию! — она крутит глянец в руках, гладит, нюхает. — Ого, это же завтра! Тебе повезло, подруга!

Реакция Алки удивляет не меньше, чем осознание, что я, оказывается, живу в какой-то инфоизоляции. И правда, впервые слышу. Барнина таращит глаза, делает шаг от двери:

— Фаберже — это великая жрица куртизанок! Как ты можешь её не знать? На неё молятся твои клиентки. Только не говори, что ты туда не собиралась.

Я пожимаю плечами. Не собиралась. Даже сейчас не особенно собираюсь. Даже Алкина реакция не мотивирует.

— Ты с ума сошла?! — хлопает себя по лбу подруга. — Даже не думай! Ты пойдёшь! Хотя бы ради меня.

— Так ты и иди.

Алка кусает губу, смотрит на пригласительный, на меня, на экран телефона. Такси уже ждёт. Через минуту начнёт капать за простой.

— Нет. Раз билет она вручила тебе — значит, тебе и надо идти. Я точно знаю: на её ивентах можно получить книжку с автографом, задать вопрос, и если зацепишь, она даёт личный пропуск на следующий уровень.

Она уже у дверей. Смотрит на меня серьёзно:

— Обещай, что пойдёшь. Нет — клянись!

Жрица куртизанок. Интригует. Чёрное платье у меня есть. Каблуки где-то валялись. «Никаких мужчин» — звучит заманчиво. От меня не убудет, если не проигнорирую личное приглашение самой Маши Фаберже. Возможно, это даже будет... полезно.

— Зуб даю, — говорю.

Алка посылает мне воздушный поцелуй и скрывается за дверью лифта.

Глава 4. «No name — no game?»

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.

Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?

За дверью бессмысленно всё, особенно — возглас счастья.

Только в уборную — и сразу же возвращайся.

И. Бродский

(Пятница, 7 марта)

Самых разных женщин из самых разных страт объединяют три вечные проблемы: мудаки, деньги и «нечего надеть». Поэтому чёрный цвет — базовый для любой стильной и независимой. Это не я придумала. Это статистика, анализ наблюдений и личного опыта. Загибаем пальцы: чёрный практичнее, дорого выглядит, маскирует пару лишних килограммов. В чёрном можно спрятаться, или, наоборот, привлечь всеобщее внимание, если угадать с фасоном. Еще, кажется, Шанель говорила, что маленькое чёрное платье уместно и в церкви и на танцах. То есть, опять же чёрный монохром значительно экономит средства, время и женские нервы при решении вопроса «что надеть». Чёрный форева! К тому же, я уверена, что чем больше в жизни женщины встречается мудаков, тем меньше у нее средств, времени и мотивации на смену гардероба. Проще мудака сменить. А чёрный еще никогда не подводил. Идеальный камуфляж от

«в жизни не всё так гладко». Благородный чёрный прекрасно вписывается в столичный транспорт, ритм и погодные условия мегаполиса. То белое пальто было редкой ошибкой. Спонтанная покупка, которую можно оправдать только помутнением рассудка.

Спасибо рыжей ведьме за четкие и выполнимые условия ее шабаша. Если бы дресс-код требовал розовый, я бы, естественно никуда не пошла. Тут даже Бродский был бы бессилен. Именно он всегда выступает у меня в голове со своими стихами как подстрекатель к сомнительным мероприятиям. Но... раз чёрный, каблуки, да еще и «никаких мужчин» — так и быть, Фаберже, приобщусь к тайным знаниям, пожалуй. Очень интересно, как сейчас прокачивают горловые чакры. На бананах или на огурцах?

Каблуки у меня, разумеется, тоже есть. Но практика применения шпилек показывает, что до добра они не доводят. Максимум, до постели. Бывает и до чужой. Рассудив, что вечеринка а-ля «в джазе только девушки» вряд ли грозит продолжением со всеми вытекающими, я надеваю лучшее из всего чёрного, что у меня есть. Шёлковый костюм-пижаму от отечественного бренда с лебяжьим пухом на манжетах. Туфли для «особых случаев» от Jimmy Choo — на размер меньше, но настоящие. Достались в счёт оплаты от одной инста⁵-кисы. В паре с ними прекрасно сочетается очень, очень

⁵ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

качественная реплика сумки от YSL. Весь этот лук я упаковываю в чёрное кашемировое пальто от Валентино... Александровны. Есть у меня одна портниха знакомая, которая шьёт лучше многих кутюрье.

Ровно в девять такси привозит меня туда, куда по пятницам слетаются все мотыльки столицы — на Патрики. В особняк, который все самые именитые продавцы грёз считают храмом имени себя. Тут они снисходят до своей паствы с проповедями, угощают шампанским и канапе с осетриной, а потом позволяют сделать совместное фото. И силу веры в своего кумира здесь принято выражать брендами. Чем тяжелее твой лейбл, тем ты привлекательнее для небожителя, тем выше твой шанс попасть в свиту божества.

Я в своей безымянной пижаме у самого подножия Олимпа. No name — no game, как говорится. Впрочем, не вижу причин для рефлексий. У меня профдеформация и полное отсутствие амбиций в покорении каких-либо вершин. Заставить меня влезть в неудобные туфли могло исключительно любопытство. И Алка. Если бы не она, я бы и не вспомнила про этот пригласительный и провела бы тихий вечер с книжкой, во избежание новых проблем. Зачем они мне? Я только-только на цыпочках, можно сказать, кое-как начала выходить из жизненного тупика. И тут — на тебе! Какое-то Яблочко выкатывается. Какая-то Фаберже на Порше...

На входе лакеи в ливреях. Швейцар в белых перчатках

вежливо просит у меня пригласительный. Подаю буклет, он кивает и отточенно-галантным жестом торжественно пропускает меня в сводчатые двери. Ступаю каблуками по глянцево-паркету и в горле мгновенно пересыхает, а язык прилипает к нёбу. Мама дорогая, какая роскошь! Торможу на проходе, потому что дальше ноги внезапно отказываются идти. Кто-то натывается на меня сзади и ойкает женским голосом, мне приходится извиниться и сделать шаг в сторону. Мимо меня, смеясь, цокают две девушки. За ними спешит ещё группа из трех...

Вообще, я до боли пунктуальный человек. Даже с учетом пробок я всегда приезжаю вовремя, либо чуть-чуть заранее — оставляю себе шанс свалить с мероприятия, если вдруг публика мне не зайдёт. Этой же логикой, видимо, руководствовались сегодня все приглашенные в особняк дамы. Все пришли заранее, но никто даже не думает уходить. Наоборот, прибывающие с заметным энтузиазмом торопятся влиться в мероприятие. Одна я стою и оглядываюсь по сторонам. Ощущаю себя не в своей тарелке, но чувствую, что пришла не зря.

В конце концов, чёрная фешн-река подхватывает и увлекает меня вглубь холла, под потолком которого взрываются кристальным блеском гроздьё люстр. Дух захватывает от интерьера! Главным образом потому, что на современном ампире не сэкономишь и очевидно, что на дизайн этого особняка денег не пожалели. Машинально хватаю с проплываю-

щего мимо подноса фужер с чем-то розово-игристым. В винах я не спец, но то, что это очень хорошее шампанское понятно с первого глотка... ммм. Пузырьки ударяют в голову. Прикрываю глаза... И мне здесь уже нравится! Если игнорировать колючие оценивающие взгляды и фальшивые улыбки, на которые у меня аллергия, то в целом всё не так страшно.

Публика, как и обещал пригласительный, исключительно женского пола, не считая мальчиков-официантов, похожих на бальных танцоров и четырех пожилых джентельменов в составе струнного квартета. Хозяйка банкета всё просчитала. Возраст присутствующих дам варьируется от двадцати восьми до сорока пяти. Концентрация фертильности зашкаливает. Сладкие мальчики в белых рубашечках краснеют от медовых взглядов ухоженных, дорого упакованных женщин. Сама ловлю себя на том, что строю глазки высокому гладкощёкому юноше и его лукавая улыбочка как-то поднимает градус моей сексуальности, а заодно и самооценку. Вот так незатейливо рыжая чертовка подогревает аудиторию перед встречей. Аплодирую, как говорится, стоя!

Постепенно пересекаю холл, несколько раз по пути замечаю знакомые лица. Как зовут, откуда я их знаю и где видела — понятия не имею. И только на входе в уборную узнаю в двух идущих навстречу девицах блогерш с миллионной аудиторией. Обе мои клиентки. Одной я писала что-то про наполненность энергией, а другой, кажется, про бизнес-осознанность.

Будуар в розово-чёрной гамме впечатляет. Ковры, хрусталь, дорогая мебель обитая чем-то бархатным на вид, огромные зеркала в массивных позолоченных рамах. Отражение в них тоже словно оплачено спонсорами вечера. Кручусь на каблуках вокруг своей оси и мне всё в себе нравится. Даже не смотря на то, что туфли жмут.

От разглядывания себя в зеркале меня отвлекает звук, с которым высокая, как волейболистка, бритая наголо девушка втягивает носом дорожку белого порошка с зеркальной крышки пудреницы.

— Это Герлен или Диор? — спрашиваю я, кивая на футляр.

— Шанель номер один. Высший сорт. Будешь?

— О... спасибо, я не пользуюсь пудрой.

— Как хочешь. — Девушка убирает пудреницу в сумочку и смотри на меня, прищурив выразительные карие глаза. — Первый раз здесь?

Я совершенно не настроена на соответствие данной тузовке. Но почему-то именно этот вопрос внезапно неприятно задевает. Становится любопытно, чем я выделяюсь среди приглашенных. Где я, так сказать, накосычила. Я пришла в чёрном на каблуках и без мужика. Сумка? Но это очень-очень дорогая реплика.

— А что, это так заметно?

— Да. А ещё очевидно, что приглашенный на эту вечеринку ты получила случайно.

Кое-как заставляю лицевые мышцы не выражать степень «ахуя», но я не могу не спросить:

— Это только напудренным очевидно, или всем?

— Абсолютно всем, кто на встрече с Марией не первый раз.

— И что меня выдало?

Девушка ухмыляется. Медленно скользит по мне сверху вниз взглядом и говорит:

— Твои, эм... брюки.

— Что с ними не так?

— То, что они не платье и не юбка.

С этими словами она разворачивается ко мне затылком, на котором в столбик выбиты чёрными чернилами слова: don't fuck my brain и уверенно двигается к выходу из уборной.

Готова поспорить, что под её черным платьем-комбинацией кроме татуировок больше ничего нет.

На выходе из будуара отмечаю: главный холл заметно опустел. Основная часть гостей уже перетекла сквозь высокие арки в соседнее помещение, отставали только самые голодные и опоздавшие. Ну и я, потому что до сих пор не понимаю, что здесь происходит и зачем сюда пришла.

Оборачиваюсь: все, кроме меня и мальчиков-официантов, в юбках или платьях. Чувствую себя белой вороной, которая неудачно прикинулась чёрной. Казалось бы: простая задача, total black... как можно было налажать? Но дьявол,

как говориться, в мелочах. Кто знал, что в этом обществе дресс-код понимают так буквально?

Повинуясь общему потоку, вхожу в помещение, похожее на зрительный зал какого-нибудь модного мини-театра. Ряды обитых красным с позолотой сидений уже почти заполнены, остались места на периферии и ближе к проходу.

Плюхаюсь в первое попавшееся кресло и почти сразу зал тускнеет, постепенно погружаясь в тёмно-лиловый сумрак. Красиво. Бархатный цвет заливает пространство. Смолкает женский гомон, слышны только торопливое шуршание и шёпот опоздавших, занимающих свободные места. Становится душно, или мне так кажется от дикой концентрации парфюмов в атмосфере.

Так кажется не только мне. Сидящая рядом дама достает из редюкюля веер и начинает тихонько шевелить им воздух возле себя, но и до меня долетает и дышать, как будто, становится чуть легче.

Тем временем, центр сцены светлеет и зал окончательно затихает. Всё просчитано: пауза тянется ровно столько, чтобы напряжение публики достигло апогея. Ровно тогда, когда большинству кажется, что воздух в лёгких заканчивается и пора бы уже сделать вдох, в круге вспыхнувшего света материализуется силуэт.

Цель достигнута. Зал оживает единым вдохом. Тётка с веером удваивает усилия, поднимая сквозняк. Я шлю ей ментальные лучи благодарности. Это действительно помогает

справиться с наваждением и выдохнуть. Я ведь знаю, что это чистое, неприкрытое НЛП... но и я, такая вся осознанная, попадаюсь.

— Великолепная моя Богиня, добрый вечер! — звучит голос со сцены и не просто звучит, а внезапно обволакивает своей глубиной.

Я напрягаю зрение, вглядываясь в силуэт. Неужели, это та самая мажорка, что окатила меня грязью пару дней назад? Пытаюсь прокрутить в голове наш с ней диалог в автомобиле, прикидываю образ на воспоминание, которое оставила о себе эта рыжая. Возможно, всё дело в хорошей звуковой передаче, особой акустике помещения. Недаром торговцы мотивацией высшего уровня любят это место и активно эксплуатируют. Особняк прекрасно работает на имидж. Возможно. Но это точно она. Я ведь не тупая. Погуглила, нашла её фотки, бегло изучила сайт. Его, правда, тоже невнимательно... но выводы сделала: обычное мотивационное наебало-во. То есть, за ваши деньги вас накормят до отвала верой в успех и научат, как продавать эту веру следующему поколению лохов и лохушек. Так это работает. И она — эта Маша Фаберже, на вершине этой пирамиды. Её курс «Искусство лёгких касаний. Как, не прилагая особых усилий, получать от жизни удовольствие» — обычный женский пикап в дорогой блестящей упаковке пользуется большой популярностью среди женщин в кризисе. Упоминается вскользь на всероссийском хейтерском форуме. Но никаких разоблачений, од-

ни комплименты и симпатии.

— Рада приветствовать тебя в нашем тайном клубе свободных, сексуальных и самодостаточных женщин, — продолжает рыжая и теперь я понимаю, что мне не показалось. Она действительно обращается к залу, как к единому организму. Вероятно, добивается эффекта приватного, доверительного общения. У каждой из участниц должно возникнуть ощущение личного контакта со своей кумирицей. И здесь я не могу не согласиться с тем, что это работает. Была б я на её месте, делала бы то же самое.

— Осмелюсь предположить, дорогая, что ты здесь потому, что тебя хоть раз в жизни обесценивали только по той причине, что ты не носишь под юбкой яйца...

Лучи, подсвечивающие сцену становятся чуть ярче и силуэт спикерши приобретает более чёткие детали. Да, определенно это та самая рыжая профурсетка на Порше, с которой меня свела моя преступная экономия.

Ёрзаю, вытягиваю шею, стараясь разглядеть. Чёрное платье-жакет придаёт девушке весьма деловой вид, но вполне конкретно обозначенное в вырезе отсутствие лифа делает образ предельно сексуальным. На грани, я бы сказала.

Пучок света зажигает центральную точку и главное действующее лицо представления обретает черты. Безупречный макияж, гладкая фарфоровая кожа, рыжие волосы напомажены и собраны в низкий хвост. Она сидит на высоком барном стуле так, как сидела бы молодая Шарон Стоун в роли

Маши Фаберже. Случайная знакомая, принятая мной за содержанку с Патриков, оказывается собирает целые залы женщин, похожих на содержанок с Патриков. Вот именно такими их показывают в сериалах про столичную элиту. Смотрю на ухоженные затылки, глянцевые скулы, на дорогой блеск каратов в мочках и на шеях... Куда я попала? Где я? Что я здесь делаю?!

— Готова поспорить, дорогая, ты здесь, потому, что хоть раз в жизни испытывала чувство, будто тебя использовали...

Кажется, рыжая смотрит прямо на меня. Во рту пересыхает так, что уже саднит в горле. С одной стороны — это первый признак того, что надо вставать и двигать на выход. Звоночек из отдела интуиции, который я часто зря игнорирую, за что потом регулярно огребаю. С другой стороны...

— Ты отдавала твой ресурс. Твое тело, твои эмоции, деньги, связи... и оставалась каждый раз одна, опустошённая и разбитая, собирать себя по осколкам...

Я не могу перестать слушать. В меня попадает каждое слово и отзывается десятками всплывших в памяти. Болезненных, неприятных, горьких... И хуже всего то, что говорит мне это женщина, которой вряд ли когда либо приходилось собирать себя по осколкам. Как не собирай, не склеивай, не шлифуй себя потом — трещины все равно останутся. А на этой — ни намека на насадины или штукатурку. Давай, Гагарина, поднимай свою задницу и шуруй домой. Сейчас тут все начнут дышать маточками, а кислорода и так мало...

— Не ошибусь, если скажу, что случилось такое с тобой не раз. И не два. И даже не три...

Рыжая делает паузу и мне снова кажется, что последняя реплика адресована лично мне, хотя рациональной частью понимаю — ни меня, ни кого-либо ещё в зале она не выделяет. Она никого не видит из-за софита, который её освещает.

— Ну, давай, вспоминай, как часто после болезненных отношений ты чувствовала себя и ограбленной... и виноватой. И сколько раз ты соглашалась с тем, что это с тобой что-то не так?

Тетка с веером тихо всхлипывает. Позади меня кто-то шмыгает носом. Где-то под кем-то скрипит сидение. Ещё через секунду между рядами шелестит одобрителный шепоток. Вижу, как впереди кивают некоторые завитые локонами головы. В этот момент мне остро не хватает рядом Алки. Очень хочется кому-нибудь крикнуть в ухо своё скептическое «не верю». Дамочка разводит аудиторию просто по классике: хорошо поставленным, сексуальным гипно-голосом она технично завладевает вниманием и озвучивает то, что у большинства женщин моего возраста неоднократно возникало в голове. Но Алки рядом нет. Поделиться своими соображениями не с кем. Остается наблюдать и проверять себя на сопротивляемость попыткам вскрыть мою нежную душу всякими психологическими отмычками. Интересно, сколько денег выложили адепткы за возможность услышать свой внутренний голос? Да ещё и такой приятный.

— Ты здесь потому, что любые отношения раз за разом заканчиваются потерей части своего «я» в других людях, которые уверяли тебя, что это и есть счастье.

Она проговаривает это почти монотонно, едва заметно проигрывая тембром и смысл фразы кажется таким естественным и правдивым. Будто я эти слова слышу каждый день уже очень длительное время. Хотя и никогда не задумывалась над ними...

— Ты здесь... — она понижает голос, и следующие слова произносит будто бы из груди, уверенно и твердо: — потому что пришло время сказать: "Стоп! Хватит!"

Снова повисает тишина. В первых рядах сдают нервы, кто-то пару раз ударяет в ладоши, не в силах сдержать аплодисмент. На женщину шикают и снова все замирают. И я замираю, потому что жуть как интересно, что будет дальше и права ли я в своих догадках...

Глава 5. Почём марафон про прокачке точки «G»?

— Сегодня тот самый вечер, дорогая!

Рыжая улыбается уголками рта, а я ловлю себя на том, что уже давно безотрывно слежу за её лицом. Оно притягивает. Располагает. К тому же, «артист артиста видит издалека».

— Я знаю, что раз ты пришла, значит давно хочешь перемен. Поиски себя затянулись или ты вконец заблудилась. Возможно даже, ты плохо понимаешь, где находишься и зачем...

Последний звук стрекочущим эхом отражается от стен и растворяется в полной тишине зала. Если это не спецэффекты — снимаю шляпу. Всегда считала себя устойчивой ко всякого рода воздействиям на психику. А теперь понимаю, как попадают в секты. Грамотная речь, безупречная дикция, глубокий грудной тембр — тот самый, что в народе называют сексуальным. Интонации подобраны, как по нотам. Рыжая явно этому где-то училась! Правильно расставленные акценты, проникающие в подсознание слова, плюс фоновый звук, похожий на бинауральные ритмы — и вуаля: зал в коллективном трансе.

Я как-то писала на заказ статью про противостояние гипнозу. Нужно было пару вечеров посидеть в интернете, особо

не вдаваясь в тему, набраться поверхностных знаний. Сейчас они неожиданногодились. Не перебирая варианты, я использую всю артиллерию приёмов сразу: намеренно сбиваю дыхание, кручу в руках пригласительный, считаю про себя от ста в обратном порядке и концентрируюсь не на звуке, а на картинке. При такой контратаке любой психический интeрвeнт должен быть не опаснее Кашпировского.

Но эта дамочка интересуется меня так же, как и информация, которую она выдаёт. Я не могу перестать слушать и смотреть...

— Ты переступила ту черту, после которой в деспотичном патриархате пора задуматься над ходом времени, — говорит она и тут же добавляет, улыбаясь: — И над необратимой судьбой женского организма... Страх опоздать на последний поезд — это то, за что судьба водит тебя по граблям, как на верёвочке. Несправедливо, правда? Тем более, что сейчас из любого утюга тебе вещают, будто на судьбу можно влиять маточным дыханием и прочими энергетическими практиками. И вместо того, чтобы забрать у судьбы верёвочку и отпустить поезд, ты запускаешь в небо шарик с мечтой.

Жиза. Так говорит Алка, которая в последнее время ускорила шаг, чтобы не отстать от этого поезда. Следит за трендами, регулярно обновляет речь сленговыми словечками и исправно проходит марафоны. Хотя утверждает, что участвует в эксперименте исключительно ради "фана". Жалко, что её рядом нет — интересно было бы услышать её "фидбэки".

— Помимо очевидных причин, навязанных нам патриархатом, ты пришла, чтобы убедиться: ты не одна. Что помимо тебя об этом задумываются десятки, сотни, тысячи женщин, которых с детства учили осознавать свою товарную ценность и неосознанно конкурировать с подругами за воображаемого самца.

Она замолкает — в зале звенящая тишина. Хотя я сразу понимаю: она звенит не сама по себе — фоном идут тета-волны или что-то в этом духе. Продувает голову так, что аж покалывает. Каждое сказанное слово ложится точно в подготовленную почву и вырастает. Вопрос «зачем я здесь» будто и не возникал. Теперь мне интересно, что будет дальше и к чему это приведёт.

— Молодец, что пришла, — говорит рыжая и будто смотрит прямо в мою нежную душу. — Я тебя ждала.

Звон резко обрывается и повисает где-то в самом низком регистре. Подавляю желание обернуться. Буквально сдерживаю себя, вцепившись в подлокотники кресла. Глупое чувство, когда кажется, что тебе машет незнакомец, а ты мчешься в голове: то ли махать в ответ, то ли нет...

Но тут картинка меняется. Задник подиума светлеет с тёмно-сливового до лавандового, и уже через секунду на его фоне возникает чёрный символ — то ли пиктограмма, то ли иероглиф. Простой, как одуванчик: круг на тонкой ножке.

— Зеркало Иштар. Или Венеры — в его дохристианской версии, — поясняет голос со сцены. — Ты наверняка видела

его и не раз. Им сейчас определяют женский пол, а когда-то он был эмблемой культа уверенных, образованных, стремящихся влиять на события женщин. Считается, что богине красоты и любви это зеркало помогало познавать свою божественную суть и силу. Часто в античном искусстве она изображалась с зеркалом в руке. Жрицы культа отождествляли его с самопознанием — с искусством узнавать себя через диалог с внутренней богиней. Способность смотреть внутрь себя и распознавать. А теперь представь: удобно ли было бы держать это зеркало за ручку с поперечной перекладиной?

Снова тишина. Даже мадемуазель с веером замирает. Я и сама, скажу честно, дышу через раз. Пиктограмма на экране медленно трансформируется в привычный всем female symbol. И если изначально это было зеркало... то ручка у него, действительно — не очень.

— Эта перекладина появилась, якобы, чтобы придать символу христианский дух. Навязать ассоциации с крестом. Показать превосходство веры в единого бога-отца над пантеоном богов и богинь. На самом деле, это деспотичный патриархат перечеркнул нашу связь с древним культом. Цивилизация просвещения и культуры скатилась в мрачное средневековье, где любой ху-хромосомный примат получил статус человека по умолчанию. Они сказали: it's a man's world, baby, и вместо зеркала Иштар навязали нам своё извращённое понимание женственности.

Рыжая делает паузу, чтобы зал успел прожевать инфор-

мацию. А я с трудом сдерживаю странное, нарастающее чувство, будто это спектакль — и главная роль в нём почему-то моя. Головой понимаю: это бред. Совпадение. Случайность. Я не вписываюсь в здешние стандарты и не должна об этом забывать. Однако, тело уже который раз пробирает глубинная дрожь, поднимая на коже волны острых мурашек. Мне кажется... нет, мне казалось, что я достаточно сильная и умная, чтобы оставаться в привычных настройках здравого скептицизма. Но эта Фаберже будто знала, что я тайно люблю всякие мифы и сказки.

— Женщины потеряли своё начало, — продолжает она. — Мы больше не понимаем, кто мы. Вместо дара богини мы получили стекло, которое отражает не нашу суть, а желания мужчин. «У меня нет сил», «я не чувствую себя целой», «я не знаю, в чём моё предназначение и куда идти» — это топ-3 вопроса к психологам. И, как правило, без ответов. Кто-то подгоняет себя под стандарты скальпелем и уколами. Кто-то отдаёт себя на съедение карьере. Кто-то — растворяется в быте и детях. Но почти каждая из нас продолжает искать ту самую идентичность, ту самую целостность. Потому что интуитивно чувствует: в предлагаемой патриархатом роли есть изначальный обман.

Пока она говорит, у меня в спине что-то странно сводит между лопатками. Это случается, когда я неожиданно нахожу «своё» платье и уже до примерки знаю: возьму. Сколько бы оно ни стоило. Ну, в разумных пределах, конечно.

— Что значит быть женщиной? — Мария чуть наклоняется вперёд. — У нас забрали это знание. Вместо него вручили скрепы, одобренные патриархатом: целомудрие, супружество, материнство, покорность и слабость. Современный социум требует от нас быть одновременно успешной и хорошей девочкой. Но так не бывает. Это взаимоисключающие позиции. Хорошая девочка живёт по правилам, которые ограничивают её свободу. Она удобна, предсказуема, продавлена в нужных местах. Но успеху в карьере, бизнесе, творчестве нужны личности с чутьём. С тем самым чувственным чутьём, которое доступно только женщинам, осознавшим свою силу. Которые не следуют, а ведут. Которые играют, импровизируют и берут на себя главные роли в собственной жизни. Чувствуешь разницу? — улыбается она.

Экран гаснет. Сцена темнеет. Несколько долгих секунд на фиолетовом фоне висит только чёрный силуэт женщины. Пауза звенит, как натянутая струна. Концентрация женской энергии в зале близка к атомному распаду. Все чего-то ждут. Все надеются. Все верят. Чего скрывать, и я тоже жду. Хочется узнать, чисто из профессионального азарта, к чему такая подводка? Похоже на прогрев к презентации марафона по прокачке точки G или смежных зон. Что хотят знать все эти дамы? При какой температуре хранить драгоценные яйца и какое эфирное масло подливать в огонь отношений? Окей. Я тоже послушаю, раз это бесплатно...

— Вот и они тоже чувствуют. И боятся нас таких...

Рыжая снова вспыхивает в круге света всё в той же непри-
нуждённой позе, всё с той же расслабленной улыбкой. Бесит
и привлекает. Я не могу объяснить, почему её образ вызывает
во мне столько противоречий.

— Тысячи и тысячи лет назад женщины обладали прямым
доступом к своей природной, магической силе, — продол-
жает она. — И десятки сотен костров инквизиции не смог-
ли этого уничтожить. Нам отказали в праве быть сильными
— в обмен на возможность выжить. Мы согласились. Ради
детей. Ради будущего. Ради надежды. А потом легли в про-
крустово ложе мужских правил. Замерли. Окаменели. Потер-
яли контакт с собой. Нам оставили два одобряемых прояв-
ления — непорочная дева и мать. А всё промежуточное, в
том числе и сам переход из одного состояния в другое, про-
валилось в зону запретов. Мы играем в эту игру две тысячи
лет и до сих пор не поняли её правил. Дева и мать — заба-
вы хороших девочек. Они стараются преуспеть и там, и тут.
Быть неприступной крепостью и инкубатором для наследни-
ков. Но быстро выгорают. изнашиваются. Бесцветно дожи-
вают чужую, удобную, правильную, куцую жизнь.

Она снова делает паузу. А потом с лёгкой, едва заметной
усмешкой добавляет:

— А плохие... Плохие девочки шастают по «чужим тер-
риториям». Позволяют себе то, что хорошим запрещено.
Тревожат мужские умы своими неприличиями. Потому что
исследовательница, нарушающая запреты, не может быть

счастлива в рамках предписанных правил.

Рыжая замолкает, но только для того, чтобы сказанное ею компактно улеглось в сознании. Догадываюсь, к чему она ведёт, но уже не совсем уверена, что точна в прогнозах. Остается ждать, чем разрешится мой внутренний спор. Уйду ли я отсюда в здравом уме и трезвой памяти или я позволю этой лисе оставить в моей вспаханной жизнью душе зёрна сомнений? Ведь всё, что она говорит, давно душило меня изнутри и подтверждалось жизненным опытом.

Экран, тем временем, снова оживает чередой мелькающих друг за другом слайдов с изображениями каких-то женщин. В некоторых угадываются дамы из разных социальных групп в нарядах разных эпох и профессий, на нескольких чёрно-белых фото узнаю Крупскую, потом Новодворскую, ещё на одной, видимо, Цеткин и Колонтай в скромных учительских туалетах. Кто из них кто — не знаю. Дальше лента ускоряется и пестрит цветным и серым ретроспективным обзором женской доли в патриархальном мире. Сначала кажется, что кадры сменяют друг друга в хаотичном порядке, но когда Мария начинает комментировать, все они постепенно складываются в общую картину представлений о месте женщины в обществе. И в вывод, что место это, по-прежнему, весьма заднее...

— Как видишь, — говорит она, — к двадцать первому веку мир не пришёл к балансу. Он расселся по окопам. Одни требуют покрыть головы, запретить аборты и вернуться к

«природному предназначению». Другие — призывают «пересечь с иглы мужского одобрения на мужское лицо». Третьи — требуют от нас достижений и результатов. И где-то между ними — ты. Я. Мы. Ты пробовала одно, второе, третье. И сказала себе: «Я не знаю, кто я и куда иду».

Рыжая делает шаг ближе к краю сцены. Свет подчёркивает овал её лица, и я почти чувствую, как слова, сказанные ею, давят на грудную клетку. Эта Маша произносит то, что до этого момента я могла только ощущать как реакцию собственной нервной системы на несовершенство мира...

— Да, детка, мир не такой, каким ты его представляла. Попытка соблюдать его правила, чтобы сделать жизнь предсказуемой и ровной, не делает её ни ровной, ни предсказуемой, ни безопасной, ни уж тем более — справедливой. Любовь невозможно заслужить, счастье — заработать. Наверх пробиваются бездарности, а профессионалы и таланты обслуживают их интересы, оставаясь в тени. Но мы никому не можем делегировать собственную реализацию. Если ты ищешь семь простых правил «как стать счастливой», если хочешь, чтобы всё само наладилось, а ты осталась прежней «хорошей послушной девочкой» — самое время вернуться в тёплую, уютную постель.

Пауза. Рыжая выжидает. Словно действительно предлагает одуматься и покинуть помещение тем, кому не по пути. Мол, дальше будет только для избранных. Ну да, конечно.

— Оставим хорошим девочкам легенды о всемогуществе

позитивного мышления, энергетические практики, религиозный фанатизм, марафоны желаний и тренинги о том, как выйти замуж за олигарха или удержать загулявшего мужа. Наверняка ты примеряла что-то из этого на себя, но, похоже, шкурка не пришлась впору. Плохие девочки так просто не выходят из игры. И если ты всё ещё ищешь своё место в этом мире — скорее всего, ты из них. Даже если пока не думаешь о себе так. Если ты ждала подходящего времени или знака, чтобы изменить свою жизнь, — вот он, у тебя в руках. Пропуск за грани общепринятых догм. Шанс на новые ориентиры. Правила игры в мире секса, власти и денег, которые от тебя скрывали.

В руках у меня контрамарка от гуру уже изрядно помятая. Смотрю, моя соседка по зрительному ряду тоже достала свой билетик из сумочки и аккуратно положила его на колени.

— Сегодня я в очередной раз разыгрываю месяц личного наставничества, — продолжает она. — Под моим присмотром ты расстанешься с иллюзиями и страхами. Это будет больно, но взамен ты обретёшь свободу и силу. То самое женское начало. Вернёшь себе чувственность и желание, спокойствие перед лицом неопределённости. Правда, придётся снять розовые очки и посмотреть на мир без них. То, что ты увидишь, сначала не понравится. Понимание сути вещей снимает защитные фильтры с реальности, но делает путь ясным и добавляет ему красок. Пройдёшь этот путь и сможешь одним лёгким касанием получать от жизни то, что

хочешь. А если ты боишься, что твои убеждения могут быть оспорены, отдай свой лотерейный билет той, кто не боится сомневаться...

Глава 6. Как выиграть в лотерею и не проебать ориентацию

Не могу сказать, что я невезучий человек, но моя удача — особа весьма своенравная. Её нельзя купить. Нельзя высчитать или спрогнозировать. Она, как дальняя родственница, может годами о себе не напоминать, а потом нагрянуть внезапно проездом с тюками и подарками. И исчезнуть так же. Звать её бесполезно, ждать бессмысленно. Она любит неожиданные, эффектные появления. Меня эта тетушка навещала пару раз. После первого её визита я смогла купить квартиру. Во второй — её не проебать. В целом, она не балует меня вниманием, но и на том спасибо. По этой причине, я никогда не беру лотерейные билеты и не участвую в конкурсах и розыгрышах. Короче, не беспокою неповоротливую даму в возрасте по пустякам.

И вот сегодня, в этот самый вечер, ей, видимо, стало скучно и она вспомнила про меня. А я... не то, что бы ей не рада... Но сейчас она конкретно не вовремя!

Я не хотела, не планировала. Я вообще не знала, что это конкурс какой-то. Или лотерея. Или как там у них это называется? Промоушен? На экране число «13» полностью совпадает со светящимся знаком в развороте контрамарки. Уйти уже не вариант. А ведь рыжая дважды предупреждала...

Меня быстро вычисляют — спасибо даме с веером и длинным носом. Какие-то девушки в чёрном проводят на сцену. Иду, еле переставляя ватные ноги, до боли кусаю губы и мечтаю раствориться в воздухе.

С подиума, и правда, темный зал совершенно безлик. Это немного расслабляет. Я даже умудряюсь отвечать на вопросы Марии, хотя язык у меня, как не родной. В голове синтепон. Смотрю, и не могу понять, она узнала меня или не узнала?

— Это твоя счастливая пижама? — улыбается Мария. — Я только так могу объяснить такой смелый для нашего мероприятия образ.

Пустота оживает, из нее доносятся нестройные смешки и шёпот.

— Я уже спать собиралась, если честно, — пожимаю плечами.

Рыжая смотрит с интересом, как в первый раз. Но во взгляде ни намёка на то, что мы знакомы. Играет? Или действительно не помнит?

— А, хорошая девочка? — кивает Мария. — И что же заставило тебя поменять планы так резко?

— Ну... ко мне в форточку влетела фея и подарила этот билет. Она предлагала ещё карету, туфли и платье, но я отказалась. В своём как-то удобнее...

Снова смешки. Рыжая тоже хихикает, диалог ей явно нравится. И снова ни тени узнавания. Оно и понятно. Зачем ей компрометировать себя? К тому же, может она каждый день

кому-то дарит по билету, кто знает?

Меня ещё какое-то время интервьюируют. По ходу дела всячески намекаю, что произошла ошибка и что я готова отказаться от приза. Вот прямо так честно и откровенно выражаю готовность ответить за свои слова. Из зала звучат предложения перекупить у меня билетик, а затем и конкретные цифры.

— Дамы, дамы, — Мария останавливает аукцион, прежде чем я успеваю сказать, что меня и первая цифра вполне бы устроила. — Правилами клуба передача приза не предусмотрена. Повторный розыгрыш возможен только, если нет билета с выпавшим номером. В данном случае, у нас есть билет и есть его счастливая обладательница. Слава Богине, сегодня вечером, возможно, ещё одно зеркало Иштар найдет свою хранительницу.

Обычно, я не реагирую на своё имя в контексте всяких прославлений — привыкла за столько лет. Но тут я вздрагиваю, видимо, подсознательно жду какого-то знака, проблеска узнавания в глазах Марии. Слава — обычное слово в одном из множества устойчивых сочетаний, но сейчас оно резонирует особенно остро. Чувствую, как под рубашкой вдоль позвоночника ползет крупная капля пота. С одной стороны хочется провалиться сквозь пол сцены, а там, как-нибудь, до ближайшей станции метро и домой. С другой — какая-то неизвестная часть меня требует сатисфакции. Пусть хоть подмигнёт, что ли, стерва! Не могла она не узнать меня

— по глазам вижу!

Конечно, она продолжает игру и её явно заводит противоречивость моих желаний. В том, что она читает меня, как открытую книгу, нет никаких сомнений. Мария что-то говорит, общаясь теперь с залом, но смотрит при этом на меня внимательно и чуть насмешливо одновременно, словно бросая мне вызов: «Хотела перемен? Ждала знака? Шанс проявить себя, решиться на что-то более смелое и непредсказуемое, нежели хулиганская авантюра с издателем «клубнички»? Держи крепко, не урони. Никто и не обещал, что это будет легко!»

Я уже понимаю, что соскочить не получится. По крайней мере до подписания контракта с Марией, который должен случиться ровно в полночь с седьмого на восьмое марта. То есть — через пару часов.

Вот за что я еще ненавижу март — за этот «ритуальный день для конфетно-букетных подношений», который ежегодно я пытаюсь игнорировать, и который упорно приносит мне на порог одну и ту же массу из бывших мудаков, их сопливых сообщений, цветочных веников и грязных луж. И вот, Слава, тебе ещё один сюрприз! На этот раз, действительно, неожиданный.

Выходит, сейчас мы должны будем зафиналить нашу встречу символическим распитием шампанского, которое уже торжественно внесли на сцену. Затем предстоит церемония передачи мне Зеркала Иштар от предыдущей победи-

тельницы лотереи. Но, как бы ещё не мне, а Марии, которая должна будет вручить мне его после всех формальностей. Потом мы должны будем сделать несколько фото для истории и удалиться для приватного общения. Избежать этой процедуры я уже не смогу. Но, у меня есть шанс откосить от договора, если вдруг по какой-то причине я Марии не по-навлеюсь.

Очень хочется пить. Поэтому, символическое шампанское в меня залетает сразу и впитывается всеми клетками. Кислятина. От жажды совершенно не спасает. Но что-то щёлкает в голове. Звуки резко сворачиваются в один пронзительный писк. Зал и вообще всё за пределами моих личных границ разъезжается в стороны, пол подо мной плывет вниз так, что чудом удаётся устоять. Как только я понимаю, что несмотря на странное, непривычное состояние сознания я могу контролировать движения тела и его ориентацию в пространстве, картинка и звуки возвращаются. Правда, вижу я теперь всё как сквозь мутный фильтр, который размывает контуры и рассеивает свет, а слышу всё как через вату.

Сказать о том, что я, мягко говоря, странно себя чувствую, некому. Да и некогда. События сменяются как кадры на слайд-шоу. Вот Мария демонстрирует залу красивый футляр и его содержимое.

Все аплодируют.

Я тоже.

Девушка, передавшая раритет, произносит благодар-

ственную речь своей наставнице, несколько раз на её глазах наворачиваются слёзы. Опять все хлопают. Мария представляет девушку. Юля выиграла лотерею год назад, успешно прошла личное наставничество и теперь стажировается на должность помощницы ассистента Марии. Головокружительная карьера! Все аплодируют. Я, естественно, тоже. Руки и вообще всё тело живет своей жизнью, будто не я им управляю, а кто-то в нужное время дёргает за ниточки. И это немного облегчает задачу не опозориться.

Путь из зрительного зала в банкетный лежит через фотозону. Там я принимаю позы, тяну улыбку, чувствую прохладную ладонь на талии, тонкий аромат парфюма — надо будет потом спросить что это за духи... У меня что-то спрашивают, протягивают микрофон, я отвечаю в него на вопросы довольно уверенно, хотя происходящее кажется мне хроникой чужой светской жизни, которую я знаю по ленте в инстаграм⁶.

Карусель лиц, вопросы, вспышки камер. Время растягивается и искажается, как будто я наблюдаю за всем происходящим со стороны. Я вижу себя, как в каком-то фильме, и в то же время я — та самая девушка в центре внимания, среди света и объективов. И она мне нравится.

Ещё мне льстит близость Марии, которую я постоянно ощущаю. Не физически, а на каком-то другом уровне.

⁶ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Как собственный внутренний голос, который прорывается сквозь гомон и щелчки затворов и уводит в безопасное место подальше от завистливых взглядов.

Мне уже не интересно, узнала ли она меня. Это не важно. Эти карие глаза видят гораздо больше, чем могло показаться мне сначала, словно она знает обо мне что-то, что я пока не осознала. Она посылает мне сигналы движением ресниц и я следую за ней, словно в трансе. Нет ни сил, ни желания сопротивляться. Будь, что будет. В этом состоянии я воспринимаю всё, как в осознанном сне, наблюдаю за собой, как будто это происходит с персонажем книги, и в то же время ловлю каждую ноту, каждый запах, каждое прикосновение.

Снова в моей руке бокал, я ощущаю прохладу напитка и его тихое шипение. Мария говорит финальный тост, мы дзынькаем и выпиваем. Проглоченные пузыри мгновенно бьют в голову и я плавно, но уверенно соскальзываю куда-то вниз, словно по поверхности мягкой тьмы в её уютные тёплые бездны.

Тяжесть накрывает тело. Я больше не чувствую ни ног, ни рук, ни положения в пространстве — ничего. Только лёгкое плавное движение на грани между обмороком и сном. Воздух вокруг меня кажется плотным, насыщенным, словно пропитанным ароматом парфюма. И в самый последний момент, прежде чем с головой окунуться в глубокий дурман, вижу Марию. Даже не всю её, а только лицо, которое медленно приближается к моему... она тянется мягкими губами

к моим губам.

Это мгновение, кажется, длится вечно, пока в конечной точке, перед тем, как обморок проглотит сознание, нежное, невесомое касание её губ навсегда оставляет след в памяти...

Глава 7. Дьявол носит «Cartier»

Первое, что фиксирует сознание — это звук. Или, правильное было бы сказать — его отсутствие. Тишина накачивается трамвайным грохотом и заглушает какофонию сна, шлейф которого быстро тает за веками.

Осторожнодвигаю головой, проверяя насколько всё плохо: голова на подушке, но, на удивление, лёгкая и не болит. Очень хочется пить, а вставать и идти на кухню страшно лень. Я бы предпочла попробовать уснуть и досмотреть странный сон, оборвавшийся на самом интересном месте, но двери в него уже наглухо заперты. В общем, я, похоже выспалась.

Медленно открываю глаза и сквозь утреннюю муть вижу над собой совершенно незнакомый потолок, окантованный ажурной лепниной и с огромной хрустальной люстрой в его центре. Подо мной — мягкая кожа дивана. Тоже чужого.

Приехали.

В памяти мгновенно вспыхивают флешбеки. Словно на ускоренной перемотке сознание возвращает меня в начало «сна». Я, шампанское, аплодисменты, Мария, лотерея, голос со сцены — всё это каруселью проносится в голове и я резко поднимаюсь.

На самом деле, чтобы меня так выбило из равновесия, двух бокалов шампанского недостаточно. Да и не помню, ко-

гда такое было в принципе. Хотя... текила в среду, мартини — вчера... А мне через месяц тридцать восемь — как-никак возраст...

Осторожно осматриваюсь. Комната похожа на кабинет особняка, куда накануне привел меня случай. Шикарно — это слишком скромное определение! Мебель, декор, освещение — не просто модный закос под старину, а изящный ампи́р в современной обработке. Я не специалист, но даже мне понятно, что любая деталь этого интерьера стоит как вся моя квартира — очередное напоминание, что я ничего пока не доби́лась. Чтобы оценить масштабы, оборачиваюсь и... понимаю, что в комнате я не одна.

— Проснулась?

Мария, точно такая же, какой я видела её перед отключкой, сидит за рабочим столом. И, судя по темным окнам кабинета — не так давно.

Дурацкая ситуация. Чувствую себя аналогично, и, наверняка, выгляжу я соответственно. Где я и как здесь оказалась лучше не спрашивать, дабы не усугублять положение. Но и Мария не торопится с объяснениями, просто смотрит на меня, слегка улыбаясь.

Сухой ком в горле. Хоровод разных вопросов кружит на языке, а я не могу решиться озвучить хотя бы один. Было бы неплохо знать где мой телефон, например, сумка с документами и ключами, и не придется ли мне отвечать за какие-нибудь разрушенные часовни или попранные морали? А

ещё интересно зачем она меня целовала... Ведь целовала? Не могла же я себе это придумать?

— Пить хочешь? — спрашивает рыжая, прежде чем я успеваю открыть рот, чтобы попросить воды.

— Да, пожалуй...

Голос мой звучит удовлетворительно по сравнению с тем, что бывало после бурных вечеринок. Вероятно, и спала я не больше часа, и опьянение было не алкогольным.

Мария подходит к бару и наливает в высокий стакан воды из графина. На ней всё тот же наряд — чёрное платье-блейзер длиной до середины бёдер и чем ближе дива приближается ко мне, тем чётче я различаю логотип Картье на его золотых пуговицах.

— Спасибо. — Принимаю стакан из тонких пальцев и уточняю: — Это же вода?

Рыжая улыбается чуть шире и кивает. Пока я пью, она опускается в кресло напротив. Движения её при этом завораживают какой-то дикой, кошачьей грацией, которой вряд ли можно где-то научиться или симитировать.

Допиваю и ставлю стакан на низкий столик перед диваном, стараясь двигаться максимально похоже.

— Легче? — интересуется Мария всё с той же полуулыбочкой.

— Да, спасибо. Надеюсь, я не стану звездой юмористических каналов с видео-приколами?

— О, об этом можешь не переживать. — Она снова при-

поднимает уголки губ. — Всё, что происходит в нашем клубе, остается в нашем клубе.

Мария замолкает, продолжает внимательно изучать меня. Скорее всего, ждёт мой ход. Наверняка, у неё есть домашние заготовки в ответ на все мои вопросы и удивить её будет сложно. Но, передо мной и не стоит такой задачи. Даже наоборот — чем меньше я буду стараться ей понравиться, тем скорее я отсюда уйду. К тому же, кокетничать с женщинами я не умею.

— Последнее, что я помню, — произношу я и снова чувствую, как сохнет рот. — Эм... поцелуй и потом провал. Это всё? Или я чего-то не знаю?

Только сейчас понимаю, кого она мне напоминает. Внешнее сходство почти нулевое, но сквозь лицо Марии, будто через века и поколения, пробивается вечная загадка Джоконды. Словно её изображение пропустили через фильтры искусственного интеллекта, отретушировав до образа инста⁷-дивы.

Рыжая идёт снова к столику с напитками, что-то не спеша разглядывает, звякает стеклом и наконец, возвращается на место с графином и бокалом чего-то коньячного на вид.

— Спасибо, — благодарю я, глядя как она наливает мне ещё воды. Вторая порция заходит в меня полностью. Мария с интересом наблюдает за мной, немного жмурясь над бока-

⁷ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

лом.

— Не волнуйся, мои девочки действовали профессионально. Никто ничего не заметил. В твоём шампанском был препарат.

Она произносит это спокойно и даже игриво. Игнорирует вопрос про поцелуй, и, действительно, после информации про препарат, он резко теряет позиции.

— Меня что, похитили для опытов?

По глазам вижу — такого вопроса в её сценарии нет. Интересно, сколько времени ей потребуется на ответ?

— Обычно, я заранее знаю победительницу лотереи. — Она делает глоток и продолжает: — Тщательно слежу, чтобы она не оказалась человеком с улицы или с нездоровыми амбициями. Как правило, это кто-то из последовательниц моего «искусства», не из самых активных, чтобы не вызывать подозрений, но и не из самых серых и робких. Четыре года всё было ровно и без сюрпризов. Я тайно отбирала претенденток на счастливый билетик. Затем определялась с финалисткой и далее всё было делом техники...

Её откровенность подкупает. Вернее, заставляет меня чувствовать некую избранность для посвящения в какую-то тайну или интригу. Знает, чертовка, на что ловить, даже прерывать не хочется. Поэтому я молча хлопаю ресницами и жду продолжения.

— Всё складывалось удачно. Мне казалось, что исключив из лотереи высшую волю, я могу полностью контролировать

процесс и тем самым только выиграю. В целом, так и было, пока не поползли слухи, да и мне эта предсказуемость наскучила до оскомины. Лауреатки все, как на подбор — податливые, но без огонька, без внутреннего сопротивления среде, без стержня. Конечно, рисковать проектом, который пятый год подряд держит высокий рейтинг, не хотелось, но и отдавать всё на неуправляемое течение — не лучшая идея. За неделю до розыгрыша у меня всё ещё не было претендентки. Мероприятие проплачено, банкет, пресса, креативы — все на старте, аудитория — чуть-чуть и закипит. Возила этот билет в машине и уже смирилась, что придется действовать по ситуации и даже, возможно, всё отменять. Но тут на днях, еду я по делам и по пути случайно порчу девушке в светлом пальто внешний вид...

Рыжая слегка приподнимает бровь, намекая, что подошла к сути. Я молчу. Хотя внутри, в солнечном сплетении стягивается в узел что-то похожее на предчувствие. Внезапно, моё дурацкое положение приобретает какой-то смысл. Будто пазл сложился. То есть, я была права — она знала или, по крайней мере, предполагала, что я приду и только что подтвердила моё неслучайное присутствие в числе приглашенных.

— Естественно, чтобы как-то загладить вину, решаю подвезти замарашку до адреса. По дороге мы о чем-то болтаем — не помню уже. Смотрю — и внешность яркая, и принципиальная, деньги не берёт, а я штуку евро предлагала на

химчистку. У меня как-то сразу срабатывает, думаю — то, что нужно! Тем более, что других вариантов всё равно нет. Отдаю билет в последний момент и понимаю, что гарантий никаких, на самом деле. Придёт она, не придёт — неизвестно. Может, она выбросит его в ближайшую урну или забудет в сумке, как ненужный рекламный буклет. Или, что ещё хуже — отдаст кому-то... В любом случае, мне оставалось надеяться, что это спонтанное решение не было ошибкой.

Мария тянется за бокалом, снова подносит к губам и, не столько пьёт, сколько делает вид. Понимаю, эта пауза ей нужна для обратной связи. Однако, вместо наскоро заготовленных вопросов я выдаю:

— Там, вообще-то, не штука была, а полторы...

Мимика у неё на редкость сдержанная, что немного напрягает. Приходится ловить каждое движение её ресниц и гадать, какую реакцию на неё производят мои реплики. Хотя, почему, вдруг, меня это волнует?

— Жалеешь? — спрашивает она.

— Конечно. Если б я тогда взяла эти деньги, сейчас бы спала себе в своей постельке, вместо того, чтобы выступать фейковым кандидатом на выборах в ваш матриархат.

— Кандидаткой, — поправляет Мария.

— А, да точно. Феминитивы же. Всё никак не привыкну.

Снова возникает пауза, в течение которой мы разглядываем друг друга с одинаковым интересом. Какие-то смутно-знакомые эмоции вызывает эта перестрелка, но я пока не

могу точно их интерпретировать. Что-то отдаленно-похожее было в университетском лифте, когда я застряла там с предподом, который меня смущал взглядами и вопросами. Я с тех пор, кстати, избегаю свиданий с мужчинами старше меня на десять или больше лет. И вот сейчас полное дежавю, несмотря на то, что Мария, всё-таки, не мужчина...

— Я понимаю, Слава, твоё состояние. Действие вещества заканчивается и твои попытки язвить — это такая форма защитной реакции организма. Никому не нравится быть использованным в тёмную, согласна. Поэтому, — Мария делает вдох, и из её взгляда исчезает игривость, — я буду с тобой предельно откровенна. Я не могла знать наверняка, с кем придется иметь дело. Вдруг, ты неадекватная и завалишь мне мероприятие... Я решила перестраховаться и мы немного перестарались, извини. Это абсолютно безвредное успокоительное последнего поколения, не вызывает зависимости и совместимо с алкоголем. Но оно было необходимо. К тому же, ты выглядишь отдохнувшей, а значит, находишься вполне в трезвом уме и твердой памяти, необходимых для подписания нескольких бумаг...

Так и знала! Вот говорили мне, что на закрытые вечеринки проще попасть, чем с них уйти.

Я нервно сглатываю, во рту опять сушит. Тянусь к графи-ну с водой, а сама пытаюсь определить, где здесь выход, на каком этаже я нахожусь и что делать, если сейчас меня будут вынуждать подписать дарственную на квартиру? Я знаю та-

кие случаи. Так люди и попадают в авторитарные секты. И, вероятно, лицо моё достаточно красноречиво выражает эту мысль. Мария улыбается и говорит:

— Не паникуй. Это простая формальность — договор о неразглашении. Все, кто попадает в этот кабинет, подписывают NDA. Мои юристы настояли на данном условии. В случае утечки информации со СМИ не спросишь, а вот с инсайдера — вполне.

Надо же, какой уровень. Даже Блиновская до такого не додумалась. Хотя, её я знаю, а про эту Машу Фаберже до сих пор даже не слышала. Может, потому и не слышала, что всё так засекречено?

Тут бы восхититься и выдохнуть — подумаешь, договор о неразглашении — ерунда какая. Но Алка! Эта сучка с меня не слезет, пока не выпытает все подробности. При всём желании отмолчаться не получится, придётся что-то сочинять.

Пока я размышляю над этим, Мария кладёт на стеклянную поверхность стола несколько листов А-4 и негромко поясняет, в унисон моим попыткам вчитаться в текст первых абзацев:

— Мои клиенты — очень видные люди, вызывающие повышенный интерес у таблоидов и желание женщин на них заработать. Я дорожу репутацией, поэтому стараюсь этот процесс упорядочить, сделать подобные взаимовыгодные отношения предметом договора, а не судебного иска или шантажа.

— Угу, — киваю я, сосредоточенно выискивая знакомые слова, хотя, особого смысла в этом нет без переводчика с юридического на человеческий.

— Страховка на случай, если завтра, например, ты решишь поделиться с кем-либо обстоятельствами нашей встречи...

— Я поняла, — пролистав бумаги и не найдя ни слова про квартиру, беру ручку. — Если это всё, то где нужно подписать и я пойду, пожалуй.

— Внизу, на каждой странице договора и на последней — фамилию, имя, отчество полностью и дату. Через двенадцать минут уже восьмое.

Ощущение, будто договор с дьяволом подписываю, хотя на беглый взгляд ничего инфернального в нём нет. Быстро чиркаю несколько раз стержнем по бумаге и поднимаю взгляд.

— Тут некоторые графы пустые.

— Ничего, мы потом заполним, — отвечает Мария и кладёт передо мной тонкий конверт.

— Это что?

— Три тысячи евро.

Чувствую, как бровь дергается. Неужели я один гештальт закрою дважды?

— Изначально было полторы, — напоминаю я.

— Здесь, — она указывает на конверт, — компенсация и аванс.

Ставлю последнюю закорючку в договоре и смотрю на Марию.

— Компенсация — понятно, а аванс за что?

Она ловит мой взгляд и несколько секунд мы играем в гляделки. Терпеть не могу эти манипуляторские приемчики и если бы я не знала, как это работает, я бы прервала контакт раньше, чем если бы на месте рыжей ведьмы был мужик. Но она, наконец, переводит внимание с меня на бумаги, молча собирает их в стопку, встаёт и уносит, как я правильно догадываюсь, в стол. Потом, так же плавно качая бёдрами, возвращается с тем самым футляром, что выносили на подиум, и ставит на столик передо мной.

— Хочу показать тебе кое-что, — говорит она, усаживаясь на место. — Открой.

Пальцы у меня заметно дрожат, когда я прикасаюсь к замочку крышки. Футлярчик, конечно, всем видом намекает на свою историческую ценность. Но трепет мой отнюдь не по этому поводу. Мне очень хочется забрать конвертик и я очень не хочу опять облажаться. А тремор у меня потому, что я уже знаю, на что потрачу три штуки евро.

На бархатной подушке что-то тускло блестит. Приглядываюсь: так и есть — зеркало.

— Это Зеркало Иштар, — подтверждает Мария.

Я не разбираюсь в антиквариате, но видно что экспонат стоит денег. Овальное стекло в металлической раме по краям усыпано пигментными пятнами древности и сама опра-

ва впечатляет. Или, правда — раритет, или очень хорошая подделка.

— Возьми его в руку.

Уговаривать меня не надо. Прохладная рукоять удобно ложится в ладонь. Сама отражающая часть зеркала не больше лица, но в целом я ожидала, что штука будет легче.

— Поднеси ближе, посмотри в него, — говорит Мария.

Вот не знаю откуда этот стереотип, но помню в детстве бабушка предостерегала меня смотреться в старые зеркала и, никак не объясняя сей наказ, была достаточно убедительна. Впрочем, та же бабушка предрекала мне брак с моральным отщепенцем, если я не перестану мыть полы, ползая на коленках.

В первую секунду кажется, что мутная поверхность ничего не отражает. Но в следующую, когда мой взгляд встречается с взглядом из зеркала, понимаю, что это Я смотрю на себя из овальной рамы. Только отретушированная какой-то магией. И, ни патина времени, ни сетка трещинок на стекле тут ни при чём.

— Впечатляет, правда? — слышу я, но не могу перестать разглядывать отражение. Кожа будто посвежела, натянулась и светится, лоб разгладился, глаза горят. При детальном рассмотрении, выясняется, что мое отражение не имеет ни одного изъяна из тех, что я регулярно у себя нахожу и даже нос, как будто, выглядит меньше.

— Это что, новые технологии какие-то?

— Ну, не совсем новые и не совсем технологии, — отвечает Мария. — Но если так рассуждать, то предмет у тебя в руках — это демоверсия.

Отвожу руку с зеркалом и сразу ловлю её взгляд, от которого холодком стягивает кожу на затылке. Ощущения не то, чтобы неприятные, но я знаю их природу. Кажется, всё идет к предложению, от которого я не смогу отказаться.

Возвращаюсь к зеркалу — наваждение не исчезло и оно по-прежнему показывает улучшенную меня. Довольно живо показывает, без какого-либо искажения или искусственности даже. Смотрела бы и смотрела, только рука быстро устает.

Аккуратно кладу вещь обратно в футляр и спрашиваю: — Если это демо, то какая у этой штуки полная версия? — Полная версия этой штуки двухметровая, — быстро отвечает Мария, будто ждала этот вопрос. — И эффект соответствует размерам. Даже больше. Есть мнение, что этот гаджет открывает дверь в новую жизнь. Понимаю, немного пафосно звучит, но слова не мои. Я бы, скорее, назвала это трансцендентным опытом, типа как взгляд на себя со стороны.

Очередная дверь, в очередную жизнь — слышала я уже такое. Даже писала, помню, методички для «исполнителей желаний». Там тоже что-то про взгляд со стороны было и про трансцендентный опыт. Но эта дама превзошла всех, даже шарики Блиновской и ахуеваску Бони.

— И? — чувствую, как холодок с затылка перемещается вниз по спине, вдоль позвоночника. — И что мне будет стоить этот аттракцион?

Мария перехватывает взгляд, невольно брошенный мной на конвертик и слегка дёргает уголком рта. Да, угадать мои мысли не сложно. Тут не нужно быть телепатом, достаточно немного знать, как работают все эти прогревы и воронки. Я знаю. Поэтому и ход мыслей рыжей я тоже примерно представляю. Ведь думаем мы об одном. О цене за сомнительный экспириенс в три тысячи евро?

— Нет, — говорит Мария, — эта штука, как ты говоришь, стоит гораздо больше и купюры не принимает. Но цена за сеанс довольно приемлемая.

Она берёт со столика пульт, похожий на приплюснутое хромированное яйцо и почти сразу стена справа от меня приходит в движение, медленно поднимаясь вверх и открывая скрытую за ней часть.

Помещение не больше гардероба, какие должны быть в таких особняках. Но в нём от гардероба — только большое, метра два, напольное зеркало в массивной раме, похожей на ту, что я держала в руке некоторое время назад. И тоже овальное. Несколько настенных канделябров и пара прожекторов на потолке призывно подсвечивают смотровую зону перед зеркалом. Судя по всему, это и есть — полная версия. Я бы даже сказала — на-полная...

Вроде, обычное зеркало. Хотя... Приглядываюсь: стоит

оно не строго вертикально, а чуть в наклон и при таком положении должно на что-то опираться. Но я ничего не вижу. Ни сзади, ни спереди. Никаких опор или подставок, будто оно замерло в воздухе перед падением и так висит много-много лет.

— Так и что? Я должна съесть мадагаскарского таракана или сделать массаж стоп бомжу, чтобы протестить эту вашу версию?

Рыжая смеется. И это первая её выраженная эмоция за весь наш диалог.

— Идея, конечно, оригинальная, — говорит она и хитро щурится, — но всё куда проще и логичнее...

Глава 8. Есть ли предел у совершенства?

Раздеться?

В юности я бегала по модельным кастингам. Вот там раздеться до белья перед так называемой комиссией — не составляло проблем. Пока я могла объяснить зачем мне это — я раздевалась. Ходила по подиуму, даже в паре фотосессий поучаствовала, исключительно приличных. Когда поняла, что второй Кроуфорд или даже Хадид без протекции мне не стать, свернула марафон. Но тогда у меня была определенная цель, я видела в этом смысл, при том, что я вообще никогда не ходила в общественные сауны и душевые и в раздевалке фитнес-центра стараюсь не оголяться при свидетелях без острых на то причин. Ну, и в вопросах «облико морале» на первых свиданиях мною управляет пуританка с двойными стандартами, которая кому попало трусы не показывает, если только «он» — не высокий, кареглазый брюнет спортивного телосложения с красивой улыбкой и руками. Но таких совпадений почти не бывает. Поэтому и белье на мне, чаще всего, не демонстрационное. Как сегодня, например — простые бесшовные стринги с небольшими кружевными вставками, а бюстгальтер я вообще не надела.

— Тебя что-то смущает? — спрашивает Мария, выпуская

носом серебристый дым.

Пару минут назад она достала из золотого футляра электронную сигарету и закурила и теперь над нами плывёт аромат вишни. Да, не самый для меня приятный, но смущает не он. А что-то, чему я пока сама объяснений не нахожу.

— Не могу объяснить, — честно отвечаю я, пожимая плечами. — Скорее всего, не вижу смысла.

— Знаешь, говорят «аппетит приходит во время еды». Что если со смыслом так же? Сначала делаешь, потом думаешь — «зачем?». У тебя разве с мужчинами не так?

— Так, — киваю и чувствую как кровь приливает к щекам. — Но для Москвы это нормально. Здесь чаще всего из всех мудаков выбираешь самого генетически одарённого и всё. Смысла в этом столько же, сколько в очередном платье, которое некуда надеть — берёшь, чтобы форму не терять. Пока влезаешь — всё норм.

— Это верно. — Она выдыхает вишнёвый дым. — Яркая аллегория, жизненная. Только, почему же ты в пижаме пришла, а не в платье?

Я хмыкаю, встряхиваю лебяжьи манжеты. Дорогой, между прочим, костюм. Натуральный шелк, не мнётся, удобный и стильный. И чего он их тут так триггерит?

— В столице март, ехала сюда на такси эконом класса. К тому же в инструкции на брошюрке не было четких указаний по дресс-коду, ну и «никаких мужчин»...

Поджимаю губы, смотрю на Марию, она смотрит в ответ.

Мне всё больше кажется, что она вовлекает меня в какой-то танец. И, как бы не сопротивлялась процессу, я уже кружу с ней по большой орбите.

— Да, это мой косяк, — говорит рыжая. — Но хорошо, что в нашем дружном женском комьюнити всё можно списать на месячные, правда?

Она подмигивает, убирает мундштук в футляр и поднимается. Двигаясь в сторону ниши с зеркалом, проходит мимо него к дальней стене «гардероба», обшитой панелями, и трогает одну из них. Панель вращается по оси, открывая ряд вешалок в портпледах. Некоторое время Мария перебирает их, видимо, что-то ищет, пока я бессовестно пялюсь на её ноги в тончайших чёрных чулках, потом, наконец, поворачивается ко мне с вешалкой в руках.

— Примерь, — говорит она, показывая чёрное платье-комбинацию с необрезанной биркой. — Должно быть твоего размера. Я подумала, раз ты во всем ищешь смысл, почему бы тебе не переодеться? Вполне ведь экологичная цель, не так ли?

Мельком оглядываю потолок — вроде никаких подозрительных приборов, кроме прожекторов-осветителей, но я бы сильно удивилась, если это не камеры.

Всё так предсказуемо, что вызывает восхищение! Примерно за полчаса эта дамочка применила основной набор инструментов нейро-лингвистического программирования: «якори», «крючки», «отражение», «подстройка», и все эти

вопросы с отрицанием «не так ли?», «разве не так?», даже «кавычки» были. Надо сказать, очень грамотно рыжая разводит, сечёт малейшие мои движения, взгляды украдкой на обстановку, считывает реакции и использует их как отмычки к моему психотипу.

Но вот загвоздка: всё это хорошо работает на большую лояльную аудиторию. Или на провинциальную дурочку, которой никогда прежде не доводилось сталкиваться с пикаперами. А я, мало того, что никакая не лояльная, но ещё и прекрасно знаю, что будет дальше, потому что сама пишу методички гайдов и курсов саморазвития. Сейчас Мария должна будет посвятить меня в сакральную тайну продукта, явить мне чудо, завладеть моим эмоциональным полем и, возможно даже, установить физический контакт — в маркетинге это называется «прямой продажей», в НЛП — «вербовкой», у пикаперов — «игрой». Всё по сценарию. Причем, судя по тому, к чему всё движется, Мария нацелена на «фаст» — так у профессиональных соблазнителей называется секс на первом свидании или сразу после знакомства. В целом, мне такая заинтересованность, конечно, льстит, однако, придется огорчить мою новую знакомую. Она действительно не на ту сделала ставку. Нет у меня ресурсов для нее ни-ка-ких.

Мария стоит, красиво выставив бедро, и ждет, стерва. А у меня, между прочим, ноги длиннее и спортивнее. И реальные ноги, а не в сомнительном отражении. Да и вообще, на фигуру я не жалуюсь.

— Извини, выйти не могу, связана договором на ответхранение, — говорит она и улыбается. — Но ты можешь представить, что я твоя личная консультантка.

— Почему не наставница? — хмыкаю я.

Улыбка на лице Марии на секунду застывает, взгляд становится острым, оценивающим.

— Отношения между наставницей и ученицей, Слава, это другой уровень. Ты к этому пока не готова, — заявляет серьезным тоном.

— А по каким критериям определяется готовность или не готовность?

— По степени твоего сомнения. У меня уже рука затекла стоять с этой вешалкой, а ты размышляешь над смыслами. Сделай уже что-нибудь просто так. Какой смысл в платье, если не надеть его? На тебе оно будет лучше сидеть, я уверена.

И правда, к чему жеманство? Всё равно, видимо, процедуры мне этой не избежать, но я же и не обязана потом покупать это платье. А смотреть на себя в зеркало, вообще — любимое моё занятие. Почему бы и не взглянуть, раз так настойчиво предлагают? Только пусть Фаберже не рассчитывать на вау-эффект. Вряд ли я увижу в отражении что-то принципиально новое.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Делаю попытку встать с дивана и понимаю, что за время сидения у меня намертво затекли ноги. Вместо них я чувствую две чугунные кочерги, по которым бьет током от малейшего движения.

С трудом держу покер-фейс. Не хочу посвящать Марию в свою маленькую проблему — лучше выжать максимум из обстоятельств. Тяну время. Пока кровь постепенно расходится по капиллярам, возвращая ногам лёгкость и функциональность, начинаю раздеваться сидя: снимаю туфли и берусь за пуговицы блузы. Когда пальцы касаются последней — поднимаюсь и стягиваю с бёдер брюки.

— Обувь, — подсказывает Мария очень кстати. Конечно, ей ли не знать, что шпильки придают движениям обнажённой женщины весомую долю грации и уверенности и визуально облегчает силуэт на пару килограммов?

Я втискиваю стопы в тесные лодочки и иду к зеркалу, стараясь делать несовместимое: контролировать каждый шаг и быть раскованной. Получается у меня это или нет — судить сложно. Я не смотрю на Марию, чтобы не растеряться ещё больше, а тщательно слежу за узором на ковре, переставляя каблук с одного его сегмента на другой. Мне так легче сохранять стройность походки, поскольку ноги до сих пор будто налитые свинцом, а чувство неловкости нарастает по мере сближения с Марией.

— Ты слишком стараешься, — замечает она и подаёт мне платье.

— Спасибо.

Оставив её наблюдение без комментария, стягиваю с плеч рубашку и быстро ныряю в платье. Каждой порой чувствую усмешку Марии и ни капельки не осуждаю её за это. Она

же думает, что заставила меня исполнять её волю, так пусть думает. В книгах пишут, что лучший приём против манипуляции — убедить манипулятора в том, что игра идёт по его правилам. Вот и проверим эту теорию...

Шёлк струится по силуэту и охватывает моё тело, словно вторая кожа, соблазнительно бликуя в самых выпуклых местах. Мы с Алкой такие платья называем "униформой любовниц", как антипод халата домашних клуш в бигуди. У меня есть подобное подешевле, брала на случай свидания с высоким кареглазым брюнетом спортивного телосложения, с красивой улыбкой и руками, но то ли, потому, что таких совпадений не случилось, то ли смелости мне не хватило его надеть — оно так и висит в шкафу не востребованное. Слишком уж откровенно фасон подчеркивает изгибы фигуры и отсутствие на мне белья, да и я, как оказалось, не готова посылать самцам такие явные сигналы.

— Ну, как? — интересуется Мария.

Смотрю на своё отражение. На первый взгляд я — как я. Никаких кардинальных изменений. Да, сидит платье, будто на меня шили. Но с моими стандартными пропорциями это не новость. То, что у рыжей случайно оказалась одежда моего размера — тоже не удивительно: Мария носит такой же и рост у нас примерно одинаковый. Совершенно непонятно, чем именно она намеревалась меня удивить в век кибернетики и атомной энергии... И талия у моей зеркальной копии не тоньше, и грудь не больше. Лицо? Ну, так при грамотно

выставленном освещении и фильтрах мне любой смартфон выдаст похожий трюк. Почему это нельзя внедрить в зеркало?

Чтобы проникнуться идеей, делаю шаг вперед. Мария остается за моей спиной, так что её отражение я вижу тоже. И вот тут-то как раз отмечаю очередную странность, как будто их было недостаточно за весь этот странный вечер. Я даже оборачиваюсь, чтобы проверить... и убедиться в том, что зеркальная копия Марии ничем не отличается от оригинала.

Не знаю, чем объяснить себе сей феномен. Разве что, рожая ведьма скачала «скин» этой игрушки для своего реального персонажа... Либо это какой-то фокус или наваждение. В общем, зеркало транслирует Марию без изменений, будто признавая, что предел у совершенства всё же есть. Я же, в том же зеркале вижу залакированный образ, которым кормлю почти две тысячи своих инстаграм⁸-фоловеров. Для подписчиков я такая же уверенная, местами дерзкая, с безупречной кожей и отрепетированным томным взглядом, тогда, как в реальной жизни мне как раз не хватает этого лоска, тихого сияния успеха, которое иногда удаётся имитировать в социальных сетях. И мне всегда было интересно, есть ли кто-то, кому не нужно ничего имитировать. Теперь вижу — есть.

— И как это работает? — спрашиваю я. — Искусственный интеллект?

⁸ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

— Это зависит от того, во что ты веришь, Слава.

— Как это? — скептически приподнимаю бровь.

— Если искусственный интеллект кажется тебе продуктивнее твоего собственного, то эффект, который ты сейчас наблюдаешь в зеркале им и ограничится. Зеркалом — я имею в виду. Ты же не сомневаешься в реальности этой комнаты и того, что ты в ней находишься, так?

— Ну, допустим...

Смотрю в зеркало на наше отражение, правым плечом ощущаю близость Марии. Даже слышу её дыхание и парфюм. Сомнений в реальности всего этого у меня нет, несмотря на странность происходящего и мой профессиональный интерес к нему только растёт. Я уже не хочу домой, нет. Я же лопну, если не узнаю, на что меня тут искушают. И смогу ли я устоять, зная правила игры?

— Слушай, — выдыхает рыжая у меня над ухом, — пойдем, поедим, а? Что-то я проголодалась!

— А который час? — я внезапно понимаю, что совершенно потеряла счёт времени. Кажется, что вся ночь прошла...

— Не поздно ещё, — она смотрит на часы, — три минуты первого. Тут не далеко. А за ужином пообщаемся...

Я киваю глядя в зеркало. Предложение, которое не подразумевает отказа, сложно не принять. Тем более, что я тоже хочу есть. Дома меня никто не ждёт. Да и праздник же, всё-таки.

— С женским днём, кстати, — говорю я, оборачиваясь в

поисках одежды и встречаюсь нос к носу с рыжей. Она на секунду замирает, я тоже не шевелюсь и стараюсь дышать чуть медленнее, когда её пальцы касаются моего плеча.

— Ну вот в этом платье и иди. — Мария отрывает бирку с бретельки и подмигивает. — Считай, это мой подарок...

Глава 9. Cunt power

Обычно, Международный женский день не радует меня контентом. Не знаю, может, что-то не так с восьмым домом в моей натальной карте, но, так сложилось, что все мои кавалеры имеют свойство случайно растворяться накануне праздников и неожиданно возникать, когда я с деньгами. У Алки почти аналогичная история, только её мужики на праздники случайно оказываются женаты.

Когда случайность приобрела системный порядок, мы решили игнорировать и эту дату, и всеобщий ажиотаж по её поводу. В этом году я вообще намеревалась отключить телефон и, не вставая с постели, смотреть «Sex and the City» — все сезоны. Но вот, не успел праздник толком наступить, а я уже в новом платье, на шпильках шагаю в ресторан.

Мария была права, «Берлиоз», действительно, находится всего в десяти минутах пешей прогулки по ночным Патрикам. Замерзнуть не успеваю — пальто на мне хоть и тонкое, но из дорогой шерсти. Правда, под подол проникает сырой мартовский воздух, лижет холодом голые ноги при каждом движении и кусает соски.

Moscow never sleeps! Это точно. Людей на улице может быть чуть меньше, чем в новогоднюю ночь. Пока я семеню на каблуках по скользким тротуарам, Мария уверено цока-

ет впереди, упакованная в кожаный тренч с высоким воротом. Встречные парни — все до единого, реагируют на неё, потом по остаточному принципу внимание достается и мне. Приглашают познакомиться или молча сворачивают шеи. Из проезжающей тачки сквозь кальянный рэп нас атакуют эпитетами: «Бомба!», «Пушка!». Всё, как в рилсах про бульвары...

От вайба сводит скулы. За несколько минут пути я получаю комплиментов больше, чем за неделю в тиндере. Это и заводит и заставляет задуматься над своим поведением. Может, я слишком виляю бедрами?

«Берлиоз» — заведение для самых отпетых снобов. Вход только по клубным картам. И даже если бы она мне с неба в руки упала, я бы никогда сюда по доброй воле не пришла — избегаю локаций, где концентрация пафоса для меня токсична. Тем не менее, я следую за Марией, как на веревочке, ныряю на свой риск в параллельный мир.

В лобби её встречают как лицо уважаемое и хорошо здесь знакомое, но и на меня смотрят с не меньшим почтением, принимая пальто. А без него я чувствую себя голой и уязвимой, поскольку это платье совершенно ничего не скрывает — скорее предательски обличает мою наготу и мандраж.

— Впервые здесь? — бросает Мария через плечо, когда мы подходим к лестнице, ведущей наверх к источнику музыки.

— Да, сегодня у меня вечер открытий.

— Это же здорово! — смеётся рыжая, — новое вдохновляет. Сколько тебе? Тридцать пять?

— Тридцать восемь... будет через месяц...

— Ну, самое время попробовать павлиньи мозги.

Уточнить, правильно ли я поняла название блюда, не успеваю. Вопрос застревает в связках, когда я невольно натыкаюсь на идущую впереди Марию.

— О, Макс! Как неожиданно...

Поднимаю взгляд. Навстречу нам спускается мужик, одинаково похожий и на цыганского наркобарона и на сицилийского. Лет тридцать пять на вид. Высокий, смуглый, кареглазый, губастый с запущенной щетиной брюнет, весь в чёрном и золоте. Мой типаж. От таких у меня мелко дрожат колени и сводит в солнечном сплетении. Специалисты утверждают — это гормон стресса, первый признак того, что надо бежать без оглядки. А у меня ноги прирастают к полу. Едва удерживаю челюсть на месте и замечаю рядом с ним девушку. Очень красивую, подстать цыгану, но какую-то напуганную, что ли. Оно и понятно. Этот мачо — тестостерон и адреналин в одном флаконе — взрывная смесь.

— Добрый вечер, дамы, — брутал принужденно кивает нам, скользя безразличным взглядом. — Мария, как всегда... прекрасна...

У мужика надменно дёргается ус. В этот момент мы с незнакомкой обмениваемся взглядами. Думаю, мы обе чувствуем себя лишними на этой лестнице. Будто оказались слу-

чайными свидетельницами сцены, не входившей в программу вечера.

— Макс, неужели это она? — Мария с интересом рассматривает спутницу цыгана. — Софья, кажется... Когда в ту-совке прошёл слух, что ты женился, я не поверила. А сейчас вижу... Я бы такой брильянт тоже не упустила бы. Не представишь?

Сморяю то на мужика, то на Марию, то на девушку. Она, похоже, тоже мало что понимает. Ясно одно — эту встречу её Макса и «моей» Марии нельзя назвать тёплой. Атмосфера накалена так, что кажется ещё одна искра, одно слово — и будет взрыв. Не знаю, о чём думает спутница мужика, но я бы, на её месте задумалась. Такое напряжение из ничего не возникает. Хотя, была б я на её месте, разве ж я, вообще, о чем-то задумывалась?

— Ты, вроде, по яйцам, если не ошибаюсь? — ухмыляется цыган.

— Да, верно, — мурлычет Мария, — только яйца я коллекционирую. А брильянты ношу. Не наоборот, Макс.

Тут внезапно Мистер Бомбастик обращает на меня своё драгоценное внимание, от которого мгновенно бросает в жар и сразу в холод. Потом делает шаг вперед, нависая над нами, наклоняется ближе к Марии и приглушенно с жаром говорит:

— Вот и носи на здоровье. А к моей жене свои "фаберже" не подкатывай.

Он резко отстраняется и меня невольно затягивает в воронку мужского парфюма, который мой нос определяет как эксклюзивно-волнующий. Приходится куснуть себя за язык, чтобы вернуться в сознание. Я честно не верила, что в Москве есть такие кадры. Никогда таких не видела! С другой стороны, я ж ведь и в «Берлиозе» впервые. Вдруг, они все здесь и обитают?

— Доброй ночи, дамы, — цедит брутал, берёт свою брюнетку за руку и увлекает вниз по ступенькам к лобби.

Мария еще какое-то время смотрит им вслед, а я наблюдаю за ней, пытаюсь угадать по выражению лица её мысли. Почти безрезультатно. Сложно сказать, о чём она думает, глядя на удаляющуюся пару.

— Бедная девочка, — бросает Мария, вздыхая и продолжает путь наверх.

— Почему бедная? — Я трогаюсь следом. — По-моему, она в шоколаде

— Бедная, потому что влюбилась!

— Ну, это и неудивительно, — пожимаю плечами и стараюсь не отстать, — а какая бы девушка на её месте не влюбилась?

— Посвящённая в искусство...

Очень интересно. Последняя фраза повисает в воздухе, поскольку мы входим в широкие двери зала ресторана, пространство которого заполнено звуками живого рояля и негромким гулом голосов посетителей. Их довольно много,

но лиц не разобрать. Здесь отсутствует искусственное освещение. На полу, на рояле, на столах и в специальных углублениях стен из белого камня дрожат в огоньки свечей. Очень много свечей. Их количество вызывает близкие ассоциации с церковной службой, однако общий антураж куда ближе к дьявольской.

Нас ведут к месту: Мария впереди, я на шаг отстаю, чувствую на себе любопытные взгляды и стараюсь избегать их источники. Боюсь запнуться или подвернуть ногу, поэтому тщательно контролирую движения и изо всех сил тяну плечи назад. Вот именно это в ресторанах мне не нравится больше всего: почти никогда не удаётся пройти между рядами так, чтобы не испытывать при этом сковывающей тело неловкости.

Наконец, нас усаживают за маленький стол в укромном месте и я выдыхаю. Девушка-Хостес желает нам приятного вечера, её сменяет благообразный дядька в двубортном жилете и в пенсне (!), который подаёт нам меню в кожаном переплёте. А там меня ждёт новый сюрприз — ничего непонятно. Названия блюд вроде бы на русском, но как-будто они меня троллят.

— Что такое "Экзотическая пиццетта с баобабовыми корками, золотистыми водорослями, розовым перцем из Гималаев и плодами сакиша"? — зачитываю я Марии. — Или вот «Сашими из молодого тунца с голубой горчицей и кремом из маринованного в соевом соусе желтка»? Как это вообще

едят?

— О, дорогая, расслабься, — она улыбается, — я всё беру сама. Но пока я делаю заказ, у меня будет к тебе одна маленькая просьба. Сущий пустяк.

— Эм-м... — что-то в её сладком тоне меня настораживает, но я киваю.

— Сходи, пожалуйста, в дамскую комнату, сними свои трусики и возвращайся сюда, — так же сладко говорит Мария, но смотрит так, что совершенно понятно — она не шутит.

На всякий случай решаюсь уточнить:

— Это что — розыгрыш какой-то?

— Сделай, как я тебе говорю, гарантирую, ты не пожалеешь. Считай, это посвящением в моё «искусство». — Она подмигивает мне и почти шепотом добавляет: — Если ты не трусишь, конечно... прости за каламбур.

Оглядываюсь по сторонам. Ресторан — как ресторан, несмотря на всю пафосность и перебор со свечами. Ни намёка на то, что здесь планируется оргия или что-то в этом роде. Прилично одетые люди сидят, едят, пьют, о чем-то тихо беседуют. Им точно нет никакого дела, есть ли на мне нижнее бельё или отсутствует. Просьба, откровенно говоря, не такая уж необычная, но ещё никогда прежде она не исходила от женщины да ещё в публичном месте.

Что ж... вечер давно перестал быть томным. Всё в нем от начала и до сего момента развивалось по всем канонам сю-

ра: чем дальше в лес, тем чудней грибы. Тем не менее, в сумочке у меня конверт с немалыми деньгами, на мне дорогое платье и я в ресторане, куда простым смертным хода нет. Я, конечно, могу сейчас встать и уйти гордой походкой, но... в самом деле, что мне стоит снять трусы? Если никто кроме Марии об этом не узнает. К тому же, ужасно любопытно, как этот акт коррелируется с искусством.

Даю себе пару секунд на благоразумие и встаю из-за стола.

В уборную спускаюсь по ступенькам, словно вырубленным из того же белого камня, что и стены, и потолок. Лестница впереди загибается вправо, отчего возникает смутное, тревожное предчувствие ее бесконечности и с каждым шагом вниз накатывает ощущение дежавю: вроде как я уже однажды по такой шла, но чем все закончилось — не помню. Впрочем, это чувство вполне объяснимо: корневая чакра в который раз намекает, что ожидать из-за угла можно любых сюрпризов. Коучи по позитивному мышлению рекомендуют не сопротивляться, а смело идти судьбе навстречу, мол, по вере нашей нам воздастся. Однако мне ссыкотно. Я не то чтобы боюсь неизвестности, просто так часто ошибалась в вере, что теперь позитивное мышление мне даётся с большим трудом.

Тем не менее, лестница приводит в помещение неопределенной геометрической формы с десятком зеркал по периметру и большим фонтаном в центре. Вопреки опасениям,

никого здесь нет.

Не трата время на разглядывание деталей, необычного для уборной интерьера, толкая ближайшую дверь в стене и оказываюсь непосредственно в клозете со всеми удобствами, с отдельной раковиной и зеркалом в пол. Собственно, на нём я и зависаю сразу же, как вхожу.

Искушающее наваждение никуда не исчезло. Мне даже приходится сильно ущипнуть запястье, хотя и этому акту веры нет. Тут бы в тему был звонок подруге, да телефон давно безнадёжно сел и Гугл недоступен по той же причине. Остается логика, но она никогда не включается, если нужна. Даже если предположить, что разные зеркала в разных помещениях одинаково передают одну и ту же версию меня, то как объяснить сей феномен в отражении карманного зеркальца, которое я ношу в сумочке? Колдовство? Гипноз? Или воздействие на клеточном уровне?

Помню, в студенческие времена один продвинутый в практике расширения сознания одноклассник угостил меня перетертыми в труху мухоморами в надежде выбраться из френд-зоны. Сознание он мне расширил, но не до той степени, на которую рассчитывал. В результате, сначала меня сильно тошнило, потом оживший ковер на стене открыл мне фрактальность Вселенной, а вернувшись из трипа, я обнаружила себя в ванной у зеркала, явившего мне богиню.

Самое невероятное заключалось в том, что внешне я была той же обычной, земной Славой, к которой привыкла, но из-

менилось мое восприятие себя. Будто я видела себя глазами ребенка, способного на безусловную любовь и принятие, и если бы мое отражение в тот момент могло существовать вне зеркала, я бы занялась с ним или с «ней» любовью.

Конечно, мой одноклассник обломался по всем фронтам, ибо моё внимание всецело было занято собственной персоной.

Сейчас у меня аналогичное чувство, только чистое, незамутненное психотропными веществами, если сравнивать его с полученным в юности опытом, оттого моё любопытство к происходящему растёт, несмотря на твёрдую уверенность в том, что на этот раз за аттракцион мне выкатят счёт.

Что ж...

Делаю так, как велела Мария: снимаю трусы, стараясь не анализировать действия, запихиваю их в сумочку. Разглаживаю на себе шёлк, хотя в том и нет нужды — сидит платье великолепно, словно вторая кожа; ещё раз бросаю взгляд в зеркало и выхожу. В комнате с фонтаном по прежнему никого и это очень хорошо, поскольку, судя по всему, уборная в «Берлиозе» без гендерных ограничений и чтобы избежать нежелательных столкновений, решаю не задерживаться, обделяя вниманием все остальные зеркала. Скорее всего, дело не в них.

Обратный путь кажется труднее, ступеньки выше, а туфли тяжелее. Приходится даже остановиться в конце лестницы, чтобы отдышаться и заставить сердце биться реже и не так

громко. Кое-как справляюсь с задачей и иду к столику, где меня ждет Мария и два пузатых бокала с водой.

— Ну, как ощущения? — подмигивает Мария, когда я сажусь на место.

— У меня много вопросов, — предупреждаю я серьезно.

— С удовольствием отвечу на все. Но не сразу.

Она делает едва заметный кивок кому-то позади меня и через мгновение рядом появляется тот джентельмен в пенсне с большим медным блюдом. Почтенно склонившись, он подаёт это блюдо буквально к моему носу и замирает в ожидании каких-то моих действий. Я смотрю на пустой поднос, на мужика, снова на поднос и на Марию.

— Позвольте ваш лот? — вежливо просит метр.

— Э... — хлопаю ресницами.

Мария, видя мое недоумение, прикрывает ладошкой уголок рта и беззвучно подсказывает:

— Труссы...

Понимаю, что любой уточняющий вопрос сразу выдаст во мне чужую и надо делать выбор прямо сейчас, не то платье превратится в паль у всех на виду.

Пол качается под креслом. За долю секунды я вижу весь дальнейший ход событий, где я с гордо поднятой жопой и тремя штуками евро в конверте покидаю ресторан, забираю в лобби пальто и... выхожу в ночь ловить такси. Март, холод, слякоть, Патрики, севший телефон. Красота. Я осознаю всё, кроме момента, когда принимаю решение играть дальше и,

достав из сумочки требуемый предмет, кладу его на блюдо.

Мужик снова кланяется, сверкая стёклами пенсне, и уносит мои трусы в неизвестном направлении. Даже не хочу думать об их судьбе. Всё похоже на сон, и, видимо, так ко всему и нужно относиться.

Мария сияет. Конечно, она в очередной раз убедилась в силе своего влияния на самого прожженного скептика, внезапно проявившего высокую скорость приятия решений, что для любого манипулятора — главное доказательство мастерства. Она торжественно поднимает свой бокал и делает глоток, я следую её примеру, чтобы хоть как-то остудить стыд, обжигающий щёки и уши.

— Ты кажется, что-то хотела спросить? — лукаво улыбается рыжая.

Издевается, стерва. Меня разрывает от вопросов, но в данный момент я хочу знать, что за цирк происходит и почему я в нём участвую.

— Что за прикол с трусами? Их здесь берут под залог оплаты за ужин? С тебя тоже сняли?

Мария тихо смеётся. Видимо, её забавляет моя растерянность и попытки скрыть это за сарказмом. Но она не спешит с ответом, может, специально тянет время, а может, потому что парень-официант принёс еду.

— Серву де пон с трюфельным кремом в мандариновой глазури, — картаво проговаривает юноша и ставит передо мной большую тарелку. В её центре что-то похожее

на небольшой изысканный десерт: шарик сливочно-белого цвета, политый ярко-оранжевым топпингом на подушке из розовой пены, украшенный тончайшим съедобным кружевом, напоминающим хвост павлина. У Марии точно такое же блюдо.

— Мороженое? — спрашиваю я.

— Нет. Серву де пон — это павлиньи мозги. Их подают только здесь и ещё в трёх ресторанах Старой Европы. Блюдо легендарное, можно сказать, мифическое, с древней историей, почти как яблоко познания. Тебе страшно повезло, дорогая...

— Сомнительное утверждение, — жму плечами. — Мне как-то жалко бедных птичек...

— Советую не думать об этом. Поверь мне, жалость — не лучшая приправа к удовольствию.

Она лукаво подмигивает и безупречно-отточенным движением цепляет небольшой кусочек белого шарика на вилку и отправляет в рот. Я делаю то же самое. На вкус ничего общего с десертом. Ничего общего с чем-либо, что я до этого ела. Нежная тёплая текстура мгновенно тает на языке, распадаясь на элементы. Я ощущаю их по отдельности и всё вместе каждым рецептором и в самый последний момент, когда во рту ничего не остаётся, вкус финальным аккордом поднимается прямо в мозг. Невероятно! Я беру на вилку ещё кусочек и всё повторяется снова.

— Вообще, к этому блюду подают Шато Дикем года эдак

восемьдесят восьмого или даже шестьдесят четвертого... Но тебе алкоголь сегодня уже нельзя — уснёшь не дойдя до кровати.

Я честно съедаю всё, даже хвост — когда я ещё такое попробую? Мария ест не так увлеченно, ей, похоже больше нравится наблюдать за мной и за обстановкой в зале. Несколько раз я замечаю её кивки и улыбки, адресованные кому-то из гостей ресторана и даже не пытаюсь вникать с кем она невербально взаимодействует. Бесполезно. Во-первых, я вряд ли кого-то увижу без очков в довольно специфическом освещении, во-вторых, сомневаюсь, что я кого-то здесь узнаю. Вместо этого, я взглядом посылаю ей сигнал, что жду обещанного ответа, изображаю нетерпение, слегка постукивая маникюром по столу.

— Так вот, трусы... — она делает вид, что вспомнила предмет разговора, от которого нас отвлекла трапеза. — На французском звучит намного приятнее. Слип (slip, фр.). Миленько, правда? Вот за что люблю французский, что ни скажи — всё красиво. И да... тот, кто превратил этот лоскуток в инструмент соблазнения, дал женщинам ключик почти от всех мужчин...

Подошедший не вовремя официант забирает посуду, так что ей приходится прервать предисловие. Следом появляется «метр», тихо интересуется: не желаем ли мы десерты. Не слышу, что говорит Мария, её ответ тонет в звуках рояля и гомоне посетителей. Я же стараюсь не отвечивать, будто ме-

ня вообще нет — не хочу привлекать внимание джентельмена, у которого номинально в заложниках пикантная деталь моего туалета и который в курсе моего маленького секрета. Как только думаю об этом, щёки начинают гореть с новой силой. Наконец, когда он удаляется, я выдыхаю, делаю большой глоток воды и снова готова слушать.

— Какими бы крутыми они не казались, какими бы успешными, властными не были, все они абсолютно уязвимы перед собственными тайными слабостями и тенями.

Движения Марии будто сглажены, жесты едва уловимы, чарующая плавность их завораживает и побуждает подражать. Требуется даже некоторое усилие, чтобы вовремя поймать себя на желании скопировать её позу и не выдать тем самым свою вовлеченность. Почему-то я не хочу, чтобы Мария знала, какой эффект на меня производит её магнетизм. Конечно, она угадывает моё сопротивление и, кажется, её это забавляет. Улыбка становится откровеннее, глаза азартно блестят. Мария подается ближе, так, что мне открывается вся глубина её декольте, и пальцем манит сделать то же самое.

— И ты не поверишь, дорогая, — шепчет она, когда мы зависаем над столом нос к носу, — есть среди мужчин такие извращенцы, что готовы платить бешеные деньги за свежие снятые с красивой женщины трусы.

— В смысле... — Я непроизвольно моргаю. — За предмет или за процедуру?

Вместо ответа, Мария поднимает взгляд и махнув кому-то за моей спиной, удовлетворённо откидывается на спинку кресла.

— Сейчас узнаешь. Только прежде, должна напомнить тебе про документ, который ты подписала. На происходящее здесь его условия распространяются тоже.

Повинуясь импульсу, оглядываюсь по сторонам. В поле моего зрения никого, кто мог бы хоть как-то объяснить, что здесь происходит. Я уже готова озвучить этот острый вопрос, но меня обрывает голос справа.

— Дамы и господа!

Не хочу в это верить, хотя чего-то такого и надо было ожидать: у рояля стоит тот самый в пенсне с моими стрингами на подносе, а взгляды всех посетителей обращены к нему. Видимо, мой позор выходит на новый уровень.

— Рад представить лот от очаровательной брюнетки за седьмым столиком! — продолжает он и тапёр исполняет знакомую отбивку из какой-то популярный телеигры.

Объявление джентельмена заметно оживляет зал, слышны одобрительные возгласы и хлопки.

Никогда ещё я не испытывала такой жгучей потребности провалиться сквозь пол! Любопытные взгляды решают меня со всех сторон. Некоторые откровенно оценивающие и от них у меня вспыхивает кожа, мокнут подмышки и зашкаливает пульс. Плешивый дядька за соседним столиком салютует мне стаканом с виски. Его спутники белозубо щерятся. Я

хватаю бокал с водой и, с трудом сдерживая нервную дрожь, пытаюсь совершить пару глотков. Спазм в горле делает эту задачу почти невозможной. Да и «поздно пить Боржоми»...

Сморю поверх бокала на Марию.

Я жажду ответов, но подозреваю, что ни один уже не поможет. Став персонажем какой-то её игры, могу только наблюдать, без шансов угадать следующий ход.

— Это cunt power*, детка! — говорит Мария, глядя мне в глаза и видя в них недоумение, продолжает: — Хочешь знать, какую власть имеет пизда в патриархальном мире — смотри!

*(*Понятие "cunt power" олицетворяет феминистскую идею, связанную с женской сексуальностью и телом. Этот термин часто используется для выражения идей равенства, противостояния патриархату, сексуальной свободы и реабилитации слова "cunt", которое традиционно считалось оскорбительным.)*

Глава 10. Аукцион, который моя мама не одобрила бы

— Десять тысяч — раз, десять тысяч — два, десять тысяч — три! Продано! И кружево прекрасной дамы становится собственностью нашего постоянного игрока, истинно-го ценителя и пристрастного коллекционера. Десять тысяч в американкой валюте отправляются очаровательной брюнетке. Давайте поддержим нашу гостью аплодисментами, она, похоже, не верит своей удаче!

Зал взрывается хохотом и хлопками. Плешивый за соседним столиком сверкает винирами и подмигивает мне, чрезвычайно довольный аукционом. Последние минут двадцать, пока я горела в гротескном аду, он ожесточенно сражался за моё «кружево» с другими благородными рыцарями московской богемы. А сейчас его друзья галдят, поздравляют с приобретением, то и дело оборачиваясь, вероятно, чтобы я не расслаблялась и продолжала ощущать всепоглощающий кринж.

Я не знаю, как реагировать. В чатах обычно выражают подобное замешательство эмодзи с выпученными глазами. А у меня — тупой ступор, спутанность чувств и мыслей на грани комы. Скорее всего, реагировать как-либо мешает шок, который льдом сцепил нервы. Я осознаю только желание за-

душить сучку и сразу же проснуться, но этому препятствуют те же физические причины.

С вызовом смотрю в карие глаза Марии, вложив во взгляд непереводимое в цензурные слова выражение. Она, кажется, совсем не против его услышать, но мизансцена меняется: под зажигательный знакомый мотив здоровенный парень-официант торжественно несёт нам искрящуюся бенгальским огнём бутылку. На некоторое время всё за пределами нашего столика меркнет. Искры с шипением рассыпаются между мной и Марией, пока мы смотрим друг на друга сквозь них и пока официант наполняет бокалы розовым игристым

— Я думаю, это можно отметить! — говорит она, поднимая бокал.

Заставляю себя сделать то же самое только чтобы не показывать уровень ахуя от происходящего. Даже получается немного растянуть губы в подобие улыбки, поскольку парень явно ждет одобрения вина. Я слышала, что в приличных ресторанах так положено по этикету. Приходится пригубить шипучки и удовлетворительно покивать официанту, хотя шампанское и правда — вкусное.

— Кэш, — говорит Мария, ресницами указывая на стол, когда мы остаёмся тет-а-тет. — Клади в сумочку и широко улыбайся.

Что-то в её тоне и в самих словах звучит такое, с чем при всем настроении не хочется спорить. Я хватаю пачку свеженьких, приятной зелени, банкнот и ещё усерднее тяну гу-

бы.

— Теперь встаёшь и идёшь с ней в туалет. Дорогу знаешь. Я прикрою.

Короткие указания сложно игнорировать, даже при желании послать рыжую к чертям. Тем более, что деньги-то я цапнула сразу, не задумываясь о моральных аспектах, а сейчас почему-то мешкаю. Хотя, пока толстосумы терзали мои трусы на торгах, я несколько раз порывалась к побегу. Останавливалось, наверное, только любопытство, чуть-чуть азарт и слабая надежда, что мне это снится.

— Нет, конечно, если ты хочешь поближе познакомиться с Соколовским и его друзьями, можешь остаться...

Я не хочу здесь оставаться. Скорее, я бы предпочла никогда здесь не появляться. Но, поскольку фарш невозможно повернуть назад и «Аннушка уже разлила масло», я должна радоваться любой возможности избежать продолжения моего позора. Путь даже для этого мне опять нужно подчиняться Марии.

Прижимаю к ребрам заметно располневшую сумочку, стараюсь двигаться не как ужаленный в зад павиан, а как алчная сука, одни трусы которой стоят десять американских косаблей. Не знаю, получается у меня или нет — Марии сзади виднее. Она чуть отстаёт, то ли специально, то ли потому что я не могу идти медленнее. Но на лестнице она догоняет меня и смеётся почти в затылок:

— Туфельку не потеряй, Золушка!

Я сильнее сжимаю челюсти, чтобы не прыснуть. Ситуация, и впрямь, до смешного абсурдная — даже злость на Марию почти прошла. Представляю этого дядьку с моими трусами в кармане, верхом на коне, в моей квартире: он встает на одно колено и жестом, каким обычно принцы делают предложение, подаёт мне те самые трусы. Смех и грех, как говорила моя бабушка.

— Не дождёшься, тётя фея! — я смеюсь в ответ.

Правда, веселье быстро вянет. Доходит, что белая комната с фонтаном — это, по сути, тупик, из которого выход — он же вход, или придётся уходить через канализацию. Но сразу за углом нас встречает официант, который обслуживал наш столик. У него в руках моё пальто и тренч Марии.

Ныряю в родной кашемир, словно в мамины объятия. Даже на мгновение забываю про боль в ступнях от тесных туфель. Парень, однако, подходит к одному из зеркал на стене и открывает его, как дверь. Ах, вот оно что! Чёрный ход! Молча, без единой эмоции на лице, он жестом шлёт нас в тёмный прямоугольник прохода, с выученной почтенностью склоняя русую голову. Похоже, провожать таким образом некоторых посетителей «Берлиоза» ему не привыкать.

Мария мурчит что-то парню и, вложив в его ладонь банкноту, шагает в проём. Я за ней. Как только за нами закрывается зеркальная дверь, под потолком вздрагивают тусклые диоды, стены эхом множат наши звонкие шаги. Коридор не длинный и всего через мгновение мы оказываемся где-то во

внутренних дворах Богословского переулка.

В первый момент воздух самовольно, с избытком проникает в лёгкие, и кажется мне не по-столичному свежим. Голова хоть и кружится, но ощущаю я полную ясность ума... ну, может не полную и не совсем ясность, по крайней мере, отличить явь от сна он способен. И пусть я не до конца понимаю, как ко всему этому относиться и что делать дальше: поблагодарить Марию за необычный вечер и гордо сообщить, что я «не такая» — я ведь почти уверена, к чему был весь этот эмоциональный пикап-квест. Но тогда придется отдать деньги, а я к ним как-то прикипела. Или пусть объясняет, по каким критериям она определила меня на роль в своём спектакле и в чём её личный интерес...

— Ну, прыгай в машину, пока она в тыкву не превратилась! — зовет Мария из черного Майбаха.

Кутаюсь в пальто, сажусь. Коротко стриженный детина закрывает за мной дверь, как только я удобно устраиваюсь на заднем сидении, идет на водительское.

— Ты где живешь? — спрашивает рыжая.

— В Чертанове.

Водитель присвистывает.

— Ничего, Гриша, без пробок быстро доедем. К тому же, у Славы вопросы накопились.

— Какое? — гундит Гриша.

— Север.

Машина беззвучно трогается. Свет ночной Москвы за-

глушают густо-тонируемые стёкла и снаружи, в тёплый, ароматный салон совсем не проникает шум бульваров. Чувствую, что постепенно оттаиваю и в прямом и в переносном или это запах денег так успокаивает.

— Ты, кажется, что-то хотела спросить?

— Хотела, — киваю, — но я боюсь, что у меня не хватит приличных слов, чтобы сформулировать вопрос.

Мария слегка улыбается, жмёт одну из кнопок на подлокотнике и глянцевая изолирующая панель быстро отгораживает нас от бритого Гришиного затылка.

Едем в тишине пару минут. Казалось бы, условия приватности соблюдены — жги, Слава, а я губы грызу. Становится жарко, я распахиваю полы пальто. Хочется сразу разложить по пунктам все приёмы манипуляций, которые Мария на мне блестяще отработала. Но тогда справедливо будет замечание: если ты такая умная, Слава, почему до сих пор не на её месте? И главный вопрос «что всё это значит?» кажется слишком поверхностным. В общем, я теряюсь и чувствую, как с каждой секундой моя смелость тает вместе с образом сильной и независимой. Конечно, Мария это видит.

— Ладно, — говорит она и тоже чуть разводит полы плаща, — давай я начну. Тем более, что мне уже приходилось давать комментарии и не раз. Правда, ты первая за пять лет, кому они, действительно необходимы.

Это звучит без тени иронии и впервые, наверное за весь вечер у меня нет ощущения, что мне в бок слегка тыкают

указкой. Но мозг, видимо, по инерции опять всё подвергает критической оценке. Почти уверена, что экзамен этот я провалила, раз я единственная, кто ничего не понимает без комментариев Марии.

— Обычно, — продолжает она, — девушки к первой степени посвящения готовы. По крайней мере знают, ради чего участвуют в подобных мероприятиях. Поскольку, каждая из них в своё время подписывала NDA, я рассчитывала на некоторую уникальность результата. Но из раза в раз одна и та же история: уже на данном этапе вижу прожженную тёлку, которая не то что тусы — маму родную продаст за пару тысяч долларов. А мне с такими не интересно, как ты понимаешь.

— Не понимаю, — я пожимаю плечами. — Почему вдруг кто-то должен отвечать твоим интересам? Кто ты такая?

— Мария Фаберже, твой гид в сладкую жизнь, дорогая. Я авторка «Искусства лёгких касаний»...

— Хм, интересно, звучит прикольно. Сама придумала или Виктор Олегович подсказал?

Глаза у моей визави сухо вспыхивают синим, но, скорее, это просто отражение неоновой змейки подсветки салона. Откинув голову на спинку сидения, она их прикрывает и тихо смеётся:

— Ты не поверишь, но всё как раз наоборот...

— Не поверю, что бы это не значило. Я вообще не могу верить человеку, который за один вечер высадил в меня всю

стандартную обойму пикапера. Пусть даже этот человек — женщина.

Мария уже не смеётся и смотрит на меня немного виновато даже. Как на младшую сестру, которой пришлось врать родителям, чтобы прикрыть её грешки.

— Ну, собственно, в этом и состоит смысл моего предложения, которое я намерена тебе сделать.

— То есть, это ещё не всё?

Она кивает, достает из сумочки электронный мундштук и, затянувшись, выдыхает дымом в потолок:

— Моё «искусство» — это не какой-то там курс по прокачке женственности, как ты могла бы подумать.

— Я больше склонялась к версии курса для содержанок, если честно...

— И в каком-то общем, очень примитивном смысле, ты была бы права. Но это касается той части, что находится на поверхности. Верхушка айсберга. В узком понимании — это инструкция, как избавиться от вирусной программы, навязанной нам патриархатом и практическое руководство по использованию его маховых законов в своих целях.

— Это вроде феминизм называется, нет?

Мария морщит носик, оставаясь безупречной и это портит мне настроение. Похоже, она даже межбровку не колола?

— Ох не люблю я всю эту терминологию — она только всё больше запутывает, — снова дымит вишневым, — феминистки пусть выступают за права вкалывать наравне

с мужчинами. Всё, чего они добились за последние годы у нас в стране теперь называют порочной практикой, главными скрепами стали гомофобия и многодетность, а выходки отдельных радикалок опустили общественное понимание феминизма до борьбы вагин против членов. По этой логике, пчёлам же больше нечем заняться, как выступать против мёда. Ну, упрощать всё, в чём надо глубоко разбираться для патриархата как раз свойственно. Но и женщины, знаешь ли, в большинстве не сильно лучше разбираются в течении. В их представлении феминистки — это агрессивно-бодипозитивные бабы, которые не бреют подмышки, игнорируют знаки внимания и обращение без феминитивов. Если собрать все заблуждения в один образ, получается как раз тот Франкенштейн, который и выдаёт себя за феминизм. Хотя я терпеть этот «изм» не могу. Звучит, как извращение.

— Ну, а как тогда это называть? Как вы себя сами называете?

— По-разному. Зависит от настроения и фазы цикла. В глубоком смысле это наша «Фемософия». Для эмоционального погружения в вопрос мы иногда используем понятия «культ» или «ковен». Многие вагины общества уверены, что в средние века нас сжигали не за связь с дьяволом, а за свободомыслие, сексуальность и стремление к удовольствию...

— Многие кто? — мне показалось или она сказала «вагины»?

Рыжая сияет.

— Ты правильно услышала. «Вагина» здесь как антитеза к «члену». Но это больше к нашему корпоративному юмору относится, чем к сути. — Она снова затягивается, и продолжает приглушённым голосом: — Мы здесь с тобой, дорогая, не играем в игры. Мы открыты. Нам не нужно соблазнять друг друга, флиртовать, соревноваться. Мы — дочери одной праматери. Раньше мы сбивались в колены, водили голые хороводы и плели венки. Теперь мы умнее и научились маскировать наши шабаши под светские мероприятия. Мы не надеваем на эти встречи белья. Это ритуал, дань традиции. Ну или практика, которая раскрепощает... освобождает нашу глубинную сексуальность. Кому как приятнее думать.

Теперь понятны намёки лысой девушки из уборной особняка. А я-то ломала голову, чего вдруг всех так взволновал мой наряд, а оказывается он — не по уставу. Хорошо, что хоть на этот вопрос нашёлся ответ, а то пока по-прежнему все очень туманно.

— И что ты мне предлагаешь? Революционную ячейку возглавить в Чертаново?

Марии моя острота нравится. Она смеётся и качает головой:

— Осознание бессмысленности борьбы, как ни странно, ведёт к выходу из тупика. Мы ничего не можем переломить или отвоевать, кроме как взять крепче в свои нежные руки рычаги власти, представленные у мужчин половым органом и, возможно, только так мы сможем осуществить культурный

разворот цивилизации. Но делать это можно только зная кто мы.

— Ну я знаю кто я, а что толку? Всё равно повелась, как сегодня, например.

— Это потому, что ты не видела во мне угрозу. Происходящее для тебя было странным и местами шокирующим, но телом ты мне доверяла. Разве нет?

С этим сложно спорить. Действительно, испытывая бурю эмоций, в том числе не самых приятных, вплоть до потери ориентации в пространстве, мне не было страшно ни разу. Я была уверена в Марии как в надежном проводнике, который не даст заблудиться.

— Окей, — я зеваю, спать хочется жутко и силы продолжать диалог быстро иссякают, — какой твой личный интерес в моём посвящении в это ваше искусство?

Мария бросает взгляд в чёрное окно, потом жмёт одну из кнопок на подлокотнике.

— Гриш, долго ещё? — интересуется она у водителя за ширмой.

— Минут десять, — отвечает бас из динамика.

— Ладно, давай к сути. Лично я на твоём посвящении не настаиваю. Это должно быть твоё искреннее желание, иначе ничего не получится. Но предлагаю тебе сыграть эту роль.

— К-какую... — опять зеваю до брызг из глаз, — роль?

— Роль победительницы лотереи. Моей подопечной. Не хочешь посвящения — не будет, но для отчетности нуж-

но создать видимость. Сделать пару фотосессий, посетить несколько мероприятий, интервью. Всего месяц. И не бесплатно, конечно же.

Вот этот последний пункт перевешивает чашу с ленью. Даже тепло становится от мыслей о деньгах. В неге прикрываю веки, мысленно пересчитывая иностранные бумажки, почти осязая их приятную шершавость.

— Сколько? — вяло интересуюсь, не в силах открыть глаза.

— Не бойся... — приятно шепчет Мария у самого моего уха. — Не обижу...

Жу... Жу... Жу... Мне, вдруг, становится совсем легко и спокойно. Жужжащее эхо обещания подхватывает меня и несёт в сон, с которым невозможно бороться. «Я же не сказала адрес!» — чиркает сознание последней искрой и тут же навсегда гаснет в полной тьме...

Глава 11. Женский день

(Суббота, 8 марта)

Жу... жу... жу... Назойливый звук упрямо пробивается сквозь сон. Будто муха после зимней спячки с ленивой обреченностью бьётся в оконное стекло. Правда, жужжит как-то слишком ритмично для живого организма. И где-то совсем рядом с ухом. Я мгновенно осознаю, что у меня есть ухо и даже два, и оба они на голове, которая давно ноет.

Чтобы разлепить ресницы, склеенные тушью, требуется некоторое усилие. Вот, что значит — уснуть, не дойдя до души. Плохой знак, предвещающий пытку фидбэками с приступами стыда и обещаниями самой себе никогда, никогда больше не посещать никаких тус.

На экране айфона 18:19, девять пропущенных от мамы, включая последний жужжащий, пять от Алки и ещё пара с незнакомых номеров. Мессенджер переполнен, на WhatsApp взбухла блямба из шестнадцати уведомлений. Цифра не то, чтобы пугающая — бывало и больше, просто страшно не хочется читать и и ещё больше — отвечать. Всегда мечтала проспять восьмой день марта и вот — почти сбылось! Хотя, лучше бы я не просыпалась сегодня.

— Ма, — сиплю в трубку, — привет, не волнуйся просто вчера поздно вернулась и... в общем, проспала...

Отвожу телефон от уха на безопасное расстояние. Знаю,

мама уже обзвонила все морги, раз четыреста похоронила меня и прокляла, наверняка вынесла мозг Алке и выпила пузырёк валерианки, но выслушивать всё это я не хочу. Молча соглашаюсь со всеми её справедливыми замечаниями, обещаю исправиться и отключаюсь.

Приподняв голову над подушкой, оцениваю обстановку: ещё светло, хотя в окнах уже густеет мартовский вечер. На спинке кресла в углу аккуратно свёрнутое пальто не вписывается в беспорядок, оставленный мной накануне, значит — снимала я его не сама, как и разувалась. Лодочки от Джимми Чу, как две Тоси на танцах, робко жмутся друг к другу кожаными бортами рядом с креслом. Значит и до кровати я дошла не своими ногами. Иначе, и туфли и пальто остались бы в прихожей: валяться на полу или аккуратно занимать свои привычные места в шкафу — это всегда зависит от состояния хозяйки.

Сумка! Деньги! Эта мысль, как никакая другая, заставляет меня окончательно проснуться и принять горизонтальное положение. Ощупываю себя зачем-то, хотя и так вижу, что на мне то самое платье из сна, выходит — всё было реально: Мария, конкурс, зеркало и аукцион позора, который я переживу только если обнаружу в сумочке иностранную валюту.

Подползаю к креслу, где прикрытая лапами пальто, спряталась очень, очень качественная реплика от YSL и уже по припухлым её бочкам понимаю — деньги есть. Внутри конверт с тремя тысячами евро и пачка стодолларовых купюр,

обхваченная бандерольной лентой. "Не факт, что настоящие" — мелькает мысль, но я её отгоняю. Зачем портить себе остаток дня, когда он только начался?!

По пути в ванную читаю сообщения от Бараша (так у меня в телефоне записана Алка). В первом подруга информирует, что международный женский праздник достал её ещё вчера и шлёт в знак протеста открытку с восьмёркой из оторванных ушей Чебурашки. Затем пишет, что не дозвонилась до меня, интересуется моими планами, а на самом деле — прощупывает почву, потому что, как бы она не топила против навязанных социумом шаблонов, а все равно стремится им следовать и я у неё — тот самый человек, который часто заполняет пустоту, образовавшуюся на месте мужчины.

"Ты была на ивенте у Фаберже?" — интересуется Барнина утром около одиннадцати. — "Как проснёшься — напиши".

"Славка, тебя мама потеряла, твой абонент не абонент. У тебя всё ок?"

"Гагарина, отзовись!"

Остальные сообщения от неё в том же духе. Последнее аудио пришло полчаса назад:

— Гагарина, из-за того, что ты как сквозь землю провалилась, я на нервяке согласилась встретиться с типом из Тиндера! Он уже такси мне вызвал, выезжаю. Мне срочно нужно выпить за твое здоровье. Надеюсь, ты трахаешься и не можешь ответить на звонки. Всё, чао!

Пока её голос звучит из динамика смотрю в зеркало. Что

и требовалось доказать — магия ночи растворилась с первыми лучами солнца, вернув моему лицу все врожденные и приобретённые несовершенства, тени и возрастные зарубки. Закончилось действие препарата, который, видимо, сглаживал реакции, приукрашивая действительность. The end. Not to be continued. Вернулась Слава, которую я привыкла видеть и, как это часто бывает после ночи безудержного веселья, не одна, а с прыщом на подбородке и двумя мешками под глазами. Не помогает ни умывалка от Шанель, ни три слоя гиалуронки. Это значительно омрачает мне настроение и толкает на поиски всех отражающих поверхностей в квартире. Увы, в каждой мелькает та же физиономия и только в прихожей на зеркальной двери шкафа вижу ещё пару строчек красной помады:

«Понедельник, 13:00,
особняк на м. Бронной»

Это требует осмысления за чашкой кофе.

Выходит так, что мы с Марией до чего-то договорились, только я этого не помню. Последнее, что брезжило в голове перед пробуждением — мы ехали в машине, интеллектуально беседовали о феминизме, потом — провал. Но стоило начать думать о пережитом, как его ключевые фрагменты расцветают всё новыми подробностями. Кадры высвечиваются всё быстрее, накладываясь друг на друга, и в конце концов, соединяются в общую картину, достойную "кина" с Энн Хэтауэй в главной роли — говорят, мы с ней похожи

даже.

Вот интересно было бы посмотреть, как она выпутывается, как распоряжается деньгами и как там сценарист разрешит её спор с Яблочком. С удовольствием доверила бы актрисе пережить все эти эпизоды, а сама поглядывала бы краем глаза и спокойно писала бы, как раньше, посты для инстаграма⁹Кати Варнавы. Я ведь не Энн Хэтауэй только по той причине, что ужасно не люблю прилагать усилия, чтобы принимать удобную кому-то форму.

Совершенно непонятно, как ко всему этому относиться, что делать дальше и даже мысли о деньгах придают любимому кофе кислый привкус. Я же могу хоть завтра взять и осуществить давнюю мечту — свалить хотя бы на месяц из Москвы куда-нибудь на Бали, например. Или даже в Аргентину! Там тепло, океан, достопримечательности и горячие сёрферы. И вот чёрт дёргает меня лезть в интернет и смотреть там не ближайшие рейсы до Буэнос-Айреса, а гуглить эту Машу Фаберже с её искусством в такой нарративной связке: "зеркало, берлиоз, аукцион, трусы". Результат поиска выдаёт кучу всякой рандомной белиберды от маркетплейсов с трусами до аукциона предметов коллекции Фаберже.

Но пара ссылок всё же привлекает моё внимание. По первой находится статья про зеркало Афродиты, которая, якобы, метафорически унаследовала его от своей божественной

⁹ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

прародительницы Иштар. Зеркало в этой статье, кстати, тоже — не совсем зеркало, а скорее сакральное знание об истинной природе женщины и, в общем, дальше следует вся эта дребедень про патриархально-христианский символизм, которая звучала в выступлении Марии.

Но интересной в этой связи оказывается вторая ссылка. Материал в ней рассказывает историю семьи ювелиров Фаберже, знаменитых своими яйцами, и пару занятных, малоизвестных фактов о том, что дяденьки иногда баловались изготовлением на заказ изысканных предметов роскоши, в том числе и зеркал. Этих двух, казалось бы, никак не связанных между собой и весьма сомнительных справок оказалось достаточно для раскрутки моего воображения. Ну и понеслось: вторая чашка кофе и фантазии, которые плодятся в голове, не оставляя в ней ни малейшего места логике. Я уже сомневаюсь, что фокус с зеркалами — "дело рук" вещества, которым меня опоили и вполне допускаю, что Мария знает какой-то секрет или волшебное слово или, может, зеркальное наваждение имеет силу только в пределах садового кольца.

По силе тяги в эту область Буэнос-Айрес, конечно, проигрывает. В конце концов, Аргентина никуда не денется в ближайшее время, а вот второго шанса посмотреть в это зеркало трезвыми глазами может и не быть. Тем более, что у Марии остался мой любимый костюм, а это уважительная причина повременить с путешествием хотя бы до вторника.

Остаток субботы я провожу в вегетативном состоянии. У меня хватает энергии только на то, чтобы организовать себе ванную при свечах и лечь в неё с маской на лице попивая ромашковый чай — то, что я, собственно, и собиралась сделать в свой законный женский вечер. Пока расслабляюсь в ароматной пене, отвечаю на Алкины сообщения, удаляю спам из открыток и поздравлений от обитателей френд-зоны.

Около полуночи подруга пишет, что ужасно рада, что я живая и что сама она невероятно уставшая только вернулась с самого скучного свидания в её жизни. Исключительно по этой причине у неё нет сил донимать меня расспросами куда я пропала и что было на встрече с Машей Фаберже, есть ли какие инсайты и так ли она крута на самом деле, как о ней шепчутся в столице.

Знала б она, как у меня пригорает от желание всё ей рассказать, но дурацкий договор о неразглашении... Я далеко не спец в юридических вопросах и не в курсе, на какой объём полученного мной опыта этот их NDA накладывает вето, но пятой точкой чувствую, что всё серьезно. \$корее всего, про зеркало и аукцион говорить нельзя, а это как раз та самая часть информации, от которой меня распирает.

Поднимаюсь из пены, укутываюсь в халат. Шлёпаю босиком в спальню к ноутбуку. Алке придётся изложить сокращённую версию событий, видимую часть айсберга, так сказать, а скрытую я должна зафиксировать в блокноте иначе — лопну. Я почти десять лет веду заметки, вроде личного

дневника, куда записываю свои мысли по любому значимому поводу, сочиняю маленькие эссе на разные острые темы, коллекционирую интересные выражения. Это разгружает голову и очень помогает в профессиональной сфере. А если поймать вдохновение, может получиться даже рассказ — их у меня около двух десятков накопилось.

Пальцы уже щёлкают по клавиатуре, слова заполняют строчки. Кто знает, Слава, что из этого выйдет в итоге? Может, великий роман, а может — бульварное чтиво...

Глава 12. Приманка для скептиков с критическим мышлением

(Понедельник, 10 марта)

Ещё сутки ползу в том же режиме. В основном горизонтально, хотя ход мыслей представляется серпантинном с крутыми виражами от категоричного «никуда не пойду!» и до робкого «что надеть?». Тщательно взвесив все «за» и «против», решаю, что идти всё-таки надо, хотя бы потому, что мой костюм, оставшийся в заложниках у Марии, нравится мне больше, чем её платье.

Молодец, конечно, рыжая стерва! Прокатила по эмоциональным горкам, вскружив голову лёгким гешефтом и оставила на сорок часов томиться в сомнениях. И ведь не поделишься ни с кем. И дело даже не в бумажке, которую, при желании, можно легко оспорить. Просто в оценке этих событий оба моих самых близких человека, которым я гарантировано могу доверять секреты, будут некомпетентны и местами предвзяты. Мама, давно не даёт советов — поняла, что бесполезно и признаёт, что, сильно отстав от жизни, часто не понимает «куда этот мир катится». Алка будет в шоке. Главным образом, от мысли, что на моём месте могла бы быть она, если бы не отказалась взять билетик. Какой совет она сможет дать? «Решай сама, но я бы рискнула» — скажет. И

я её понимаю — сама бы сказала так же.

Почему-то в своих мечтах мы смелее. Каждый из нас думает, что вот он бы проявил твердую решимость, окажись он в такой же ситуации, а когда однажды встаёт перед выбором — ищет причины не покидать зону комфорта. Потому, что страшно идти с закрытыми глазами.

Опыт — штука уникальная и полезная только для того, кем этот опыт был получен. То есть, чтобы что-то мне советовать, надо быть мною, уже пережившей этот пиздец и извлекающей из него выгоду.

Чувство восхищения Марией соревнуется со злостью на себя. Стыдно, что считая себя акулой в маркетинговых манипуляциях, я с наивностью малька клюнула на её приманку. Но ощущение избранности — самая привлекательная блесна. Мотылёк, когда летит на свет, тоже думает, что свет зовёт его персонально. Вот и я, понимая всю технологию «вербовки», купилась, и теперь мне интересно: почему именно я? Может, она меня стерегла, чтобы облить грязью?

Бред. Чаще всего, жизнь диктует очень скучные правила с таким же набором обязанностей и прав, вместо того чтобы осыпать нас чудесами. И если где-то мелким шрифтом написано, что это опасно, скорее всего, так оно и есть. Ну или, как минимум — бесполезно. Ведь, что такое «шанс» в современном мире? Обман, типичная уловка маркетологов — внушить клиенту, что вот есть исключительный, VIP-продукт, курс или бренд, изумляющий своим содержанием

и ценностью и наделяющий высокой избранностью всех, готовых припасть к нему как к роднику. Даже маркетологов. А когда на тебя этот продукт падает, можно сказать, с неба, сложно не соблазниться, даже если он «ни в пизду, ни в красную армию», как говорил мой дед. Проблема в том, что, если ты торгуешь на рынке картошкой или бананами, а тебе предлагают карьеру модели, то это или урок или шанс — один на миллион: можно жестоко обмануться, а можно взлететь. От тебя ничего не зависит, ты можешь только принять или не принять предложение. Вот, Водянова рискнула, а могла бы остаться на рынке в своём Нижнем.

Пример, конечно, утрированный, но и мне никто не предлагает ничего такого, что могло бы круто изменить мою жизнь. Так, прикинуться шлангом на месяц, поулыбаться в камеру за вознаграждение — это не шанс, а авантюра, которая ничем серьёзным, кроме разочарования не грозит. Про бесплатный сыр в мышеловке я в курсе, но, кажется, это не тот случай.

Опоздав для проформы на пять минут, вхожу в тяжёлые двери особняка на Малой Бронной. Меня встречает строгая сухая дама в очках и деловом костюме, похожая на учительницу английского в элитной школе. Мой подчёркнуто небрежный вид она оценивает таким взглядом, что хочется извиниться и привести примеры образования perfect present. По моим расчётам джинсы, кроссовки, куртка и худи долж-

ны сразу сообщить Марии, что я здесь исключительно потому, что бежала мимо. Но, видимо, или перестаралась, или тут как в лучших домах Лонда Она, к неформальным визитам не привыкли.

Дама смотрит на меня вопросительно подняв нарисованную бровь над оправой.

— Я к Марии... — запинаясь, потому что фамилию произнести почему-то стесняюсь, а отчества я не знаю. — Меня зовут Слава Гагарина, она в курсе.

«Англичанка» делает шаг в сторону, пропуская меня в холл.

— Пойдёмте, я вас провожу, — она поворачивается ко мне стильно стриженным седым затылком и уверенно стучит каблуками по паркету. Я шаркаю следом, украдкой озираясь по сторонам. Дневной свет, бьющий в большие окна придает современному ампиру лёгкое, ненавязчивые сияние роскоши. А я тут в своих кроссовках, действительно, как в лаптях.

Молча минуем витражный зал с изящными колоннами, в котором в пятницу был банкет, так же молча поднимаемся по широкой помпезной лестнице на третий этаж. Где-то там под куполообразным потолком, кажется, звучит музыка, правда, до слуха долетают только её фортепианные фрагменты.

Мы останавливаемся у высокой двери. Дама кивает на бархатный оазис с диваном и двумя креслами в центре холла: — Можете подождать пока здесь. Я сообщу Марии.

Она уходит, но возвращается так быстро, что я не успеваю

ни осмотреться как следует, ни отдышаться.

— Проходите, она ждёт, — говорит женщина, придерживая дверь.

Я благодарю и захожу в знакомый кабинет.

Взгляд сразу же находит Марию. Она сидит за рабочим столом и, увидев меня, откладывает бумаги, которые, видимо, изучала до моего прихода.

— Всё-таки пришла, — констатирует Мария, поднимаясь с места. На ней свободного кроя костюм-тройка, ужасно непрактичного для нашего марта молочного цвета. Хотя, если тебя возят в Майбахах, почему нет? В конце концов, чем больше у тебя денег, тем непрактичнее ты одет.

— А что, были сомнения? — туплю взгляд в носки любимых кроссовок.

— Ну, был процент... очень маленький, что, твой прагматизм победит азарт и любопытство. И я рада, что не ошиблась.

— Ты что — ставки делала?

— Что-то вроде того...

Мария останавливается в двух шагах от меня и внимательно ощупывает взглядом. Если бы так смотрел мужчина, я бы сказала, что он мысленно раздевает. Ощущения в теле при этом абсолютно идентичные: сердце подпрыгивает к горлу, вызывая в нем сухой спазм. И скрыть свои эмоции от такой профессионалки (ох, уж эти феминитивы!), как Мария, конечно же, невозможно.

— Ты не стесняйся, проходи. — Она указывает на диван, на котором я пару дней назад обнаружила себя спящей. — У нас прекрасно топят, можешь снять верхнюю одежду.

— Да, — киваю, — я заметила.

Снимаю куртку, бросаю её на подлокотник дивана и плюхаюсь в него. Мария изящно опускается в кресло напротив. Понимаю, что переигрываю, поэтому сажусь приличнее, стягиваю, наконец, капюшон толстовки и солнечные очки. Хорошо, что я в последний момент отказалась от идеи жевать жвачку, и так уже перебор с буффонадой.

Минуту сморим друг на друга, не моргая.

— Может, хочешь кофе или чай или что-то поинтереснее? — спрашивает она.

— Эмм... а можно просто воды? А то мало ли чего.

Я ожидаю, что рыжая кошкой метнется к столику с напитками, но она не двигается. Ещё минуту играем в гляделки. Наконец, меня отвлекает звук открываемой двери. В кабинет входит «англичанка» с бокалами и импортной бутылкой синего стекла. Ну и сервис!

— Спасибо, Лариса, — говорит Мария.

Дождавшись, когда за Ларисой закроется дверь, решаюсь заговорить первая, только чтобы разгрузить тяжесть визуального контакта:

— У меня сейчас полное ощущение, что я в другом мире, — признаюсь честно.

— И как он тебе?

— Ну... — подбираю слова, глядя в потолок, — чтобы ответить на этот вопрос мне нужно получше его узнать, а я не решила, нужно ли мне это.

— Тебе двух суток не хватило?

— Более того, у меня только вопросов больше стало. А Гугл-поиск не дал никаких убедительных или более-менее внятных результатов. Ничего про твоё искусство, кроме ссылок на повесть одного известного постмодерниста. Тут браво! — в знак уважения я чуть киваю. — Я сначала подумала, что тебе просто не хватило фантазии на название курса, а потом до меня дошло, что это такая мимикрия. Отличная маскировка от хищников из налоговой.

Марии приятно это слышать — по глазам вижу. Я тоже довольна, что попала в точку.

— Немного не так, — говорит она, — с налогами это не связано, хоть и рациональное зерно в твоих рассуждениях есть. Это больше индикатор, чем ширма. Он помогает отличить бриллиант от муассанита. — Читая в мои глаза вопрос, Мария поясняет: — Бриллиант дороже.

— Всё ещё не понимаю, но очень интересно.

— Ну смотри, те, кто видит в названии намёк на некую тайную женскую практику получают один продукт, а те, кто литературные аллюзии — совершенно другой. Улавливаешь?

— В целом да. Только... какая часть испытуемых ценится тобой так же, как бриллианты?

— Начитанная, — быстро отвечает Мария. — Они же приходят, чтобы поймать меня на плагиате, ну и из любопытства, как ты. По крайней мере, они на это надеются. А значит, как минимум, знают постмодерниста и повесть, с которой у моего «искусства» ничего общего, кроме названия.

— Понимаю, это такая приманка для скептиков с критическим мышлением. Только в чём смысл? Ведь, куда выгоднее ориентироваться на более широкую лояльную аудиторию, а не на тех, кто всё ставит под сомнение. Сколько таких было, как я?

— Ты пятая. Но из всех ты первая, кто проходит этапы вслепую.

— Сейчас я тоже что-то прохожу?

— Разумеется. Задавая эти вопросы, ты даешь мне возможность рассмотреть твои грани. Ну, как бы, пощупать тебя...

"Да, — говорит мне мой внутренний голос, — она ещё и далеко не дура". И я соглашаюсь с ним. Я таких, честно говоря, побаиваюсь. Такие опасны как раз сочетанием острого ума и врожденного обаяния. И не важно какого они пола. Фразы с двойным дном они произносят тоном, заставляющим краснеть от интерпретации. Казалось бы, ну какой ещё может быть тут смысл? А щёки уже вспыхнули.

— Ты меня прости, конечно, — иду я в оборону, — но я честно не помню, что давала согласие на это.

— Ты его и не давала. Ты вырубилась в машине. Гриша

занес тебя в квартиру. Мы сняли с тебя пальто и туфли. Извини за вольности, но бросать тебя в обуви и верхней одежде — мы же не звери. Но ты же пришла сегодня не только, чтобы забрать свой костюм? Верно?

— Честно говоря, я бы хотела, чтобы это была единственная причина. Но в интернете про зеркала с встроенными фильмами тоже ничего нет.

— Ну вот и хорошо, что мы подошли к главному.

Когда стена справа от меня приходит в движение, замечая в руке Марии хромированное плоское яйцо.

— Ты спрашивала в чём смысл? Вот в этом зеркале. Не все видят в нём то, что видела ты. Кто ничего не ищет — ничего нового не находит. Чаще всего в "искусство" приходят, чтобы узнать на какие кнопки у мужчины и с какой интенсивностью нужно нажимать, чтобы из него сыпались деньги. Всё что им нужно: пара уроков этикета, навыков отработки возражений и волшебных техник "глубокой глотки". Для них это зеркало ничем не отличается от всех остальных зеркал. Все они показывают только то, во что ты веришь. И только это зеркало показывает тебя такой, какой тебя вижу я, к примеру. Со всеми твоими особенностями, к которым у тебя есть вопросы.

— Прикольно это слышать от гламурной дивы, — фыркаю я, — Мне они чаще всего заказывают посты про любовь к себе и полное принятие.

Марии тоже смешно. Всего на мгновение на её лице вспы-

хивает радостное удовольствие — очень нетипичная эмоция для её роли.

— Так вот в том и дело, что гламурная дива — это то, во что ты веришь. Образ, который сконструировал твой ум. Не даром же он — ум, мужского рода. То, что ты называешь гламурной дивой — калька представлений патриархального мира об идеальной женщине. Наш ум мужского рода кроит нас по своим лекалам, чтобы было красиво и удобно. Вот мы с детства и подгоняем себя под стандарты. А кто-то даже входит во вкус через боль. Хотя всего-то нужно поменять кое-что в настройках самой женщины, чтобы она могла принимать любой образ в зависимости от её желания и целей без каких либо физических усилий.

— Как это? Поменять в настройках? Что у женщины вместо ума тогда? Ум-ка?

— Матка.

Декарт был не прав, когда ограничил существование человека мыслительным процессом. Я на долгую секунду теряю эту способность, но ощущаю себя вполне живой, хоть и дыхание перехватывает от неожиданности.

— Да, дорогая. В теософском смысле — это источник природы, которая тоже женского рода, заметь. Так почему мы должны слушать какой-то ум?

— Может быть потому, что когда я думаю этим источником, получается не очень.

— Нет, дорогая, это мужской ум заставляет тебя так ду-

мать. На самом деле, получается "не очень" только у тебя. У всех остальных всё очень даже "очень".

Интересно. А ведь она права. Мне вечно попадаютсся му-
даки, убеждённые, что все им должны. И в первую очередь
— женщина. Они обдирают физически и эмоционально уле-
тают в теплые страны, а ты сидишь такая и думаешь: почему
это происходит снова и снова? Что со мной не так? Я же вро-
де умная баба! Всё делаю как надо. Может, у меня парфюм
слишком сладкий?

— И что это... — я сглатываю, — ну, как это работает?

Мария поднимается с места, подплывает к зеркалу и же-
стом зовет меня встать рядом. Я подчиняюсь. Потому что без
вариантов. Не знаю, как она жмёт на мужские кнопки, мои
она все потрогала. Кажется я, наконец, понимаю вложенный
в название её "искусства" смысл.

Поднимаю взгляд. Вижу в отражении своё лицо, хорошо
отдохнувшее в заграничных курортах. Ни мешков со следа-
ми бессонницы, ни прыщей и пятен. Только глаза горят и ру-
мянец. Чудо — одним словом. Тут же приходит мысль, что я
реально ведь могла сейчас уже лежать на пляже, разглядывая
сёрферов, а решила прийти сюда. И решение это шло явно
не из ума, а из какого-то другого места.

— Давай-ка, снимем это, — слышу я рядом с ухом и по-
корно поднимаю руки.

Мария стаскивает с меня толстовку, а потом, не встречая
никаких возражений, джинсы. Не смотрю на неё. Чувствую

только дыхание и прохладные пальцы. И волны по телу от тех мест, к которым она прикасается.

— Можно? — спрашивает она шёпотом, берясь за застёжку бюстгалтера.

Я киваю, с трудом сдерживая дрожь от озноба.

Мария отступает назад, оставляя меня тет-а-тет с моим отражением.

— Красивая, — комментирует она. — Идеальная двоечка.

В зеркале рыжую не видно, но её присутствие выдают реакции моего тела. Ореолы темных сосков подобрались, подтянув налитую от волнения грудь. Да, красивая. Может она всегда такой была? Просто я за тридцать восемь лет так к ней привыкла, что перестала замечать нюансы?

Рассматриваю себя с интересом, постепенно расслабляясь. Оказывается, всё, над чем я потею в зале — уже достигнуто, просто один мой бывший качок постоянно находил у меня места, которые можно совершенствовать и я верила, что мне это необходимо. Его уже след простыл, а я до сих пор себя совершенствую по инерции.

— Вау, а можно третий размер заказать или блондинкой стать?

— А зачем? Каждый видит тебя согласно своим представлениям, даже ты видишь то, что о себе представляешь. Смысл в том, чтобы снять с себя эту шелуху и понять, что ты можешь быть любой. В глазах тех, кто на тебя смотрит.

— То есть, я вижу тебя такой, только потому, что ты можешь влиять на моё восприятие? И зеркало здесь ни при чём? Я вижу в нём себя такой, какой я хочу чтобы ты меня видела?

— Зеркало отражает не тебя, а твои вибрации. В плохом настроении ты вряд ли себе нравишься, так? Грубо говоря, можно научиться управлять настроением, или правильно настраивать вайб и таким образом влиять на восприятие окружающих. В этом суть моего «искусства».

— И ты, типа, можешь меня научить этому? — я ёжусь, все-таки беседовать в одних трусах с одетой женщиной мне ещё не приходилось так долго.

Мария чувствует мою неловкость. Она подаёт мне лифчик, помогает застегнуть его, затем подаёт остальные вещи.

— Могу, — говорит она, наблюдая сзади как я одеваюсь. — Но на условиях и за услугу с твоей стороны.

Тааак, Слава. А чего ты хотела? За всё надо платить. Эх, лучше бы я эти деньги потратила на путешествие!

Я возвращаюсь на диван, хватаю стакан с водой и жадно пью, глядя на Марию сквозь стекло. Садясь в кресло, она закуривает электронку и несколько секунд смотрит на меня задумчивым взором, словно затуманенным какой-то ещё не вполне ясной для неё мыслью.

— Ладно, — она выпускает тонкую стройку дыма в потолок, — я буду говорить прямо. У меня есть один очень важный клиент, отношениями с которым я очень дорожу. Каж-

дый год в начале апреля он прилетает в Москву на месяц по каким-то деловым вопросам и ему на это время нужна спутница, которая будет сопровождать его на официальных встречах и мероприятиях. Статус обязывает тщательно подбирать окружение и я ему в этом помогаю. Главное требование к претендентке на эту роль — ему должно быть интересно. Ему не нужна просто кукла. Ему нужна партнерка. И он готов очень щедро за это платить. Я думаю, что как раз ты прекрасно ему подходишь, а я редко ошибаюсь...

Не верю ушам, хотя ничего удивительного здесь нет. Что ещё могла предложить мне женщина, похожая на сутенершу?

— Клиент? — разочаровано поджимаю губы. — Ты предлагаешь мне эскортировать?

Мария делает затяжку и на выдохе с усмешкой говорит:

— Клиент он для меня. А для тебя — ресурс. Способ получения материальной выгоды и удовольствия.

Стыдно за свою наивность. Как всегда, развесила уши, купилась на речи про вибрации, а оказалась на рынке шкур. И как тут верить после этого людям?

— Слава, ты наверное не понимаешь разницу между эскортом и моим «искусством»? Я объясню. Эскортом это является настолько, насколько твой ум это позволяет. В эскорте покупают тебя со всеми потрохами, а здесь условия ставишь ты. Ты продаешь своё внимание и время и ты решаешь, как будут развиваться события. Легко и непринужденно.

— Хм, — недоверчиво щурюсь, — а какой интерес у твоего клиента в том, чтобы я, в итоге, решала спать с ним или нет?

— Дело в том, что женщины в нашем комьюнити — не товар. А жрицы удачи, за внимание и благосклонность которой нужно платить. И есть мужчины с очень мощной энергией денег. Эти мужчины свято верят, что через нас они одаживают богиню фортуны. А вера, как известно — одно из условий успеха. И в наших интересах поддержать эту веру. Кроме того, среди мужчин есть немало тех, кто испытывает физическое удовольствие, когда женщина лишает их финансов...

Я молчу. Мне нужно время чтобы это переварить. Всё очень привлекательно звучит, но так ли на самом деле? Обычно, обман заворачивают в самую блестящую обёртку.

Мария смотрит на наручные часы и достав из кармана пиджака небольшой прямоугольник чёрного картона, кладёт передо мной на стеклянную поверхность стола.

— Это моя визитка. Тебе надо подумать, понимаю. Но у меня сейчас встреча. Отправь адрес электронной почты по этому номеру, я вышлю тебе проект договора. Понимаешь, можно любую тёлку научить принимать какую угодно форму, но внутри как была пустота, так и останется... а с тобой, я думаю, у нас все получится.

Беру визитку. На ней только вензель МФ и номер телефона. Это уже другой разговор. Пусть шлёт мне свой договор. А там посмотрим.

Из кабинета выхожу на ватных ногах. Так много информации на меня свалилось за последний час, что физически тяжело нести. Зеркало, вибрации, матка, клиент — как-то это всё надо уложить в уме и объяснить ему внятно, что он мужского рода и вообще — не главный, как выясняется.

Внимание привлекает силуэт девушки в чёрном на бежевом бархатном острове приёмной. Как только за мной закрывается дверь, она встаёт с диванчика и направляется в кабинет Марии.

И только на улице понимаю, что это была та самая девушка из «Берлиоза» — спутница цыгана, от которого у меня дрожали колени...

Глава 13. Вербовка эскортниц в сексотки

Весь следующий день ум мечется в голове, словно теннисный мячик в микроволновке. Я не выпускаю телефон из рук, постоянно обновляю аккаунт почтового ящика, умудряясь одновременно красить ногти, штудировать сеть в поиске материалов про НЛП и слушать аудио-книгу «Искусство лёгких касаний» — не самую, кстати, лучшую у Пелевина. Брошаю её на пятой главе. Формат синопсиса очень на любителей и я не в их числе. Книга с большой претензией на элитарность. Это огорчает не самых эрудированных читателей. Но радует образованных, чего уж там. Возможно, если мне когда-нибудь предстояло бы вступить в высоко-интеллектуальную полемику с питерскими алкашами, я бы вернулась к ней. Но сейчас прочитанного вполне хватает, чтобы не увидеть в нём никакой связи с "искусством" Марии.

Гуглом меня заносит на пикаперские форумы. Открываю, а там в числе советов "как развести даму на секс в первый вечер знакомства" целые стратегии и схемы первого свидания с вариантами бюджета и цен на посуточную аренду квартир с паролями и явками. И все они имеют общий скелет, на который нанизываются детали, наивно принимаемые женщинами за романтику.

Поэтому, девочки, если вы за вечер первого свидания с типом из тиндера третий раз меняете локацию; если он постоянно норовит ненавязчиво так коснуться вашей руки, ноги, и так далее; делает долгие паузы в разговоре и смотрит пристально вам в оба глаза сразу — поздравляю, вы в игре. Дальше игрок, в зависимости от силы его заинтересованности в процессе, до "солнышка" прокатит вас на эмоциональных качельках. Пристегните ремни и приготовьтесь получать комплименты с перчинкой, вроде таких, например: "мне так нравятся твои ноги, особенно левая". Или: "прекрасно выглядишь, надеюсь, без макияжа ты ещё красивее". И если вы будете хорошо себя вести, вас обязательно наградят: например, экзотическим блюдом или приятными перспективами. Иногда и тем, и другим. И если вас тёпленку не трахнут в тот же вечер, то это не потому, что вы устояли перед манипулятором, а потому, что у игрока на вас планы. И нет, не стоит обольщаться, как правило они не связаны с нашими фантазиями про свадебное платье.

Надо признать, Мария филигранно откатала стандартную программу первого свидания. Там и смена локаций была, и тактильный и визуальный контакт постоянно чередовался. И блюдо было и даже намёк на перспективы, а про качели я вообще молчу. Она только сомнительными комплиментами пренебрегла. Наоборот, её игра была настолько тонкой, что я всё время чувствовала некую избранность и, наверное, именно поэтому весь день проверяю почту, как будто мне это на-

до.

Договор приходит в среду утром. Я давала себе слово, не рассказывать никому о моём знакомстве с Марией до тщательного изучения документов; сославшись на нехватку времени и полный завал в работе, попросила не беспокоить меня по пустякам. Открыв первую же страницу трехстороннего соглашения на предоставление услуг, понимаю, что без юриста разобраться в его нюансах нет шансов. В таком объеме канцелярской воды однозначно есть скользкие камни, но сколько их и насколько они острые, человеку, воспринимающему информацию только в художественном изложении, увидеть не суждено. И как назло, именно Алка умеет эти камни находить — она этому в универе училась. У неё однозначно возникнет очень много вопросов, но благо это только проект договора и можно будет что-то придумать для конспирации.

Она перезванивает через десять минут после того, как я отправляю ей текст с просьбой сделать его краткий анализ по старой дружбе и не за бесплатно, конечно же. Вот этот последний аргумент всегда безотказно действует на неё, но сегодня — как-то особенно быстро.

— Это что такое? — интересуется подруга.

— Ну, я с той же целью тебе его скинула. Скажи мне, что это? Кратенько своими словами.

— Это, как я понимаю, договор между, тремя сторона-

ми: клиентом, неким лицом, предоставляющим ему услуги определённого характера и их посредником, координирующим взаимодействие сторон.

— Это и мне понятно без диплома юриста. Что ты думаешь о нём, на что это похоже?

— В смысле, похоже? Там чёрным по белому расписана модель эскорт услуг. Только составлен он так, что, вроде как, это не клиент берёт в аренду сиськи на ножках, а сиськи арендуют клиента в качестве средства финансового и иного продвижения по жизни. Понимаешь? Там главный выгодополучатель — товар.

— На словах звучит заманчиво, но какой интерес клиента в договоре, если, так сказать, товар там рулит?

— У меня только одно предположение, — бубнит Алка из динамика, — клиента может прикалывать ощущение недоступности субъекта договора, как будто не всё можно купить, надо ещё и заслужить. Ну, типа, его это мотивирует добиваться, напрягать булки. Богатые так развлекаются. А гонорар делится между услугодателем и агентом пополам, все в шоколаде. Я слышала про такие фантастические суммы в сотню тысяч за выхи. Но там всё включено, как говорится, во все дыры по умолчанию, а здесь речь исключительно о сопровождении, всё остальное по обоюдному согласию сторон, в том числе и дополнительное вознаграждение в виде подарков и сюрпризов.

"Да уж... — думаю я, — сотня за «викенд олинклюзив»

кажется не такой фантастической, если знать почём нынче трусы элитных шлюх".

— А откуда он у тебя?

К этому моменту я уже знаю, что сказать, чтобы это максимальное было похоже на правду:

— Я имела неосторожность сыграть в лотерею Фаберже и выиграть. Но, поскольку все эти курсы и марафоны вызывают у меня острое воспаление жопы, я вежливо отказалась постигать её искусство. Она расстроилась, конечно, но предложила мне другое сотрудничество.

— Ты гонишь!

Представляю, какие у Бараша сейчас глаза!

— Не такое сотрудничество, Алла Романовна, о котором вы могли подумать. А профессиональное. В общем, эта Фаберже наняла меня написать несколько статей на тему сравнения её "искусства" и эскорта. Я так поняла, она таким образом намерена прогреть аудиторию перед запуском нового курса. А договор — это часть материала для изучения.

— Обалдеть! Платит хорошо?

— Три косаря евро... — Думаю, этой информации Алке достаточно, тем более, что это почти правда.

— Гагарина, это супер круто! Серьёзно! Это же больше, чем получает за два дня эскортница. А рисков, считай, никаких. Там по договору этому, кстати стороны обязуются не разглашать его условия. Вот бы ещё глянуть допы, где прописана ответка...

— А что обычно бывает?

— Ну, обычно штраф. И обычно такой, что мало не покажется. Всё, Славян, я полетела, у меня сейчас совещание, а я тут с тобой... Держи в курсе, созвон. Жду подробности встречи с Фаберже.

Барнина отключается, а я ещё раз пробегаюсь по тексту, вздыхая. Подозреваю, что дополнительное соглашение — это тот самый NDA, который я подписала в кабинете Марии, особо не вчитываясь в его пункты. Можно было выложить Алке гораздо больше информации и не сочинять про статьи, я знаю — дальше неё это не пойдёт. Но язык впервые повинуется интуиции. Что-то эта ведьма говорила про то, что в случае утечки информации вся ответственность всегда ложится на самую слабую сторону договора: на того, кто продает душу, а не покупает. Так, между прочим, и попадают в сексуальное рабство.

Ладно, я готова обсудить детали, тем более, что уже самой интересно, чем это её "искусство" отличается от эскорта и что значит быть его произведением. Но паспорт благоразумней пока оставить дома.

На этот раз Мария отвечает почти сразу: без лишних слов отправляет локацию и время. Завтра в 12:00 в кафе "Красный петух"? Вау. Говорят, его хозяин — гей с тонким чувством юмора. Там любят собираться всякие интеллектуалы, суфразистки и прочая либеральная богема дабы отведать коктейль из свежавыжатых слёз бедняков с лаймом и стейк

средней прожарки из бедра северокорейской трясогозки с соусом из белых трюфелей.

Раньше петух был "Голубым" — вывеску украшал такого же цвета профиль гордой птицы с радужным ирокезом. Афоризм в названии был настолько ярким, что не заметить его мог только слепой. Такая креативность собирала самые жирные сливки московских тусовок, но и привлекала внимание блюстителей седых скреп. Может, хозяин кому-то не дал (на лапу), но пошли слухи, что могут закрыть петуха. В смысле — ресторан. В итоге, петуха залили таким густым, советским красным, что ни у кого больше не могло возникнуть никаких вопросов и претензий. Нигилисты были в припадке от иронии, что вынесло ценники в космос.

Никогда там не была и совершенно не знаю, как туда одеваться.

Моя маман — профессиональная швея (да простит мамочка — шьющий дизайнер одежды) сказала бы: "когда не знаешь что надеть, одевайся так, как будто ты не очень-то туда хотела". Вот, а мама плохого не посоветует, если компетентна в вопросе. Поэтому, надеваю джинсы — наше всё, модные ботинки от "Доктор Мартинс" и чёрную водолазку под чёрный дутый оверсайз-жилет — наша с мамой совместная разработка. Самый «лук» для "Красного петуха"!

В кафе прихожу, как всегда без опозданий. Меня провожают к столику, зарезервированному на имя Марии и пока я осматриваюсь, изучая интерьер и немногочисленных посе-

тителей, в зал входит Фаберже. На ней тоже джинсы, ультра-модные сейчас — "палаццо", чёрная водолазка и кожаная косуха. Рыжие волосы собраны в хвост, макияж а-ля "после лёгкой пробежки". В общем, её безупречность опять портит мне настроение, и я форсирую:

— Скажи, а Фаберже — это реальная фамилия или псевдоним?

Она занимает место напротив. Столик наш в самом уютной зоне, в самой приватной её части, соседние столики свободны и в целом зал скорее пуст, чем полон. Тем не менее, она обводит пространство взглядом, прежде чем ответить:

— И то и другое. Это псевдоним, который я, так скажем, легализовала и монетизировала. — Мария смеётся и её румянец как будто становится ярче.

— Такая откровенность среди гур сейчас большая редкость, — говорю я.

— Однажды, один хороший друг сказал мне: говори женщине правду, если хочешь, искренних поцелуев. Со временем я убедилась, что это работает и с женщинами и с мужчинами и не только в отношении поцелуев.

— Ну, на поцелуй я, конечно, не рассчитываю, но надеюсь, ты так же честно ответишь и на другие мои вопросы.

— Разумеется. — Мария кивает и снова демонстрирует идеальные зубы. — Давай только что-нибудь закажем выпить. Ты что хочешь? Шампанского?

Хочется громко попросить чаю — стаканов шесть, но я

сдерживаюсь.

— Нет, спасибо, я бы просто капучино выпила.

— Тогда я тоже кофе буду.

На общение с официантом уходит минут пятнадцать. Я заказываю маленькую чашку капучино по цене нефтяного барреля и стакан воды. Мария просит для себя эспresso и два чизкейка, одним из которых она любезно делится со мной.

— Не стоило, правда, но спасибо, — благодарю я, — очень вкусно.

— Угощайся. Женщины в большинстве не умеют наслаждаться. Ты тоже скромничаешь. Хотя, получать и доставлять удовольствие — это то, для чего мы предназначены.

— Кому?

— В смысле, кому предназначены? Себе, миру. А ты ду-мала, я что скажу?

Жму плечами:

— Мужчинам. В твоём же договоре именно они подразумеваются?

— В основном они, конечно, — кивает Мария, — но, насколько ясно из соглашения, удовольствие должно быть обоюдным по взаимному согласию. Клиент покупает не тело женщины, а её время, ум, образ, энергию, а уж как распоряжаться телом — она сама принимает решение.

— Вот, это меня истораживает...

— Почему?

— Слишком всё красиво получается. Что там за клиент

такой, у которого есть средства на красивую женщину, и который не может позволить её себе без договора.

Мария фыркает.

— Пфф, открой списки Форбс и выбирай любого. Они там потому и находятся, что всё привыкли делегировать профессионалам. И если уж пошел такой разговор — никого профессиональнее меня в этой сфере нет.

Ну, в её профессионализме я как раз не сомневаюсь. Благо, я не произношу этого вслух: фраза звучала бы двояко, а я ещё не совсем понимаю, чего хочу от этой встречи.

— И на что они рассчитывают, в итоге? — спрашиваю я.

— На приятную компанию. Общество прекрасной дамы, с которой не стыдно появиться на светском мероприятии, показать партнерам и не бояться, что она напьётся, например, или ляпнет какую-нибудь пошлость. Куклу взять потрахаться — это сейчас каждый второй из «бизнес-молодости» может.

Мы обе синхронно бросаем взгляд на двух кукольных блондинок в брендах с карманными собачками в стразах. Девочки сидят через столик от нас явно в засаде и томно взирают на потенциальную добычу, вяло жуящую салат в углу зала. Нашли, где охотится! Тут же в основном геи. Или нет?

— Собственно, — продолжает Мария, — это и есть — главная причина, почему, чем статуснее мужчина, тем больше он ценит индивидуальность. Женщина рядом с ним должна выделяться среди других, по ней общество должно

видеть, что всё у мужика хорошо и с деньгами, и со вкусом.

— Для этого у них должны быть жены?

— Да, но чем успешнее мужчина, тем чаще он в разводе. Или его половинка не обладает той самой оригинальностью. Вернее, ещё как обладает, но не той, что в тренде у очень состоятельных людей.

— А что сейчас у них в тренде?

— Ну... — Мария смотрит на меня, слегка наклонив голову, — такие фемки, как ты, например.

Не могу удержать брови. Слышать, что я в тренде мне ещё не доводилось, а от женщины — вдвойне неожиданно. Хотя, не скрою, приятно, что уж там, даже не смотря на спорный эпитет.

— И что ж во мне такого трендового?

Мария ставит на блюде чашку и повернув кисть ладонью ко мне, соединяет мизинец и большой палец в знак, очень похожий на мудру.

— Энергия... харизма, — говорит она, — это единственное качество, которое невозможно приобрести. С ним нужно родиться. Это то, что выделяет человека любого пола, из любого слоя общества, в любой роли и одежде. Внешность, — она соединяет так же большой и безымянный палец, — яркая и естественная, лучше если с какой-нибудь нестандартной чертой, без пластики. Ну и интеллект, который часто выражается чувством юмора. — Мария складывает средний палец в общую щепотку. — Еще она должна быть обязательно

не замужем и по возможности без детей. Возраст имеет самое последнее значение.

Она распускает пальцы снова и берёт чашку. Надо будет поискать в интернете значение жеста. Вдруг, это тоже какой-то приём из НЛП?

— Ух ты, столько комплиментов сразу, польщена, спасибо, — говорю я. — Только с чего ты взяла, что я обладаю всеми этими качествами? Может, я замужем и у меня трое детей?

— Не замужем, никогда не была и детей у тебя нет, — уверенно проговаривает рыжая, слизывая молочную пенку с губ, и, в ответ на моё удивление, добавляет: — Не делай такие глаза, дорогая. Слава Гагарина в мособласти только одна.

Да уж, спасибо деду за... Славу. Нигде теперь не спрячешься.

— Окей. И кому ж я вся такая трендовая так понадобилась, что ты уже навела обо мне справки, показала мне волшебное зеркальце и угощаешь в самых снобских ресторанах столицы?

Из её взгляда исчезает ирония, он становится цепким и острым.

— Этого я пока не могу сказать. Если ты согласишься подписать основной договор, у вас будет встреча, которая даст силу договору. Или не даст. — Мария пожимает плечами. — Всё будет зависеть от её исхода. Но, могу гарантировать, встречу эту ты не забудешь в любом случае.

— Звучит как угроза...

— У меня нет цели напугать тебя, — возражает Мария. — Я говорю, как есть, чтобы у тебя не было завышенных ожиданий — силу договору даёт именно клиент, за ним, к сожалению, последнее слово. Однако тот, про кого мы говорим, может создать сильное первое впечатление, настолько сильное, что тебе захочется второго. Знакомство будет иметь решающее значение, вот тут и понадобится "искусство".

В её словах совсем нет никакого пафоса. Она говорит это просто и даже легкомысленно, и наверное, поэтому я ей даже верю.

— Искусство видеть тень мужчины, — спокойно продолжает Мария. — Его запреты, стыд, скрытые кайфы, от которых он сам прячется. Мужчины, какими бы циничными и умными ни были, вскрываются прикосновением к его внутреннему чудовищу. — Она снова собирает пальцы в щепотку, — Ни одна манипуляция тут не сработает. Это, кстати, в практиках не зря называют «кинком».

Мария рисует пальцем в воздухе изящную завитушку.

— Такой странный танец двух теней. Потому что только тень может дружить с тенью. Прикол в том, что нашу Лилит, приучили быть хорошей девочкой. А на самом деле она та ещё развратница и кайфожорка. Только пока женщина не знает своей собственной тёмной стороны — она и мужчину даже не видит толком. Представляешь, чего себя лишил патриархат, когда запретил женщине быть настоящей и неудоб-

ной? Мужчина всю жизнь ищет в женщине то, что сам в себе подавил.

— И что, ты хочешь сказать, что с первого взгляда можешь увидеть все эти... кинки?

— А ты ещё не поняла? — подмигивает стерва.

Конечно поняла — не дура. Она в моих собственных телях уже целый карман сокровищ нарыла и теперь жонглирует ими у меня перед носом. Не удивлюсь, если эта тётя работает на спецслужбы и вербует эскортниц в сексотки.

Неприятный холодок скатывается по позвоночнику в мягкое место, которое уже давно горит от предчувствия. Мария даже не скрывает, что манипулирует мной и тот факт, что ей это нравится. Мне бы взять себя в руки и вынести на свежий воздух... а там в такси и домой, под одеялко. Но я уже плотно на крючке, правда, ещё довольно активно трепыхаюсь.

— Хорошо, — говорю я, доставая телефон из кармана жилета, — если ты можешь угадать кинк любого человека, скажи, что ты думаешь про этого типа.

Я вбиваю в строку поиска в Гугле «Сергей Яблочко» и показываю первое же вылетевшее фото.

Мария внимательно смотрит в экран пару минут и с лёгким пренебрежением заявляет:

— Типичный раб.

— Кто?

— Ну раб, — повторяет Мария, как будто этого объяснения достаточно. — Мужик на работе большой босс, а за её

пределами любит лизать женщинам ноги. И не только ноги. Самый безопасный тип, но в материальном плане не самый перспективный. Нет, он вполне щедрый, но проблема в том, что большинство рабов, всё же, ограничены в средствах. Не хватает им этой самцовой энергии властелина мира. Странно, что он тебя интересуется...

— Это мой потенциальный работодатель, — поясняю я.
— Редактор издания книжек для взрослых. Я должна написать сцену фривольного характера так, чтобы она попала ему в самое... яблочко. Попаду в этот его кинк и он меня примет творить на ниве его эротического издательства.

— А оно тебе очень надо?

— Ну, — я мнусь, не решив, стоит ли признаваться в том, что мой язык меня часто подводит, но всё-таки говорю: — это уже дело принципа. Я заключила с ним пари. В случае, если я провалю экзамен, я должна буду ему один вечер в ресторане.

— Фи, — Мария морщит носик, — какой грязный, грубый харрасмент. Но ты можешь не стараться даже.

— Почему?

— Потому, что, как я сказала, на работе рабы — начальники. Хотя, можешь попробовать. Подчинённых женщин ему и так явно хватает, он хочет госпожу!

— То есть... — я пытаюсь собрать в уме следующий фразу, но Мария меня опережает.

— То есть, тебе надо поставить его на место. Не важно,

что ты напишешь. Хотя про эротические похождения колобка, кстати, хорошая идея, дарю. Реши, для начала, чего ты хочешь от этого типа, и нужно ли тебе это. Хочешь развлечь его, тогда поиграй с ним в его игру. Начни склонять раба к каблуку, посмотришь, вдруг, тебе понравится.

Я в шоке. Сергей в кожаных трусах с кляпом во рту никак не вяжется в воображении с образом, который сформировался у меня на собеседовании. Почему я должна верить Марии? Однако, я, почему-то ей верю.

— Хорошо, — говорю я, стараясь не обращать внимание на бой чувств и мыслей и предупреждающие сигналы корневой чакры, — давай так... Если ты права насчёт этого типа, я согласна встретиться с твоим этим... клиентом.

Воздух застревает с последним словом и я громко сглатываю. Кажется, так громко, что даже Мария слышит. Она улыбается, то ли потому, что довольна результатом, то ли от того, что в нём не сомневалась.

— Договорились, — она машет кредиткой официанту, — но учти, что времени на эксперименты нет. Даю тебе срок до конца недели разобраться с этим лысым и в понедельник жду твоего решения...

Глава 14. Отсутствие опыта не всегда компенсируется богатым воображением

(Пятница, 14 марта, офис "Lithub")

— Ну, хорошо, допустим. Но... почему огурец? — Яблочко откладывает бумажки, откатывается в кресле от стола и переводит взгляд на мои ботфорты, которые я специально одолжила у подруги.

Спустя пятнадцать лет вернулась не только мода, но и подходящий повод их надеть, и сейчас тот самый случай, когда они абсолютно уместны даже в ансамбле с черными чулками и плащём. Гляди, как разругался, фрукт, облизывается. Если и дальше так пойдёт, мне придётся признать в Марии специалиста по физиогномике.

— А это такой прием, Сергей, называется открытый финал, клифф. Ты же слышал такое: "вот и сказочке конец, тем, кто слушал — огурец"?

Лысый отлипает, наконец, от моих ног и поднимает брови, отчего его влажный лоб собирается гармошкой. Если бы он знал, каких внутренних усилий мне стоит уверенно говорить ему "ты", у него бы и лысина волной пошла. Я всё утро тренировалась "тыкать" плюшевому зайцу, называя его Сергеем. Вчера репетировала перед зеркалом строгое, властное

выражение лица, как учат на тематических форумах. А там, помимо этого, столько всяких историй из жизни «Домин» и их «сабов», что за пару часов собрался неплохой материал для доказательства моих авторских скиллов. И, судя по маслянистому взгляду Сергея, мне удалось произвести на него эффект.

— Получилось... откровенно... неплохо, — лысый будто нехотя выдавливая слова, — местами даже хорошо, сцена выдержана, без провалов и роялей, по всем законам драматургии. Огурец я бы заменил, конечно, на что-то более атрибутивное. Но в целом, прилично, я бы даже сказал — профессионально. Если не секрет, откуда такие познания в теме?

Я выдерживаю его взгляд, хотя вопрос на мгновение выбивает из образа Госпожи. Что я скажу? Что всего лишь взяла несколько описаний БДСМ сессий, структурировала, дополнила штрихами, художественными деталями и диалогами? Или что в свободное от поиска работы время, а иногда и непосредственно во время, ставлю потенциальное начальство на задние лапки и даю им в рот морковку? То есть, огурец... В сущности, какая разница, что я отвечу, главное, что Яблочко в теме, а значит Мария не ошиблась. Кроме того, она же намекала, что в партнёрских отношениях высоко ценится правда и искренность.

— Из интернета, Сергей, — признаюсь я, — писать о том, в чём я не разбираюсь для меня привычное дело. Я, напри-

мер, никогда не была в Аргентине, однако, год писала посты для одного тревел-блога. Теперь я вполне могу без навигатора гулять по Буэнос-Айресу. Отсутствие опыта не всегда компенсируется только богатым воображением, тут талант нужен. Вот я его и применяю.

Лицо Сергея чуть заметно киснет. Наверное, в роли подчинённой я интересую его меньше, чем в роли Госпожи, а надо признать, мне неожиданно нравится слегка доминировать на собеседовании. Всё-таки, как деньги раскрепощают женщину! Если бы не они, разве б сидела я так вольготно у босса в кабинете, покачивая носком ботфорта? Именно деньги дают (на какое-то время) то самое ощущение свободы, когда ты можешь выбирать, где и с кем тебе работать и работать ли вообще. Выходить замуж и рожать детей не потому, что надо кому-то: родителям, обществу, экономике, родине, а когда и если хочется тебе! Неограниченное перемещение в пространстве, право жить как перелётная птица — вот что такое СВОБОДА. И если я наскребла кое-как на право не строить ячейку общества и не участвовать в повышении демографии, то ходить на собеседования из принципа и ради прикола мне ещё не доводилось. И я бы с БОльшим удовольствием вообще забила на спор, если б дед не вбил мне тапком, что за базар надо отвечать.

— Талант — это прекрасно, — говорит Сергей, — но, как и богатая фантазия и умение складно писать — в нашем деле не главное. А главное что? Главное тренды и нужно их чув-

ствовать. Этот твой этюд, без сомнения, яркий, но цепляет очень узкую аудиторию. А поскольку основная часть читателей у нас женская, вот и скажи мне, что сейчас популярно в женском сегменте сетевой литературы?

Вероятно, начальник задался целью погонять меня по вопросам как противный препод, который не хочет ставить зачёт из вредности или по каким-то личным причинам. Он только не учёл, что в перерывах между произведениями интеллектуальной прозы я иногда отравляюсь продуктами широкого потребления и немного в курсе трендов. И пусть в меня бросит томиком Достоевского та, у которой в телефоне нет закладки на каком-нибудь "Порочном боссе" — так, чисто отдохнуть после душного дня в скучном офисе под Шопена и бокальчик белого...

Конечно, исключительно из уважения к классику никто в меня им не бросит.

Что ещё сказать? Иногда, после свидания с очередным мамкиным бруталом думаешь: "лучше бы я с каким-нибудь "Пластилином страсти" согрешила дома, чем вот это разочарование". Просто в бульварном романе, как в зеркале, отражаются наши женские чаяния и несбывшиеся надежды. Там что ни мужчина — то жгучий коктейль наших тайных желаний и прагматизма. Такое сочетание в человеческой природе встречается крайне редко, вот мы и погружаемся временами в мир женского неокортекса, воспитанного на древних сказках. Мне ли не знать, о чём мечтают взрослые девочки, ко-

которые не плачут? Но надо ли в этом признаваться? Ведь, по большому счёту, всё равно: возьмёт Яблочко меня на работу, или нет — ближайшие месяцев шесть при экономной трате средств я вообще могу себе позволить ничего не делать. В том числе и не отвечать на его вопросы уже сейчас. Однако же, я пришла кое-что проверить, поэтому соединяю мизинец и большой палец правой руки и говорю:

— "Золушка". Она же "босс и подчинённая", "невинная для мажора" — популярная тема у романтичных учительниц и женщин с богатым и печальным опытом. — Я загигаю к большому безымянный палец. — "Красавица и чудовище", они же "Барышня и хулиган" и "Невинная для бандита", он — старый солдат, не знающий слов любви, она — нежная дева в беде или скромная мать-одиночка, — интересны в основном девочкам, склонным к стокгольмскому синдрому и ждулям. И "Белоснежка и семь гномов" или "красавица, спящая у семи богатырей", — складываю средний палец в ту же композицию, — тут тоже ничего нового, обряд инициации — это ещё Пропп в своей книге "Исторические корни волшебной сказки" объяснил. В современных версиях количество мужских особей на одну даму сократилось максимум до трех — это я делаю вывод только по рекламе в социальных сетях. Главное во всех этих сюжетах то, что героиню всю книгу все хотят, но замуж она, в итоге, выходит за принца. Потому что многомужество у нас запрещено. К сожалению. Не знаю, производят ли какой-то эффект мои жестикуля-

ции на мужчину или это блики на лакированной коже ботфортов его отвлекают. Видно, что босс нервничает, пытается это скрыть нарочито расслабленной позой, покачиваясь в кресле активнее, чем ему хотелось бы. Он только не в курсе, что скрещенные на груди руки со спрятанными в подмышках кистями выдают его неуверенность и связанное с ней желание защитить свою психо-эмоциональную территорию от вторжения. Либо он просто вспотел. Хотя "просто" в данном контексте не имеет силы, потому что никто никогда не потеет и не скрещивает руки без достаточных причин. Значит, это или сапоги на него так действуют или странная мудра Марии всё-таки что-то такое делает, отчего с виду стойкие в эмоциональном плане дядьки так обороняются.

— Ценю умение работать с информацией, — хвалит Сергей. — Но это не тренды. Это шаблоны. То, на чем держится сюжет. А тренды — это наглядный пример того, как спрос рождает предложение и работают инструменты продвижения. Сейчас вот истории про неверного мужа раскупают как горячие пирожки. А почему, как ты думаешь?

Я пожимаю плечами. Наверное, Сергей решил заканчивать вопросом каждую свою фразу, чтобы контролировать таким образом течение диалога. Я на ведущую роль и не претендую, в конце концов, он тут босс, но и мне есть что сказать по теме:

— Думаю, женщинам с жизненным опытом просто интересно, что же там дальше было с Золушкой после свадьбы.

Всем хочется убедиться, что любая сказка разбивается о быт, что принц был принцем два года, а потом стал постепенно превращаться в скотину. Что и там, как в жизни, и Золушка тоже терпит измены, потому что трое детей и отец-инвалид. И читают это женщины, которые верят, что в финале книги чары падут и скотина превратится обратно в принца.

Пока я размышляю вслух, Яблочко подкатывает к столу и жмет кнопку консоли.

— Лена, скажи, какая у тебя сейчас подписка в бестах стоит?

— "Развод. Цена предательства", — рапортует грозно консоль.

— А на прошлой неделе?

— "Развода не будет!" — заявляет некая Лена. — Стата по дням нужна?

— Нет, отбой. — Лысый снова отъезжает от стола. — Вот, где сейчас основная конкуренция. Тема уже второй сезон не покидает топовых позиций в горячих новинках, но чувствуется, что аудитория подустала. Можно было бы ещё подоить её, удвоив рекламный бюджет, но тут пошли эти разговоры про демографию, скрепы и штрафы за развод. А в нашей стране всякие разговоры про всякие инициативы, даже самые абсурдные, игнорировать — себе в убыток. И пока мы телевизору проигрываем, приходится держать руку на первой кнопке. Всё, прокатилась информационная волна про семейные ценности и штрафы за расторжение брака — ме-

няем курс. Подбрасываем на топовые места условных "наследников для боссов", смотрим статистику, анализируем. И тут выясняется, что даже кликов на обложки со святой троицей "он, она и милый карапуз", стало значительно меньше по сравнению с прошлыми сезонами. И так со всеми историями, где фигурируют дети. Плохо заходит тема, как её не крути. Я попрощался сразу тремя авторами, которые хорошо пишут, увы, только если сюжет строится вокруг отпрысков магнатов. Продвигать эти книги сейчас — только сливать деньги в таргет.

Сергей бросает взгляд в стеклянную стену за моей спиной, я машинально поворачиваюсь в ту же сторону.

— Я бы всех заменил уже, если честно, но вот Елена Безрукова, например, со скоростью бешеного принтера выдает роман за романом и специализируется не только на подгрузниках и изменах, но и в области отношений с боссами, сводными братьями, отцами женихов и подруг. Тоже все ходовые сюжеты, между прочим уже какой сезон!

Миниатюрная пухленькая шатенка из первого ряда с любопытством и даже с ревностью, кажется, поглядывает сквозь стекло в кабинет начальника. Камон, пупсик, не претендую я на твоего босса, успокойся. Я вообще здесь ради развлечения.

— Константин у нас по демонам, демоницам, драконам и невинным девам. — Яблочко кивком показывает на невзрачного мужичка цвета моли, мечущегося между рядами рабо-

чих мест в творческом, видимо, поиске. — У всех его псевдонимов большая армия поклонниц, почти как у Джоржа нашего Мартина. Нина Михайловна у нас, — Сергей кивает в левую часть помещения, где сидит дама солидного возраста и увлечённо тыкает двумя указательными пальцами в клавиатуру, — редактор в прошлом и уже пятнадцать лет как литературный "негр". Она у Донцовой работала, теперь вот на "литхаб" трудится. Пишет "эромфант" про вампиров, оборотней, эльфов, орков и прочую дичь. Да так плодотворно, что у неё уже собственные литрабы есть.

Босс вздыхает, снова скрещивает руки на груди, но ладони в подмышках уже не прячет, что говорит о его искренности в данный момент.

— Всем уютно в рамках своих жанров, никто не хочет напрягаться, писать лучше, но все жалуются, что зарабатывать стало сложнее, читатель хуже покупает подписку на популярные серии. У каждого из них были попытки задать тренд, но потеря читательского интереса вернула их на привычные рельсы. Мне нужен автор со свежим нюхом. Который напишет что-то не отходя далеко от шаблонов, но с собственным стилем, новым, актуальным наполнением. Что-то, что придёт на смену теряющим популярность темам супружеской неверности и случайных зачатий. Что сейчас может зайти уставшей аудитории на твой взгляд?

Кажется Яблочко не отстанет. Даже мои ироничные рассуждения о бульварной литературе несколько его не охла-

ждают. Напротив, он как-будто видит во мне эксперта и на полном серьезе готов внимать эскападам. Я на всякий случай решаю не играть больше носком ботфорта и не собирать из пальцев загадочные мудры, не зная их значения. Но отказать себе в удовольствии продолжать иронизировать не могу:

— Это же очевидно, — говорю я, — женщины устали метаться от измены к разводу и обратно. Это вашу Елену до сих пор трясёт и она никак не может определиться, то ли будет развод, то ли нет. А читательницы уже поглядывают по сторонам, начинают подозревать, что должно быть что-то помимо набивших оскомину сценариев. Вероятно, им хочется историй про сильную, сексуально-активную деву, которая всё сама и свободна принимать решения...

— Такое они читать точно не будут! — перебивает меня босс. — Не популярная тема и долго в бестах не задержится, даже если непрерывно лить в таргет. Тем более, сверху идут другие сигналы и феминизм сейчас признан неправильной идеологией.

— В том и дело, — возражаю я, — героиня, которая вся такая сильная и независимая с двумя высшими образованиями и лучше если девственница, борется с харрасментом и за право использовать феминитивы и герой радикально-патриархальных взглядов, брутал с криминальным прошлым и непростой судьбой с каким-нибудь благородным прозвищем — Князь, например, или Граф, встречаются волей непреодолимых обстоятельств. Она его презирает, как маргинала с

махровыми принципами и отвергает всю дорогу, а он её добивается, прилагая, несвойственную его характеру выдержку. В конце хэппи энд, но тоже нестандартный: они бегут от системы туда, где могут забыть про свои социальные роли и где никто не будет мешать им любить. Да, не совсем в повестку семейных скреп, но зато есть конфликт персонажей, простор для манёвров и свежее прочтение... никаких карапузов и разводов.

Я замолкаю и тишина на некоторое время повисает между нами тяжелым монолитом. Сергей смотрит сквозь меня, будто погруженный в свои мысли, затем ещё через пару секунд он подбирает подбородок и, прищурившись, говорит:

— Это ты сама придумала или где-то прочитала?

— Это первое, что пришло мне в голову, — отвечаю я, — но если честно, я это придумала не серьёзно, скорее, просто в качестве фантазии на заданную тему.

— И? — он закидывает ногу на ногу, заключая колено в замок сцепленных пальцев, — сколько тебе нужно времени, чтобы набросать синопсис из этих фантазий, если я скажу тебе, что при хорошем старте и рекламе ты за первую неделю подписки можешь заработать не меньше сотни тысяч?

Глава 15. «Задний вход в нирвану»

О тесной связи проблем и неправильно сформулированных желаний в Москве не знают только замкадные бомжи. Иначе на Патриках негде было бы развернуться в числе тех, кто продает свои курсы "Как из коробки переехать в лофт, и потом не переехать на нары. Мечтаем правильно".

Говорят, шарики, запущенные в стратосферу, перекрыли канал связи с Вселенной и, то ли послания до неё доходят в искаженном виде, то ли она перестала нас понимать. Сейчас это активно продвигают коучи, продавцы мотивации, энергопрактики, дизайнеры личного бренда и рилсмейкеры из Дубая, в общем, все те, кого налоговая, как бы, пока не замечает, откармливая, как гусей на фуагра. После череды уголовных дел на блогеров всё продвинутое инфосообщество встрепенулось и вспомнило поучительную сказку о рыбаке и золотой рыбке. Оказывается, надо быть умереннее в мечтах, и тщательнее подбирать слова для запроса... То есть, заявляя о себе от имени Вселенной, всегда помни, что всё может схлопнуться в любой момент.

Я могу сколько угодно иронизировать, но каждый Новый год, загадывая денег и творческой работы, мне ни разу не пришлось в голову хотя бы ради эксперимента конкретизировать: откуда нужно ждать эти деньги и что это за "работа",

если она творческая? И вот, пожалуйста тебе, Слава: валюта от королевы эскорта и сразу два сомнительных и безусловно творческих предложения, от которых, в силу разных причин, одинаково глупо отказываться.

Даже не потому, что оба сулят финансовые перспективы, а из интереса — справлюсь ли я сразу с двумя ролями. Потому что выбрать какую-то одну я не могу. Авантюра с Яблочком — чистое хулиганство, пощекотать эго и разнообразить досуг. В отсутствие любовных интриг, мы — женщины часто пробуем новое хобби, чему-то учимся, меняем профессию, веру и даже цвет волос. Почему бы мне не попробовать себя в качестве авторки шЫдевров? Пишу я сносно, с сюжетом Алка поможет — она за пятнадцать лет работы юристом каких только историй не наслушалась. Да и я в своей фантазии не ограничена. Клубничную жвачку про то, "как она вся такая не такая, и он весь такой ТАКОЙ(!!!) встретились однажды на ярмарке тщеславия и больше не смогли друг без друга жить" написать вполне могу.

Но мне для этого нужно недели две где-нибудь в Переделкино с трехразовым питанием на веранде и ваннами и чтобы горничная Глаша ходила на цыпочках, пока я творю. Ну или здесь, в Чертанове, но чтобы пару месяцев меня никто не беспокоил.

Проблема только в том, что покой не очень-то сочетается с не совсем пристойным переложением Марии. Однако, как раз эта его пикантность в нужной дозировке меня и при-

влекает. Встретиться с состоятельным эстетом за деньги, при этом с правом: давать или не давать — это ли не идеальное свидание?

Последний мой роман отправлен в утиль полгода назад. У меня ни кошки, ни собаки, ни даже диванной скотины, перед которой надо было бы отчитываться о своих действиях и финансах. Мама давно не комментирует мою жизнь, да и я научилась фильтровать информацию. В общем, я никому ничего не должна, вольна делать всё, что не преследуется уголовным законом и не влечёт летальных исходов. Как тут отказаться? Только я не сплю вторые сутки, ворочаюсь до утра в горячей постели. Потому, что страшно... Хватит ли мне мышц взять этот вес? И так ли я себя хорошо знаю? А вдруг я не устою? А вдруг мне это понравится?

В воскресенье, после долгих и интенсивных колебаний я решаюсь набрать номер с визитки. Терпеть не могу слушать гудки, и если никто не ответит — перезванивать не буду. Правда, с каждым сигналом уверенности во мне всё меньше. К шестому я уже готова нажать отбой, на седьмом я всё ещё не отменяю вызов и после восьмого, наконец, слышу торопливый щебет Марии:

— Да, дорогая, привет!

— Привет...

— Извини, — перебивает она, — что-то срочное у тебя?

— Ну... я по договору...

— О, давай я тебе перезвоню чуть позже, окей?

— Да. Окей.

Прелестно! А чего ты ждала, Слава, от профессионального манипулятора? Им же нужны тренажеры по прокачке собственной значимости, вот Мария и упражняется: заставляет ждать, зная наверняка, как непросто мне было решиться на звонок. Ну или я "пара-ною". Манипулятор же — тоже человек, может у неё, действительно, какая-нибудь важная встреча...

По крайней мере, я теперь знаю, что "чуть позже" по меркам Марии — это немного больше получаса, хотя, само понятие очень растяжимое и позволяет фрустрировать людей сколько угодно. Очень эффективный способ увеличить долю влияния — все мои мужики так делали.

— Да, извини, я была занята. Как ты?

— Мне предложили интересную работу, — перехожу сразу к делу, — я сомневаюсь, что смогу совмещать одновременно два искусства.

На самом деле, я не сомневаюсь, что не смогу совмещать, но нужно же, в конце концов, определиться уже, какой договор подписывать.

— И ты хочешь, чтобы я помогла тебе принять решение, верно?

Стерва, всё понимает, в проницательности ей не откажешь. И я внезапно чувствую к ней благодарность, ведь этим вопросом она снимает с меня часть задачи, упрощая мои от-

веты.

— Да, — подтверждаю я.

— Что за работа?

— Я говорила, работа в сфере сетевой литературы. Продакшен, что-то вроде рерайт-адаптации турецких сериалов, только без цензуры. Или как серия «Шарм» только не в мягком, а в электронном переплёте.

— Тебе это интересно? — без тени иронии спрашивает Мария.

— Ну... честно говоря, я не то, чтобы горю желанием попробовать...

— Просто хочешь кому-то что-то доказать, так?

Удивительно, как она деликатно нарушает мои границы. И даже возмутиться нечему, по факту же так и есть.

— Ну, я недавно хорошо продала свои трусы на аукционе, поэтому могу себе позволить развлечься. К тому же, там я трусами рискую меньше в сравнении с тем, что предлагаешь ты.

— Да, наверное. В офисе этого лысого однозначно спокойнее.

— Издеваешься?

— Нет. Но не вижу причин для сомнений. Соглашайся на его предложение, тем более, если ничем не рискуешь. Не понравится — закроешь вопрос. До приезда нашего Шевалье больше месяца, у тебя будет время определиться.

— То есть... ты считаешь это можно совместить?

— Конечно. А шефа твоего и коллег можно использовать в качестве тренажера для твоей тёмной женской энергии. Более того, любителей эксклюзивных наслаждений очень привлекают какие-нибудь странные увлечения женщины и они с удовольствием в них вкладываются. Стилистки и иконописки уже всем наскучили, а вот писательниц эротических романов, по-моему, ещё не было.

— Иконо... кто, прости?

— Иконописки, — смеётся Мария, — да была тема недавно, каждая пятая индивидуалка в Москве бросилась изучать мастерство иконописи, дабы поднять цену на услуги, типа, она не просто так какая-то пизда, а с кисточкой.

— Чем их мирская живопись не устроила, интересно?

— Тоже избита тема. Сейчас все состоятельные мужчины в поиске эксклюзива. Причем, зажрались до того, что не просто экзотики хотят, а чтобы органик непременно. Когда мода была на всё восточное — чайные церемонии, гейш, — японки ездили сюда, китайянки, пара казашек в тусовку залетела даже, потому что наши, при всём их желании и навыках, всегда будут рашен гёрлс. Поэтому, что им остаётся? Спорт — классика, которая никогда не выйдет из моды, но сфера буквально трещит по швам. Балет — туда же. Прикладное искусство, вокал, актёрское мастерство — каждая третья. Вот писательниц ещё, пожалуй, не было. Поэтесса одна была, шахматистка тоже. А сейчас как раз запрос на лёгкую оригинальность.

— Прости, что-то я не понимаю, чем тогда твоё искусство отличается от эскорта?

— Тем же примерно, чем "Чёрный квадрат" Малевича отличается от изображения мужского полового органа на заборе.

Пока я взвешиваю двойной смысл фразы, Мария продолжает, совершенно меняя тему:

— У тебя очень сильный внутренний критик. Я думаю это кто-то из твоих родителей. И поскольку ты всё подвергаешь тщательному анализу, вместо того чтобы доверять интуиции — это именно отец. Я чувствую мужскую энергию, она подавляет женскую, чтобы всё контролировать и не даёт тебе раскрыться. Какие у тебя отношения с папой?

Кое-как проглатываю сухой комок. Ответ на этот вопрос очень прост по форме но по сути такой же сложный:

— Никакие. Он умер полгода назад.

— Прости...

— Не стоит. Мы почти не общались.

— Да, понимаю, травма отверженности... — сочувственно и почти без фальши вздыхает рыжая.

— О, только не надо, пожалуйста, этой вашей травматологии! — Вспыхиваю я и тут же осекаюсь, корю себя за реакцию, которую опытный стратег не упустит. И конечно, Мария мгновенно её ловит. Надо впредь быть осторожнее, тщательно контролировать эмоции, а то окажется, что она ещё и в диагнозах права.

— Готова поспорить, что ты сейчас включаешь контроль на всю катушку.

Ну, вот, собственно, я и попалась. Ведьма видит меня насквозь даже на расстоянии и отрицая, я только подтверждаю это.

— Ладно, — сдаюсь, — родители развелись, когда мне было шесть или около того. У них были сложные отношения. Мы редко о нём говорим с мамой, но никогда плохо, скорее с сожалением.

— Почему, как думаешь?

— Он был очень ярким, интересным и талантливым, но мы чаще видели его обратную сторону. Я благодарна маме за то, что ей хватило силы воли на развод, всё могло быть гораздо хуже. Таких мужчин, как мой отец, можно любить сильно издалека. Их сейчас классифицируют как нарциссов.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Плохо, что вы с мамой до сих пор считаете мазохизм любовью.

Это замечание заставляет меня приподнять брови. Хорошо, что Мария этого не видит.

— За тобой хоть записывай, — хмыкаю я.

— Так ты записывай, пригодится, — хмыкает она в ответ. — Ты же по поводу моего предложения уже всё решила. Позвонила, чтобы я, как бы, тебя "уговорила". Отпусти контроль. Признайся уже себе, что ты давно жаждешь нового опыта, эмоций и экспериментов, но всё время отказываешься от них. До сих пор боишься родительского осуждения?

Тут мне нечего возразить. Но и любая попытка оспорить аргументы Марии будет выглядеть, как оправдание.

— Не отказывайся от предложений, — голос в динамике замедляется и звучит мягче, — а ещё лучше — перестань о них думать. Посвяти завтрашний день себе, сходи в спа на массаж и другие приятные процедуры. Приезжай завтра на Никитскую в «Нирвану» к десяти, там всё обсудим, а то, извини, у меня сейчас важный звонок.

— Да... отличная идея, — говорю я, — только знаешь... ты ошиблась кое-в-чём.

— Да? В чём же?

Какая-то часть меня побуждает сказать ей, что я реально "не такая", я девушка с высшим филологическим образованием и прочным моральным стержнем. Чаще всего эта часть добивается цели, но сегодня тот редкий случай, когда другая, теневая половина моего "я" бьёт по губам первой.

— Этот лысый редактор клубнички — он не раб, как ты сказала, сапоги лизать не будет, но его заводит, когда ему отказывают. Думаю, он возбуждается от слова "нет", может даже, любит лёгкое женское доминирование в сексе, если до него доходит дело. Но огурец в виде кляпа ему не очень понравился.

— Умница! — восклицает Мария. — Не сомневалась в тебе.

— Хочешь сказать, ты это знала?

— Конечно. Видишь, ты и его раскусила и меня. Жду зав-

тра в десять, не опаздывай...

Посещение «Нирваны» на Никиткой считается неким плюсом в карму уважающей себя москвички. Что-то типа чёрного входа во все тусовки столичной богемы. Сюда по большому благу приходят не только отдаться профессиональным мастерам наслаждения, но и обзавестись нужными связями, узнать все последние сплетни "двора", или хотя бы показаться на глаза главным женским лицам с таблоидов. Любимое место встречи "жаб и гадюк". Место, которое не нуждается в рекламе, как говорится, потому что даже знать о нём не все могут себе позволить.

Я знала. Мой хайрстилист — Антоша регулярно снабжает меня свежими сплетнями, за то, что я регулярно снабжаю его работой вот уже десять лет. Все тайны, интриги, расследования сначала выдает он, а потом в течение недели каждая его сплетня подтверждается официальными новостями в бульварной прессе и разлетается по "хОлатным" телеграммам.

Как ему это удастся — для меня загадка. Я даже подозреваю, что он всё придумывает, пока стрижет и красит, развлекая своих дам, а те потом, как насекомые, разносят эти "споры" по чатам. И только в избранном кругу клиенток Антоши иногда можно услышать о «Нирване» — самом закрытом салоне для очень заметных женщин центра Москвы. До жи-

тельниц замка. А информация о нём почти не долетает.

— Собчак почти каждое полнолуние арендует всё пространство «Нирваны» на сутки, чтобы сбросить кожу, — шептал мне как-то Антоша, — змея так обновляется. Ковальчук там со своей любовницей встречается периодически. А однажды чуть скандал не случился. Тогда одновременно забукались обе содержанки какой-то министерской шишки, сама понимаешь, сейчас там с папиками большой дефицит — они всё больше по мальчикам. Так вот, оказалось, что и этого бойца девки стремительно теряют! Одна из любовниц только на верхнюю половину — женщина.

Вспоминая этот разговор с Антошей, я лежу на теплом массажном лежаке, вдыхаю аромат каких-то магических благовоний, а две невероятно красивые тайки втирают мягкими гладкими ладошками масло в моё разнеженное тело.

Рассказать — не поверит ведь. Хотя, придётся. Полчаса назад я изменила ему и впервые за столько лет доверила свою голову мастеру «Нирваны», который сотворил то, на что Антоша никогда бы меня не уговорил! А Марии удалось. Получилось очень! Вот прямо очень-очень! Теперь я обладательница стильной "пикси", которая невероятно меня освежает и выгодно выделяет среди рафинированных красоток с отутюженной гривой и локонами. Простить мне этот поступок Антоша сможет, только узнав, где и в чьих руках я была. Несмотря на то, что я сама в это не верю.

Мария арендовала всю «Нирвану» со всем его сервисом

для себя и своей свиты до вечера. Такая бронь, как я понимаю, была неким маркером элитарности. Птицы самого высокого полёта не могут делить Нирвану с залётными чайками. Это тешит моё самолюбие так же, как уязвляет. Я же, по сути и есть — чайка, от которой жар-птица Мария чего-то хочет.

— Послушай, все мои клиенты, которых мы в комьюнити предпочитаем называть ресурсами — уважаемые, иногда очень известные, умные и интересные, и что самое главное — психически уравновешенные люди. Да с оригинальными запросами, но в рамках конвенции по правам человека. Большая их часть — европейцы, на втором месте по количеству — члены знатных семей Ближнего востока, на третьем — владельцы корпораций из Гонконга, Японии. На четвертом — Северная и Южная Америка. Наших соотечественников меньше всего и те уже больше здоровьем интересуются, чем бизнесом и всеми его атрибутами.

Разговор, к которому все процедуры по умасливанию меня и вели, Мария начала, когда мы остались с ней вдвоём в чайной комнате. Расслабленные и обёрнутые в пушистые халаты, мы попиваем дивный чай из винтажного фарфора. Пока рядом был персонал «Нирваны» и две помощницы Фаберже, мы или молчали или говорили обо мне. В основном, моя новая знакомая интересовалась моими вкусами и предпочтениями, довольно деликатно и ненавязчиво по капельке вытягивала из меня информацию про моё скромное проис-

хождение, о котором я не собиралась с ней, вообще-то, говорить.

Я понимаю, что всё это ей нужно знать, чтобы презентовать меня загадочному клиенту в максимальном разрешении, так чтобы на моём портрете не осталось ни малейших мутных пятен.

Ну, я не привлекалась, на учете не состою, ни алкоголиков или наркоманов в роду, ни одной порочащей меня связи не имею — только токсичные и бесполезные. Я совершенно не пыталась ей понравится с самого начала поэтому и сегодня нисколько не кокетничаю и говорю то, что думаю. Если Мария в итоге решит, что я ей не подхожу — не расстроюсь.

— Так чем это отличается от эскорта? — спрашиваю я.

— Да, частично ты права, это эскорт. — Мария лениво помешивает чай. — Но в его самом древнем, сакральном смысле. Люди с властью всегда держали вокруг себя свиту. Ничего не меняется: мир как был патриархальным, так и остался. Женщина в массовой голове всё ещё аксессуар... такой дорогой гаджет с набором полезных функций. Радикальные фемки бьются с объективацией. А посвящённые в наше «искусство» не спорят — наоборот, используют это. Быть фавориткой короля гораздо приятнее, чем инкубатором наследников или выступать против бритья подмышек.

— И какими качествами должны обладать эти фаворитки? Ты уверена, что не ошиблась? Столовый этикет я ещё осилю, но вот французский язык — вряд ли успею.

Мария улыбается.

— Время, когда нужно было щеголять перед партнёрами и соперниками гаремом ботоксных кукол прошло. Знаний квантовой механики от них никогда не требовалось. Мода приходит и уходит, но всегда остаётся энергия. Что-то, что нельзя подделать или симулировать. Что-то, что вдохновляет и заряжает, уравнивает мужскую силу и питает её. Потрахаться можно с проституткой, на банкет сходить с моделью из агентства и потом, доплатив ей, потрахаться. Музой может быть далеко не каждая из них. Понимаешь? Мои клиенты не ищут секса, хотя никто из них не против. Они хотят эмоций.

— В смысле, с битьем посуды и выяснением отношений?

— Нет, — Мария снова смеётся, — каждый, каким бы крутым ни был, чего бы ни достиг, всё равно хочет ощущать, что может кого-то... покорить. Хотя бы символически. Когда в делах всё стабильно, а свой Эверест он уже брал, и не раз, тянет не к вершинам, а к стихии. А женщина для них — как природная аномалия. Живая, непредсказуемая, с глубиной, которой они боятся и жаждут одновременно.

Она делает ленивый жест рукой:

— Вот за это и платят. Не за секс. За то самое ощущение, что они вошли в игру со стихией, а не с очередной девочкой из каталога. Молоденькие — милые, хорошенькие, но у них тень ещё слабенькая. Одна солнечная сторона. Нечем играть. А мужчинам нужен отклик — чтобы на их тень что-то ше-

вельнулось в ответ.

Мария наклоняется чуть ближе:

— Образование, курсы, манеры — всё это украшения, блёстки. Чувство юмора — хороший бонус. Настоящая ценность в энергии. В загадочной ауре, понимаешь? Она вроде бы лёгкая, естественная, смеётся, кофе пьёт — а в глазах танец. Как раз то, чего им хочется, даже если они сами себе в этом не признаются.

Я тихонько усмехаюсь. Как бы не хотелось разочаровать Марию, судя по всему у неё на меня больше планы, но не выразить сомнения по этому поводу я не могу:

— Ты, кажется, заблуждаешься на мой счет. Образование у меня какое-никакое есть, красота — явление субъективное. Вот то, что ты называешь аурой — весьма спорно. Танец в глазах — не знаю, но чувство юмора у меня скорее мрачное. А прокрастинация — главный мой талант.

Мария опять хихикает.

— С юмором у тебя всё отлично. Тем более, что клиент, которому я так тщательно подбираю музу как раз такой и ценит. Танец в глазах прекрасно оживляется деньгами. Извини, но я это видела и скрыть тебе это не удалось. В остальном тебе поможет моё "искусство". Но на первой встрече тебе нужно быть максимально собой. Предельно естественной. Я на девяносто девять процентов уверена, что он будет сражён.

— Почему не на сто? — хмыкаю я.

Мария на этот раз остаётся серьёзной. Она поднимает

взгляд на меня и прежде, чем ответить, несколько секунд смотрит не моргая. Я тоже смотрю. В белоснежном халате и с полотенцем на голове, румяная от массажей и процедур она выглядит совсем юной. Но в карих глазах сосредоточено такое глубокое знание, которое не получишь в университетах. Отчего-то мне становится совестно, за то, что в первую нашу встречу я поторопилась навешать на неё ярлыков. Она совсем, совсем не такая, какой тогда старалась быть.

— Это любимое моё число...

Её ответ почему-то будоражит меня. Всё так загадочно и романтично, что все сомнения и скептицизм хочется игнорировать. В конце концов, чем я рискую, вписываясь в эту авантюру? Вполне возможно, что я этому её "клиенту" не понравлюсь и всё забудется как сон. В любом случае я уже в плюсе.

— Хорошо, — я киваю, — расскажи хотя бы про него. Кто он, сколько лет хотя бы...

Но она отрицательно качает головой.

— Сейчас не могу, извини. Только после подписания соглашения, которым ты официально отказываешься практически от всех возможных претензий в адрес моего клиента и берёшь на себя определённые обязательства. Одновременно оно гарантирует тебе безопасность и ненарушение твоих личных границ...

Больше мы эту тему не поднимаем. До вечера не так много

времени и мы с Марией почти не остаёмся наедине. Я полностью погружаюсь в ощущение избранности, которым меня окутывает её безмолвная и незримая близость. Не буду лукавить, это приятно. Даже в какой-то момент кажется, что я создана жить такую жизнь, пусть даже в тени её законной хозяйки.

После того, как заново родишься, весьма кстати приходится ужин в ресторане «Нирваны». Нас угощают чем-то невесомым и вкусным с бокалом лёгкого шампанского. Окончательно разомлев в искрящейся неге, я, в итоге, там же подписываю бумаги. Ассистентки Марии подсустились и всё подготовили заранее. Она же была уверена в таком исходе на все сто процентов. А кто бы устоял? Меня буквально напители дольче витой почти до полного растворения воли в сиропе и бонусом ещё вручили гостевую карту «Нирваны» на месяц.

Дома на пути к кровати, я даю себе обещание подумать обо всём завтра и мгновенно засыпаю, только голова касается подушки.

Глава 16. Рынок шкур или элитный бутик?

(Среда, 19 марта)

Меня будит телефонная трель. Кое-как нахожу её источник под кроватью и глядя в экран одним глазом, принимаю звонок:

— Звезда моя, ты почему мне не сказала, что ты новая подопечная Фаберже? — слышу Алкин голос. Слова она произносит разборчиво, но смысл их до меня не доходит. Как будто подруга говорит на каком-то неизвестном мне диалекте.

— Что? — сиплю я.

— Ты спишь что ли?

— Угу...

— Ну ты даёшь! Телегу посмотри, я тебе скинула.

Несколькими тыками пальцем в скрин я открываю телеграмм.

От Бараша пара входящих с прикрепленными файлами. Фотка, вернее несколько фоток, на каждой из которых одно и то же изображение в разных раскадровках. Какое-то здание, припаркованная машина у его входа и две фигуры, застывшие в направлении к автомобилю.

— Я едва узнала тебя, — ворчит Барнина. — Что у тебя

на голове? Тебе идёт, кстати.

Пролистав несколько раз, наконец, понимаю — это я с новой стрижкой, и Мария в тот момент, когда мы выходим из «Нирваны». Под фото заскриненный текст из какого то чата: «Стало известно как выглядит новая подопечная Марии Фаберже, ставшая ею в результате победы в ежегодном розыгрыше лотереи. Месяц личного наставничества, вероятно, получила эта девушка, которую наша подписчица успела снять на телефон, когда она вместе с Фаберже покидала «Нирвану» через задний вход».

— Задний вход в Нирвану? Я аж проснулась. Этот перл надо записать.

— Подруга, ты поступаешь некрасиво, — продолжает бухтеть Алка, пропуская мою остроту. — Ты почему мне не сказала? Почему я узнаю это из чата сплетен?

— Вероятно, потому что это и есть — сплетня, — зеваю я.

— Но ты не говорила, что была с ней в «Нирване»!

— Нет мне прощения.

— Я серьёзно!

— Я тоже. Проси чего хочешь, госпожа!

— Хочу подробностей!

Следующий час я в средних деталях пересказываю всё, начиная с того вечера, когда очнулась у Марии в кабинете, опуская в повествовании эпизоды с зеркалом и проданными с молотка трусами. Скуплюсь на краски, так сказать, и благодарно обхожу в разговоре предложение, от которого не

смогла отказаться. Не то, чтобы я не доверяла Алке, просто такая информация должна настояться, тем более, что сначала подруге надо переварить закуску.

— Я тебе говорила, она наняла меня написать несколько вбросных статей про ее «Искусство», ну знаешь, многие блогеры инфобиза заказывают себе инверсионный контент у обзорщиков и инфлюэнсеров.

— Ты не обзорщик и не инфлюэнсер, — справедливо замечает подруга.

— Я и не утверждала. Но крупным обзорщикам тоже кто-то материал пишет, особенно, если это реклама, прикрытая фиговым разбором. И платит она столько, что я вряд ли смогу быть предвзятой. А ты знаешь моё отношение к всяким женским курсам.

Алка знала. Тем объёмнее было её недоумение, что именно мне достался тот билетик, ведь я так не похожа на четырех предыдущих победительниц лотереи Фаберже. Я не стала сообщать ей, что это было чистой импровизацией Марии, потому что кумирица Барниной, не успев заранее определиться с фавориткой, в последний момент втянула в это случайного пешехода. Меня.

Я успеваю сварить себе кофе и позавтракать, пока рассказываю подруге как там в «Нирване». Именно к этой части у неё повышенный интерес, продиктованный, как мне кажется, желанием увидеть звезду без фильтров и макияжа. Ну, кто из нас не выискивал целлюлит на бёдрах Джиджи и Бэл-

лы Хадид? Кто не сравнивал студийные снимки селебрити с кадрами папарацци? Тут я ничем порадовать Бараша не могу: Мария идеальна. Точно такая же как у себя в инстаграме¹⁰. Даже лучше.

— Капец, конечно, ты попала, Слава, конкретно...

— С чего ты взяла, в каком смысле?

— Тебе же придется месяц дышать маточкой? Как ты выдержишь?

Алка смеётся. Она является почетным донором сетевых упырей, которых ещё называют инфоцыганами. Не пропускает ни одного курса по раскрытию женских энергий и последние два года отпуск проводит в ретритах. Ее хобби — постоянная тема для дискуссий и моих подколов в адрес подруги. И «радуется» она так сейчас только по той причине, что с большим пиететом относится к кармическим урокам. Особенно, когда они выпадают мне.

— Ничего, ради тебя как-нибудь постараюсь. Ты мне ещё спасибо скажешь, когда я сниму с тебя розовые очки. Не верю я ни в какое её особое «искусство». Как по мне, так это обычный "шугар дейтинг" с феминистским флёрром. Байгу-жин для богатых — вот кто такая твоя Фаберже!

Алка берёт с меня обещание держать в курсе. В её понимании, это значит выкладывать все подробности моей драмы без цензуры. Я, конечно, не возражаю и даю честное слово,

¹⁰ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

скрестив на всякий случай пальцы.

День течёт вяло и, в основном, по ленте социальных сетей с перерывом на чай с конфетами и зеркало. Надо было бы сходить в зал, растрястись, но диван сильнее. Может, окружающая среда радовала бы больше, если бы она была пятиницей — можно было бы тогда выгулять новую стрижку в каком-нибудь баре. Проверить, как на неё реагируют парни и какие. Вчера мне казалось, что новый образ существенно поднимает мой лэвел. Хочется внешних подтверждений, что так кажется не только мне. Но Алка сегодня вечером на стрип-пластике, а одной в бар идти — некомильфо.

Я пытаюсь извлечь хоть какую-то пользу из среды. Не просто так прыгаю по веткам соцсетей и ныряю в глубины Гугла, а вооружаюсь информацией. Мне надо хотя бы примерно представлять, во что я ввязываюсь. Количество подписанных мною бумаг намекает, что это "искусство" — ответственное дело, но Мария опять не оставила никаких инструкций, просто бросив на прощание: "Созвонимся!". Что, кстати, симптоматично для моего бывшего. Он тоже любил играть в эту игру — появиться из ниоткуда загорелым и белозубым, как раз когда в моей жизни начинается какая-то движуха. Ну, и дальше по схеме: цветы, пара ресторанов, театр, слова, которые он незаметно пускает по венам...

Я подсаживалась на них три раза, пока до меня не дошло, что дело не в словах и не в прошлом. Дело во мне. Вернее, в

моей вере в иллюзию. Симуляцию видно было с самого начала. Просто я долго и упорно не хотела это признавать. Годы полтора у меня ушло на "проработку папы", медитации, йогу, книги про искусство манипуляции и подкасты про нарциссов, прежде чем я окончательно слезла с этой карусели. Я уже могла бы защитить какую-нибудь небольшую диссертацию на эту тему и самое главное — мне казалось, что я обрела иммунитет на фрустрирующих меня персонажей. И вот, Слава, знакомься, Мария — твой новый источник триггеров.

Настораживает, что ещё пару недель назад я не слышала ничего ни про неё, ни про её искусство даже от главного сплетника Москвы — Антоши. Уж он-то наверняка должен знать о богородице вип-эскорта гораздо больше, чем я. Странно. Не помню, чтобы он что-то говорил о ней, или вскользь упоминал "искусство", хотя, судя по масштабу личности, она не раз должна была попадать в его радары.

Эта мысль заставляет меня встать с дивана и снова пройтись до зеркала. С новой стрижкой и без мейка мне можно дать двадцать, если смотреть издали или прищурив глаз. Примерно в двадцать я так и выглядела, и стрижка была похожая, и фигура с тех пор не изменилась. Если спрятать опыт прожитых лет за тёмными очками, вполне можно сойти за первокурсницу. Широкие джинсы с низкой посадкой, топ на голые сиськи, заношенные кроссовки или кеды — вряд ли в таком виде стоит пробовать покупать алкоголь не имея паспорта.

Мне чудом удаётся втиснуться в вечернее расписание Антоши и то благодаря тому, что у меня теперь короткие волосы. Долетаю до него без опозданий, впрочем, как всегда, за это он меня и ценит.

— Боженька ты мой... — Антоша манерно хватается за свою правую сиську и закатывает глаза, — кто это с тобой сделал?

— Не ревнуй, — плюхаюсь в удобное кресло. — Я к тебе за информацией.

Антоша оттягивает вверх прядь на моей макушке.

— Если ты про наращивание, то это плохая мысль, лучше сразу под ноль.

— Не за этой, — перебиваю я, хоть и понимаю, что Антоша прикалывается, — ты знаешь кто такая Мария Фаберже?

— Знаю, конечно, — фыркает Антоша, продолжая ерошить мне затылок, — но не очень. Знаю, что вроде она дружит с Долецкой, была близка с Вербер. Вообще, dark horse дамочка.

— В каком смысле?

— Неизвестно, кто её катает, — быстро тараторит парень, — Появилась в Москве лет пять назад уже упакованная и заряженная. Сама вроде из Еката или Новосиба. Стала появляться на мероприятиях, мелькать в таблоидах, влилась в тусовку. Выглядит тётка шикарно, конечно, по сравнению с нашими жабами. И главное, ни в одном скандале не заме-

чена, личную жизнь не афиширует. Слухи всякие ходят, но пруфов нет. Я уверен, она по девочкам.

Надо сказать, у Антоши пунктик на ориентации его подопечных. У него, что ни персонаж — то априори гей или лесбиянка. И если нет подтверждений обратному, то его не переубедишь. Говорит, что в современном продвинутом обществе быть нормисом — не модно, а среди буржуа — так и вовсе моветон. Обязательно надо, чтобы ты не очень соответствовал морально-нравственным скрепам. Мол, радужный флёр вокруг медийной персоны нынче так же актуален, как когда-то оранжевый галстук для стилиаги.

Ну, меня её предпочтения не касаются. По крайней мере — напрямую. Но что-то в Антошиных инсайдах есть такое, что не требует сомнений. Возможно этим и объясняется странное чувство, похожее на дежавю. С самой первой минуты знакомства с Марией меня преследует фантом бывшего Виталика. Вот тот же самый спектр эмоций я испытывала всякий раз наступая на те грабли.

— Женщина, — гундосит Антоша, глядя на меня в зеркало, — что делать будем с этим?

— А почему она «Фаберже»? — я не унимаюсь.

Парень жмёт поджарыми плечами:

— Тебе какую из тысячи версий?

— Эм-м, ну самую кулуарную давай.

— Есть частное мнение, что это её криминальный псевдоним, типа как Сонька...как там её? А, Золотая ручка...

Антоша, уже без вопросов, подкатывает кресло к мойке и заботливо укладывает меня затылком в тёплую раковину. Через пару секунд чувствую мягкую ароматную пену и пальцы, профессионально массирующие голову. Единственный мужчина на земле, который точно знает, как доставить женщине истинное удовольствие. За это можно простить ему такие длинные паузы и в без того слабом напоре информации.

— В прямом смысле криминальный?

— Да... залетала как-то пару лет назад одна пташка с такой версией, — бубнит Антоша над ухом, когда я снова оказываюсь у зеркала. — Типа у этой Маши в Сибири было крупное модельное агентство...

Антошино отражение подмигивает и изображает пальцами кавычки.

— По сути бордель для серьёзных сибирских авторитетов и их бизнес-партнёров с Дальнего востока. Говорят, держала за яйца всех от нефтяников с металлургами до алмазных королей так к ней и прилипло это "фаберже", если ты въезжаешь в аллюзии.

Я киваю. Как не въехать? Мнение хоть и частное, но прекрасно укладывается в современные мизогинные шаблоны. Конечно, если ты красивая и на Порше, значит, однозначно или насосала, или муж купил, что, в общем-то, одно и то же.

— А какая ж тогда официальная? — спрашиваю я.

— Их даже две и обе, по моему мнению, пиздёж. По одной эта Фаберже купила себе фамилию, сейчас ничего нет

невозможного, если у тебя бабло есть. По другой — она или дальняя родственница кого-то из потомков ювелиров или наследница.

— И что не так с ними?

Анатоша, застыв с феном в руке, хлопает ресницами.

— Рыба моя, даже слухи про британских монархов в конце концов подтверждаются. А тут какая-то тётка из Сибири. Даже если на ней золотом выбито "бай фа-бер-же", это ничего не значит. А вот пташкам своим я верю...

От Антоши ухожу с чистой, но полной информации головой. За неё я плачу двойной тариф, что заметно смягчает его отношение к моей вероломной измене. Когда я сообщила ему, что была в «Нирване» и именно там меня обкорнали он перестал всячески обесценивать труд коллеги и даже признал в нём серьёзного конкурента.

По дороге домой заносу в блокнот всё, что удалось добыть. Получается, если Антоша прав, то всё сходится и я попала если не на рынок шкур, то в элитный бутик мохнатого золота в качестве товара. Что, собственно, было очевидно с самого начала.

Теперь я кажется понимаю, почему она искала кого-то моего возраста и фактуры. Обычно, именно к сорока женщины, не обременённые семьями или стабильными отношениями, доверху напичканы тем, что Мария назвала "блёстками" — что-то типа девичьего приданого, которое мы копим с дет-

ства.

К этому возрасту в наших сундуках стёганные полотна опыта и бусы из практик, книг, курсов, хобби и мировоззренческих концепций — всего того, что сейчас модно называть личностным ростом. Плюс свободных, незамужних женщин в том, что они могут позволить себе не тратить время на служение штанам и подгузникам, а интеллектуально и духовно развиваться, обзаводясь арсеналом тех заветных инструментов, которые делают человека продвинутым, превращают лоховатую кису в светскую львицу. Проблема только в том, что к этому моменту некому предъявить свой глубокий внутренний мир — львы все уже заняты.

Ах, если бы всё это богатство со всеми стразами, шпильками, шопенгауэрами можно было сразу скачать в восемнадцатилетний мозг! Может, тогда не было бы никаких Вита-ликов в моей жизни...

Во дворе моего дома необычно тихо для этого времени суток и в воздухе наконец узнаётся тот незрелый и еще колючий весенний вечер, ради которого я могу терпеть март. Несмотря на метания ума, мне почти хорошо, а об остальном можно подумать завтра.

В конце концов, что ещё делать?

— Слава!

У самого моего подъезда останавливается чёрный седан

с тонированными стёклами, похожий на Майбах Марии. В груди внезапно ёкает, потому что именно её голос и доносится из приоткрытого окна:

— Дорогая, всё в порядке? — с некоторым беспокойством спрашивает она.

— Да... а что... ты тут делаешь?

Окно ещё немного опускается и я замечаю, что Мария в машине не одна. Рядом с ней девушка и на этот раз я узнаю её практически сразу — спутница цыгана, встреченного нами на лестнице ресторана "Берлиоз". Сердце снова ёкает, но уже с тревогой, быстро переходящей в жгучее любопытство, граничащее с ревностью. Что они тут делают? Почему они вместе?

— Я не могла до тебя дозвониться, решила заехать. Что у тебя с телефоном?

— А, он разрядился в метро, — виновато жму плечами.

— Ну, хорошо, что всё хорошо, и что я тебя всё-таки застала. Завтра около полудня я к тебе заскочу — обсудим детали. Нужно провести инструктаж, так что ничего не планируй. Договорились?

Я киваю, будто у меня был выбор.

— Отлично, — улыбается Мария, — тогда до встречи.

— До встречи...

Мария слегка играет сверкающими пальцами в воздухе на прощание, прежде чем чёрное стекло скрывает её безупречно-холёное лицо в темноте салона. Майбах трогается, следом

за ним оживает припаркованный в метрах пяти чёрный Гелендваген. Когда их габариты тают в проездной арке я плетусь домой.

Чувствую, без снотворного мне сегодня не уснуть...

Глава 17. Свет мой, зеркальце...

(Четверг, 20 марта)

Ночь выдалась согласно прогнозу: не помогли ни травяной чай с мёдом, ни капсула с мелатонином. В два я ещё не сплю, в пять я уже не сплю, к семи голова как раскалённый казан и даже ежеутренний кофейный ритуал не приносит ни удовольствия, ни пользы.

Бессонница встряса все силы и мысли, резерва хватает только на то, чтобы прилепить под глаза патчи, почистить зубы и расчесаться.

Если сегодня я произведу на гостью впечатление идиотки, то исключительно по уважительной причине. Впрочем, если по этой же причине Мария сочтёт правильным отменить нашу сделку, я ничуть не расстроюсь. Предложенная роль, несомненно, интригует, может быть даже льстит, только по моему глубокому убеждению, Золушку, всё-таки, поздно исполнять в почти тридцать восемь. А я свой дебют в эскорте рассматриваю именно так.

И где были мои мозги, когда я подписывалась на это?

Ладно, посмотрим, что день грядущий нам готовит. В конце концов, к игре нужно относиться как к игре, а это возможно только если не стремиться стать её победителем. Мария говорила, что от меня требуется быть собой, вот и пусть ест, что есть. Я в её игру не напрашивалась, так ведь?

Всё-таки, ближе к полудню нервозность нарастает и ползёт к пику потому, что рыжая опять не дала никакой конкретики. Размытые временные рамки, вероятно, любимый её приём, возможно уже даже — черта характера. "Буду ближе к полудню" — это когда? Тогда же, когда и "позвоню чуть позже"? Действительно, хочешь контролировать человека — начни с эмоциональных горок: заставь его ждать себя, доведи до полной потери симпатии к циферблату и потом дави на дверной звонок — пусть обосрётся!

Я, конечно, утрирую, но к тому самому моменту я уже изрядно на взводе, так что к двери я подрываюсь как подстреленная. Понимаю, как это глупо всё, по-детски, и прежде, чем повернуть замок, делаю глубокий, максимально плавный вдох...

— Привет дорогая. Симпатичный халатик.

Секунду я вижу перед собой карамель в шоколаде, кажется даже чувствую вкус, а через мгновение видение материализуется в Марию в коричневом твидовом костюме и бежевом пальто, накинутом на плечи. Как всё-таки рыжим идут эти осенние оттенки! До такой степени, что я на миг сожалею, что пренебрегла макияжем и приличной одеждой.

— Привет. Можешь не разуваться, — пропускаю гостью в квартиру, следом за ней заходят обе её ассистентки. Те самые, что были с нами в «Нирване», похожие друг на друга как творения одного хирурга, созданные им по образу и подобию молодой Анджелины Джоли. Одну, кажется, зовут

Настей, а другую Викторией.

— Очень миленько у тебя, — Мария с интересом осматривает интерьер моей скромной гостиной, снимая пальто. — Могу сесть?

— А д-да, конечно... Может, кофе или чай?

— Не суетись, давай сразу к делу.

Я мысленно выдыхаю. Терпеть не могу гостей, кроме Алки, которая сама всегда себе делает кофе или чай и прекрасно знает, где у меня спрятаны печенье.

Сажусь в кресло, Мария располагается на диване, девушки же остаются стоять чуть в сторонке. Джולי номер один аккуратно кладёт на журнальный столик футляр из полированного до глянцевого блеска дерева и с каким-то восточным почтением открывает замочек. Крышка бликует тёмно-бордовым, внутри, на такого же цвета бархатной подушке лежит Оно.

Признаюсь, я надеялась на встречу с ним так же, как сейчас боюсь взять его в руки. За последние пару дней я чего только не начиталась про всякие мистические зеркала, их глубокое эзотерическое и философское значение и символизм. И про то, какое влияние оказывает «Зеркало Иштар» на свою хранильницу. С трудом верится, что всё это относится к тёлке с Патриков. С другой стороны, может быть, именно поэтому она — «тёлка с Патриков»?

— Смелее, — мурлычет Мария. — Ты же этого хочешь?

— Я такое часто слышу от мужчин на первом свидании...

Не знаю, постигла ли Мария глубину моей иронии — она предельно серьёзна да и на лицах обеих Джоли ни тени эмоций. Похоже, они слишком большое значение придают моменту и мои реплики неуместны.

Берусь за рукоять зеркала. Сейчас, в свете дня оно кажется ещё более древним, будто со дня нашего знакомства прошла не неделя, а век.

— Что это за металл? Золото? — интересуюсь только, чтобы оттянуть момент встречи с отражением — а вдруг на этот раз магии не будет?

— Это электрум, сплав серебра и золота.

— Дорогое, наверное?

— Если бы я хотела впечатлить москвичку его материальной ценностью, я бы сказала, что за эти деньги можно купить красную «Теслу». Но в действительности у него нет цены. В том смысле, что само по себе — это просто недешёвый антиквариат. Бесценным его делает та, — она выделяет последнее слово, — которая видит в нем свой аватар.

— Аватар? Это как в фильме что ли?

Обе Джоли, наконец, подают признаки жизни, синхронно складывая пухлые губы в снисходительные улыбки.

— А. Всё понятно. Тут встроенный фейс-апп? Прикольный девайс.

Я кручу зеркало в поисках надкушенного яблока, но на рамке только нечёткие, сглаженные временем завитки древнего орнамента. Штука явно не может быть разработкой

«Apple» и вряд ли это отечественный продукт.

— Свет мой зеркальце, скажи, да всю правду доложи, — заклинаю полужёпотом, — я-ль на свете всех милее, всех румяней и белее...

Смотрю в овал. Желание продолжать паясничать тут же улетучивается. Из зеркала на меня смотрит Слава здорового человека. Слава моей мечты! Немного уставшая и румяная, как после горячей ночи, но полная жизненной энергии, излучающая ясное спокойствие, какое возможно только в комплекте со стабильной зарплатой минимум пять сотен "ка" в месяц.

Машинально касаюсь пальцами лица. По телу пузырьками расползается чувство, которое я бы сравнила с лёгким опьянением, но чистым и тонким, как самый дорогой порошок. Я видела уже сегодня своё отражение, утром, когда умывалась и чистила зубы и оно довольно отличалось от того, что я вижу сейчас. Едва борюсь с желанием сбегать в ванную, сравнить с оригиналом. Хотя... могу ли я довести каким-то стекляшкам, если не верю глазам?

— Ну, и где у него тут меню настроек? Как поменять фильтр? — я ещё раз поворачиваю зеркало. Никаких кнопочек или разъемов.

— Рас-рас, приём, — бубню я в рукоять.

Обе Джолы хихикают, Мария улыбается тоже. Я рада, что им весело, но хочется более серьёзного, что ли, отношения.

— Обожаю это, — с той же нежной улыбкой произносит

Мария, — каждый раз заранее угадываю какой будет реакция и каждый раз в точку. Скажи, ты вообще не веришь в чудеса?

— До появления дипфейка еще чуть-чуть верила.

— А теперь?

— Не знаю. Наверное ни во что. Верю, что всё можно объяснить с научной точки зрения. Как дождь. Он же фактически — чудо, вода с неба, божественное явление, если бы не физики, разобравшие этот феномен на атомы.

Мария плавно переводит командный взгляд на своих помощниц. Девчонки всё понимают без слов и беззвучно, покидают квартиру. Мне бы таких мОлодца, одинаковых с лица, тобы молча всё за меня делали и по глазам читали, когда надо свалить.

— То есть ты веришь не в чудо, а в то, что его можно объяснить? — уточняет Мария, когда мы остаемся наедине.

Пожимаю плечами:

— Наверное, так получается...

— Тогда, как бы ты объяснила это? — остреньким подбородком Мария указывает на зеркало у меня в руке.

— Я гуманитарий от мозга до копчика.

— Попробуй как гуманитарий. Как ты дождь объясняешь? Тоже ведь не как Архимед.

— Аристотель... — поправляю я.

— Не важно. Давай не как Аристотель, а как Слава Гагарина. Или какой у тебя творческий псевдоним?

Тут я, наконец, отвлекаюсь от разглядывания своего отражения в зеркале. Творческий псевдоним у меня, разумеется есть. Но как она узнала уже и об этом? В юности я писала стихи и рассказы и от имени своей альтер-эго отправляла их на всякие литературные конкурсы. Пару раз занимала даже какие-то места. Где-то в ящике стола валяется тетрадь с каракулями этой дамы. Её влиянием удобно прикрывать всю дичь, которою я творю после нескольких бокалов мартини. Выбор мужиков тоже, как будто, её рук дело — иначе я не могу объяснить, почему все мои отношения рифмуются как любовь-кровь-и вновь! Её именем можно оправдать все казусы в моей жизни, и она же постоянно подставляет мою задницу новым приключениям. Вот, то, что в народе называется "чёрт попутал", у меня именуется:

— Клава. Клава Космос.

— Какой шарман, — сияет Мария. — Клава Космос — это же примерно как Маша Фаберже!

— Да, думаю отлично будет смотреться на обложке рядом с названием «Страсть на грани развода на бабки».

— Согласна. Так как бы она объяснила то, что ты видишь в зеркале?

— Клава — такая Клава. Мне кажется, она бы как раз ничего объяснять не стала, а с восторгом приняла на веру самую сказочную версию. И ей зеркальце в ответ, ты прекрасна, речи нет... И так далее, короче...

— Понимаю. Тогда попробуй дать самую рациональную

из всех сказочных, Слава.

— Ну, попробую, раз без этого нельзя. — Я снова изучаю отражение, смотрю как красиво двигаются губы, как блестят глаза, дотрагиваюсь пальцами до щеки. — За стеклом камера, внутри софт с фильтром, камера передаёт отретушированное изображение на экран, как зеркало. Во многих смартфонах сейчас стоит такая фишка по умолчанию...

— А дальше? — не унимается Мария.

— Что дальше?

— Как ты объяснишь, что такую фишку ты замечаешь потом и в других зеркалах?

— Эм... — я мнусь. — Ну... м-м-м, наверное...

— Вот здесь рациональное должно уступить место магии.

Отражение в зеркале делается хмурым, что совсем его не портит.

— Слава, ты прекрасно объяснила принцип работы зеркала. Да, это, если тебе приятнее такой язык, приёмник световых волн. Физика, школьный курс, — Мария поднимает наманикюренный пальчик, — зеркальная поверхность взаимодействует с падающим на неё светом и отражает, вместо того чтобы поглощать или рассеивать его. Ну, а дальше отражение принимается тобой. Вернее, сначала твоими глазами, а потом мозгом. Так устроены все зеркала. Но это зеркало отличается от всех остальных тем, что принимает и отражает не только свет, а ещё то, что называют биоэнергетическими полями. Грубо говоря, в отражении ты видишь совокупность

волн, которые излучаешь. И от того, на какой частоте вибрируют эти волны, зависит отражение, которое ты видишь.

— Это что-то из теории о позитивном мышлении?

— Непосредственно. Нейропластичность, квантовое поле, визуализация... Коучи осознанности продают курсы, йоги занимают всё больше информационного пространства, вытесняя модный бодибилдинг. Сейчас в Москве медитационных центров больше, чем спортзалов, заметила?

Я молча киваю, не отводя взгляда от зеркала, то приближая его к лицу, то отводя на сколько хватает руки.

— На Патриках в кого ни ткни — каждый владеет какой-нибудь особой техникой, аффирмацией, асаной, позволяющей ему без труда делать по паре лямов в месяц. И ведь делают. Не по паре и не лямов, конечно, но на лавандовый раф им хватает.

Мария замолкает, видимо, в ожидании когда я налюбуюсь собой и обращу на неё внимание. Вижу по глазам рыжей, что следующая информация должна быть гораздо важнее созерцания себя в зеркале.

— И спрос на высокие вибрации, — Мария выделяет фразу, изображая пальцами кавычки, — актуален потому что никто не может их измерить, как температуру, например, или давление. Есть какая-то биорезонансная диагностика, но это тоже, прежде всего, бизнес. Только эта штучка у тебя в руке даёт наглядное представление о том, что человек излучает. Саму его суть, так сказать.

Рука устала держать довольно увесистый прибор. Я аккуратно кладу зеркало в футляр и провожу влажной ладонью по шёлку халата.

— Звучит складно... Ещё бы знать, что всё-таки сработало — медитация в прошлом году или пара занятий йогой. Нормально так прокачала суть, вон как вибрирую? — взглядом указываю на футляр. — И что по этому поводу нам ответит Илон Маск?

— Ты о чём?

— Как это отражение потом ещё несколько часов гуляет по другим зеркалам?

— Илон Маск никогда этого не скажет. Это уже за пределами его понимания, а значит не существует.

— Почему?

— Потому что он — мужчина. Мужской ум так устроен, что склонен считать необъяснимое несуществующим, ну или какой-то там симуляцией... Видимо, поэтому в науке одни учёные мужи, а на кострах сжигали в основном женщин. Ты — такое же зеркало, дорогая, только из другого материала и в другой оправе.

Чувствую, как дёргается вверх правая бровь. Как-то мы постепенно отдаляемся от физики в эзотерику — область для меня ещё более туманную, несмотря на регулярные попытки ютуба обогатить меня всякой такой информацией. Слышала я где-то уже про то, что всё есть отражение, все люди — зеркала в зеркалах, что излучаешь, то и получаешь

и так далее... Никогда до конца не понимала, как это может быть, а теперь, кажется, наконец, дошло.

— То есть, хочешь сказать — я отражаю своё отражение из твоего волшебного зеркала и поэтому в других зеркалах я вижу то же самое?

— Совершенно верно, — кивает Мария.

— А почему всего несколько часов?

— Знаешь, есть такой механический фонарик? Там надо какое-то время нажимать на ручку с педалькой, чтобы лампочка заработала, и чем активнее нажимаешь, тем ярче и дольше светит фонарик. Лампочка гаснет постепенно после того, как прекращаешь давить педальку.

— Да, знаю, у папы был такой, давал поиграть.

— Ну вот, представь, что два зеркала отражают сами себя миллиард раз в секунду, со скоростью света создавая бесконечное число копий. Этот процесс выделяет такое количество энергии, что её хватает на несколько часов автономной работы. Свет такой силы, что всё, на что он падает, становится этим светом. Потом яркость его постепенно снижается. Часть света поглощают зеркала, часть рассеивается. Особенность этого зеркала в том, что оно отражает не только свет, а как бы это точнее сказать... частоту вибрации.

Честно говоря, все это с трудом укладывается в голове. Я, Слава Гагарина, женщина из плоти и крови, знаю себя почти 38 лет, каждую свою трещинку, так сказать. Плотность физического тела не вызывает у меня никаких сомнений, как

и то, что давно было пора заняться его состоянием: сходить на тренировку, хотя бы, или на массаж, сделать пилинг. Возможно, даже пора было уколоть в лоб ботокс... А тут волны какие-то, свет. Я реально не понимаю, как всего лишь один взгляд на себя в старое зеркало может отменить все претензии к своему отражению? Даже на несколько часов. Каким бы не был этот свет или, черт его побери, пучок энергии, не может же он менять тело на клеточном уровне? В чём тут подвох?

— А ты... — я неожиданно сглатываю, — ты меня тоже такой видишь?

— Ты имеешь в виду, видят ли тебя окружающие такой же, как в зеркале?

Я киваю. Глупый, наверное, вопрос, но очень оправданный в данном случае. Мария вздыхает с лёгкой обречённостью, скорее всего она постоянно слышит подобное и я не оказалась исключением.

— Слава, а меня ты какой видишь?

— Э... ну, — закатываю глаза и изображаю лицом "instagram-фифу", хотя сейчас, когда она задала этот вопрос, я понимаю, что она давно и совсем не такая. В воображении помимо моей воли возникают слайды, на которых Мария в строгом костюме в Майбахе; Мария на обложке журнала; на светском рауте; на красной дорожке в Каннах; на пляже под

¹¹ Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

зонтиком на фоне яхт. И последним кадром мелькает абсолютно голая Мария верхом на горячем брюнете...

— То, что ты видишь, если хорошо вдуматься в процесс, это всего лишь волны, которые отражаются. Попадают в глаз, а там колбочки, палочки преобразуют эти волны в импульсы, дальше всё это по нервным окончаниям в мозг. А мозг, дорогая, всё это обрабатывает и интерпретирует, согласно прошлому опыту и эмоциональной оценке. Мозг, понимаешь?

— Ты как-то влияешь на моё восприятие?

— Это не так работает, — Мария качает головой. — Ты спрашивала, чем моё искусство отличается от того, чем оно кажется? Вот этим.

Она взглядом указывает на зеркало.

— Ты — инструмент. Зеркало — медиатор. Можно определенным образом настраивать этот инструмент, чтобы он выдавал то, что тебе нужно в зависимости от обстоятельств, цели или личного предпочтения. А дальше принцип действия зеркала ты уже знаешь. Искусство в том, чтобы чётко знать что и когда исполнять. Древняя, как мир женская мудрость в умении быть волной: обтекать, обволакивать, принимать и отдавать. Зеркало лишь запускает процесс.

— А, кажется поняла!

Меня внезапно осеняет, я едва сдерживаю руку, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Как я сразу не догадалась! Демо! Демо-версия. Она же сама так называла чудесный эффект отражения. Что ж, надо отдать рыжей должное — продавать

она умеет. Шикарная презентация. Есть только одно большое «но» — я принципиально не покупаю никаких курсов. Да и денег лишних у меня никогда нет. Хотя... стоп! Есть. Есть ведь десять тысяч долларов и три шутки евро, на которые у меня неделю выделяется слюна. Неужели сучка всё рассчитала? Сейчас впарит мне этот девайс со своим «искусством», я сяду на него, как на иглу, а потом, когда деньги закончатся, не то что квартиру — маму родную продам за дозу...

— И сколько стоит месячная подписка? — осторожно интересуюсь.

Мария улыбается, демонстрируя идеальные зубы, но в глазах её мелькает что-то типа: «ты ж моя дурочка, иди обниму».

— Ты подписана, — серьёзно отвечает рыжая и улыбка мгновенно тает. — Стоимость — договор, который мы заключили в "Нирване". В нём все условия, перечитай внимательно, хотя мы всё обсудили с тобой. У нас месяц до приезда мессира Александра. С завтрашнего дня. Будет лучше, если ты прямо сейчас соберёшь всё самое необходимое и сразу сегодня поедem на Бронную.

— Зачем?

— Дорогая! — рыжая поднимает бровки. — Ты договор читала? Во время подготовки ты должна жить в особняке. Это экономит моё время и твои ресурсы. Вещей по минимуму, документы. Остальное тебе не нужно. У тебя будет дру-

гой гардероб, другая косметика и другая жизнь.

Глава 18. Fake it till you make it

(Четверг 20 марта, вечер)

Логика — странный предмет: она, как бы, есть, но её сразу нет.

Не знаю, может, у меня одной так, но как только я начинаю искать в ней опору, тут же всё превращается в оправдание.

Вот, например, я почти без колебаний согласилась на условия Марии. С собой у меня небольшой чемодан, там белье, документы, зубная щётка, зарядки и ноут. Всё остальное, как сказала рыжая, мне в ближайшие тридцать дней не понадобится. Мне обещан гардероб, косметика и полный пансион в особняке на Бронной. Эта оптимизация расходов и экономия времени кажутся логичными, а самое главное, если уж быть с собой максимально честной — такой «олинклюзив» оправдывает мероприятие больше, чем все остальные доводы.

Не то, чтобы я сознательно шла на сделку с совестью ради люкса, но надо признать — когда тебя готовы обууть, одеть и вкусно кормить — сомнения почему-то сильно теряют в весе. И даже сигналы жопы становятся почти неощутимы.

Но говорят, из всех клюнувших на бесплатный сыр, выживает тот, кто внимательно читал инструкции к мышеловке. Особенно мелкий шрифт. Когда Мария «напомнила» про договор, я не нашла смелости признаться, что толком и не

смотрела его. Я вообще, надо сказать, не совсем серьёзно относилась к тёлке с Патриков и к тому, что она говорит. Для меня что Блиновская, что Фаберже — одного поля ягоды. Ну, пробежалась я по первым страницам глазами, кое-что ухватила. Подписала, потому, что было неудобно тянуть время. И теперь выяснять какие там «условия проживания», значит открыто показать себя безответственной дурой, которая подписывает бумаги, даже не вникнув

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.